Федеральное агентство научных организаций России
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
Российской академии наук

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Периодический сборник научных статей

Электронное научное издание

Выпуск 10

Москва 2018

Редакционная коллегия

В. З. Демьянков
П. С. Дронов
А. В. Дыбо
Е. Р. Иоанесян (отв. редактор)
Д. Б. Никуличева
Н. М. Разинкина
Н. К. Рябцева
К. Я. Сигал
И. И. Челышева
K. Hengst (Universität Leipzig)
R. Libertini (Katolícka univerzita v Ružomberku)

Проблемы описания языка

Problems of Linguistic Description

А. А. Ануфриев (Институт языкознания РАН)

A. A. Anufriev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Проблема семантических переходов в системе романских глаголов внутреннего состояния

Semantic shift in the Romance verbs of mental state

Аннотация

В статье даётся краткий обзор характерных как для романских языков в целом, так и для испанского языка в частности семантических переходов у глаголов внутреннего состояния, способных выступать в роли пропозициональной установки.

The article briefly reviews semantic shifts typical of the state verbs of propositional attitude both in the Romance languages in general and modern Spanish in particular.

Ключевые слова

Семантический переход, полисемия, глаголы внутреннего состояния, романские языки, испанский язык

Semantic shift, polysemy, state verbs, mental predicates, Romance languages, Spanish language

Говоря о глаголах внутреннего состояния, мы имеем в виду лексемы, связанные с мыслительной и эмоциональной сферами внутренней жизни человека[1]. Нас интересуют глаголы, выражающие различные оценочные модусы: знание, мнение, страх, сожаление и т.д. Прежде всего, это предикаты, способные выступать в роли пропозициональной уста-

[1] Употребляя данный термин, мы ориентируемся на работы Анны А. Зализняк [5].

новки в конструкции с пропозициональным дополнением (*я думаю / полагаю / боюсь, что…*), где их оценочная функция проявляется в первую очередь.

Проблематика, связанная с семантическими переходами, в настоящее время часто обсуждается в работах отечественных и зарубежных лингвистов, см. [11; 12]. Для современных исследований весьма характерны попытки сформулировать универсальные законы изменения значения лексем. При этом, хотя непреложных законов типа фонетических выявлено не было, были сформулированы основные типы семантических изменений. Так, например, А. Бланк рассматривает 6 типов, из которых для нас актуальна в первую очередь абстрактизация / метафоризация значения (прототипический пример: ‘хватать’ — ‘понимать’ во множестве языков мира, например у латинского глагола *comprehendere*) [11, 83].

В последнее время в связи с возможностью исследования большего количества языков и появлением новых корпусов исследования данной проблематики становятся всё более масштабными. Сопоставление переходов в различных языках, выявление общих тенденций и их «инвентаризация» осуществляются в частности в рамках разработки Каталога семантических переходов (далее Каталог)[2]. Лингвисты поставили перед собой задачу создания списка всех известных семантических переходов и формализовать накопленный материал не только диахронической, но и синхронной семантической деривации [5, 392—407].

В данной работе мы во многом будем опираться на исследования, проведённые при составлении Каталога, и, прежде всего, на работы Анны А. Зализняк и её терминологию. Комментария требуют такие понятия, как собственно «семантический переход» и «семантическая параллель». Под семантическим переходом (lexical semantic change / shift) понимается связь между двумя значениями одной лексемы в широком смысле: как в синхронном (полисемия, морфологическая деривация), так и в диахроническом аспекте (семантическая эволюция в пределах одного языка или от языка-предка к языку-потомку)

[2] Каталог представлен в виде базы данных на сайте http://semshifts.iling-ran.ru, где отмечено около 4000 переходов (Подробнее о каталоге см. [7;16]).

[там же, с. 399—407]. Под семантической параллелью понимается воспроизведение семантического перехода в другом слове (переход ‘хватать’ — ‘понимать’ у немецкого глагола *begreifen*, итальянского *capire* etc.), определённая «модель языковой концептуализации». Одной из основных задач Каталога семантических переходов как раз и является выявления параллелей [7, 36—37].

Несмотря на то, что в Каталоге и других подобных исследованиях представлены хрестоматийные примеры семантических переходов глагольной лексики, большинство анализируемых единиц представлено существительными и прилагательными. Во многом это связано с тем, что глагольная семантика в принципе сложнее для описания, и глаголы часто с трудом встраиваются в систему базы данных. По мнению С. А. Моисеевой, «в отличие от имени понятийная основа глагола настолько широка, что глагол может стоять на грани полной десемантизации» [10, 65]. В наибольшей степени это можно отнести именно к рассматриваемым нами предикатам субъективной оценки. В отличие от дескриптивной лексики выявить и охарактеризовать семантические переходы у оценочной лексики часто представляется весьма затруднительным.

Если в целом рассматривать систему предикатов внутреннего состояния в романских языках, учитывая её семантическую эволюцию от латыни к современному состоянию, в первую очередь имеет смысл говорить о многочленных переходах [5, 409], о семантических цепочках, выявляемых как в синхронии (предикаты внутреннего состояния чаще всего имеют более двух значений), так и в диахронии (основное значение предиката может несколько раз меняться в ходе языковой эволюции).

При многочленных переходах важным фактором является вхождение значения в то или иное семантическое поле: семантическая эволюция одного члена поля не может не влиять на другие. При этом в некоторых ситуациях имеет смысл рассматривать упрощённые двучленные схемы семантических трансформаций в том виде, в котором они представлены в базе данных. В этом случае мы видим лишь концы цепочки (исходное значение и значение-результат), но не промежуточные этапы семантических изменений.

На сегодняшний день в Каталоге зафиксировано множество переходов / параллелей, связанных с предикатами внутреннего состояния: помимо «знаменитой» [7, 44] модели ‘хватать’ — ‘понимать’ это ‘видеть’ — ‘знать’, ‘находить’ — ‘иметь мнение’, ‘класть / ставить’ — ‘иметь мнение’ и др. При этом при составлении Каталога внимание фокусируется именно на семантических параллелях, т.е. на совпадении одних и тех же переходов во многих языках.

В данной работе мы рассмотрим, во-первых, общероманские параллели, берущие своё начало в латыни, во-вторых, некоторые семантические переходы у испанских глагольных оценочных лексем. С одной стороны, взаимосвязь значений у испанских эпистемических глаголов невозможно рассматривать в отрыве от истории испанского и других романских языков: практически все глаголы внутреннего состояния восходят к латыни, причём в разных романских языках «путь» той же лексемы мог быть как схожим, так и кардинально другим. С другой стороны, представляется интересным рассмотреть семантические переходы, характерные именно для испанского языка, те немногие лексемы и модели, которые стоят в стороне от общероманских.

Ядро системы предикатов внутреннего состояния образуют предикаты рациональной (эпистемической) оценки. Важно понимать, что эпистемическая сфера теснейшим образом соприкасается с другими: с перцептивной, аксиологической, волитивной. По словам Н. Д. Арутюновой «ментальные смыслы сложно переплетены с перцептивными, эмотивными и волеизъявительными» [3, 112]. В этом состоит особенность оценочной лексики и в этом же заключается проблема при анализе семантических переходов, особенно при изучении синхронного среза. При этом романские предикаты «как правило, продолжают линию, которая была намечена в семантике латинского прототипа» [9, 244].

Наконец, ещё одна сложность с глаголами субъективной оценки заключается в том, что очень часто их семантика напрямую зависит от прагматической ситуации. Говорящий, употребляет ту или иную грамматическую форму и слегка меняет значение предиката: один из компонентов значения в зависимости от контекста становится доминирующим, другие же отходят на второй план (подробнее см. об этом ниже). В связи с этим

возникает проблема, обсуждаемая и составителями Каталога: какова должна быть длина смысловой дистанции, необходимая для того, чтобы считать минимальное изменение, едва заметный семантический сдвиг переходом.

Из всего вышесказанного вытекает вопрос, какие явления, связанные с семантикой и этимологией романских глаголов внутреннего состояния можно в принципе отнести к семантическим переходам, насколько возможно формализовать столь богатые данные в рамках базы данных.

Как уже было сказано выше, большинство глагольных семантических переходов, зафиксированных в каталоге, представляют собой метафоризацию значения. Такой тип переходов характерен для формирования большей части оценочной глагольной (в первую очередь, эпистемической) лексики в латыни, унаследованной и романскими языками. В основном именно данная модель (от конкретного к абстрактному) была исследована романистами в диахроническом плане.

В первую очередь приведём ряд переходов, связанных с формированием латинских предикатов мнения.

Два базовых латинских путативных глагола *putare* (‘срезать, стричь деревья’ — ‘иметь мнение’) и *cogitare* (‘соединять’ — ‘иметь мнение’) в эпистемическом значении в современных романских языках как таковые не сохранились[3]. У *putare* значение обдумывания-мнения предположительно развивается в связи с необходимостью рассчитывать каждый шаг в процессе сложной деятельности (стрижки деревьев[4]), а у *cogitare* оно связано с «соединением, собиранием идей» в нечто целостное для формирования точки зрения и способности размышлять в целом [13, 45—-46].

Теперь рассмотрим глаголы, сохранившиеся в романских языках. Если у глагола *supponere* (‘класть’, ‘ставить’) развивается именно значение предположения, высказывания точки зрения (нечто разовое, аналогичное исходному физическому действию), то гла-

[3] Например, их испанские дериваты *reputar* и *cogitar* в современном языке не употребляются, а сохранившийся *cuidar* употребляется в других значениях.
[4] Интересно, что итальянский глагол *potare* предметное значение ‘срезать’ сохранил.

гол *pensare* (‘весить’, ‘взвешивать’) начинает описывать не только результат, но и процесс размышления [там же]. Сходная метафорическая модель ‘взвешивать’, ‘оценивать’ — ‘думать’, ‘иметь мнение’ наблюдается и у глаголов *aestimare* (‘оценивать’) и *calculare* (‘подсчитывать’). Особняком стоит глагол *considerare* (от. *sidus* — ‘звезда, созвездие’), также связанный с мнением-оценкой, изначально обозначающий физическое действие ‘наблюдать звёзды’, а позже ‘рассматривать’, что сближает его с предикатами активного восприятия (см. ниже). Уже потом на основе перцептивного значения предположительно формируется эпистемическое ‘рассуждать’, ‘полагать’ [там же]. Потомки вышеназванных глаголов с той или иной частотностью употребляются как эпистемические в современных романских языках, доказательством чего служит их способность выступать в роли пропозициональной установки в конструкциях с пропозициональным дополнением (ит. *penso / suppongo che…*, исп. *considero / estimo que…*).

Нельзя опять же не коснуться семантической параллели хватания-понимания. Здесь хотелось бы добавить, что не только лексема *comprehendere*, но и глаголы *captare*[5] (также ‘хватать’) и *intendere* (‘тянуть, напрягать’, подробнее о нём см. ниже) приобретают ещё в латыни или уже в романских языках значение ‘понимать’.

Указанные выше переходы вполне логически мотивированы, однонаправлены и легко могут быть встроены в базу данных в виде двучленных единиц.

Далее имеет смысл перейти к более сложной проблематике — упомянутому выше взаимодействию близких сфер перцептивной, интеллектуальной (эпистемической) и эмоциональной (аксиологической) оценки. Данное взаимодействие, отсутствие чётких непреодолимых границ между ними отражается на системе предикатов внутреннего состояния на этапе формирования и дальнейшего развития романских языков, что создавало и продолжает создавать возможность для реализации семантических переходов. Од-

[5] Интересна «судьба» данной лексемы в испанском языке. Глагол *captar* сохранил и предметное, и абстрактное значение понимания (изредка в этом значении глагол употребляется и сейчас). Его этимологический дублет *catar*, адаптированный языком раньше, приобрёл на раннем этапе развития испанского языка перцептивное значение ‘смотреть’, а в современном языке употребляется в значении ‘пробовать’.

ним из наиболее фундаментальных исследований в этой области можно назвать работу В. В. Макарова «Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков» [9]. Говоря о позднелатинских предикатах внутреннего состояния, он утверждает, что данная «сфера латинского словаря предстаёт как концентрированное выражение родственных по своей природе актов, связанных с познанием объекта на чувственном и рациональном уровнях, эмоциональной оценкой объекта». Таким образом, изначально уже в семантике латинских глаголов был заложен потенциал, который в том или ином отношении реализуется в той или иной лексеме языка-потомка, причём в каждом языке по-разному [9, 280].

Наиболее обширной по количеству лексем и широко исследуемой в последнее время является система предикатов восприятия, центральные элементы которой (прежде всего, глаголы зрения и слуха) выступают в качестве предикатов внутреннего состояния, представляя модус перцептивной оценки. Множество латинских глаголов восприятия не сохранилось в романских языках вообще. Некоторые сохранились в одном языке-потомке и не сохранились в другом. При этом эволюция предикатов от латыни к романским языкам сопровождалась тем, что язык компенсировал образовавшиеся смысловые лакуны с помощью соседних членов того же или смежного семантического микрополя [9, 244]. Так, например, в современном итальянском языке основным предикатом слуха становится глагол *sentire*, описывавший в латыни чувственное восприятие как таковое (будучи, по сути, гиперонимом для всех глаголов восприятия) или в более узком смысле тактильное восприятие, в то время как потомок латинского глагола *audire* ‘слышать’ используется значительно реже.

Наибольший интерес вызывают случаи развития у перцептивных лексем значений других оценочных модусов: эпистемического и аксиологического. Простым примером может служить латинский глагол *sapere*, выражавший вкусовое восприятие, но уже имевший переносное значение ‘быть разумным’. Его потомки в романских языках (исп. *saber*, ит. *sapere*, фр. *savoir*) развили это значение и стали основными предикатами знания, в то время как основной латинский глагол знания *scire* использоваться перестал. При

этом основное латинское значение *sapere* ‘иметь вкус’ в романских языках сохранилось как периферийное.

Канонический пример (одна из самых распространённых семантических параллелей в языках мира) семантической эволюции предикатов восприятия — это развитие у глагола пассивного зрительного восприятия ментальных значений (‘видеть’ — ‘знать’, ‘видеть’ — ‘понимать’ у глагола *videre* и его производных), реализуемых в первую очередь в конструкциях типа *вижу, что…*[6].

С одной стороны, можно рассматривать отношение восприятия, знания и понимания как когнитивный цикл: говорящий сначала воспринимает объекты, находящиеся вокруг, затем в его сознании объекты и их взаимодействие осмысляются как некоторое событие и, наконец, путём дальнейшей концептуализации осознаётся как факт[7], являющийся отныне частью знания о мире [4, 413]. При этом воспринимаемые факты сначала понимаются, встраиваются в картину мира, а уже потом становятся знанием о факте. Т.е. понимание можно рассматривать как промежуточный элемент данного семантического перехода.

С другой стороны, зрение является основным сенсорным модусом, способность видеть — это и есть способность познавать мир, т.е. восприятие не может быть отделено от ментальных операций, а перцептивную оценку часто сложно отделить от эпистемической [там же], в связи с чем мы имеем дело с синкретическим значением видения-осознания-понимания, свойственным «полимодусной и кумулятивной семантике» глагола зрения [10, 132].

В этом смысле представляется значительно более радикальной точка зрения В. В. Макарова, который считает, что сами по себе значения перцептивной, рациональной и эмоциональной оценки нельзя называть родственными. Они не выводимы одно из другого, а заложены изначально как «специализации одного семантического комплекса», раз-

---

[6] Собственно, факт развивития эпистемических смыслов и даёт возможность глаголам восприятия выступать в роли предиката пропозициональной установки, в семантике которых всегда присутствует элемент рациональной оценки [4, 413].
[7] Об оппозиции событий и фактов см. [5].

виваются параллельно, и в конкретном языке в конкретный период одно из них реализуется интенсивнее [9, 307—308].

Помимо знания восприятие может быть также источником мнений о мире. Если фактивные эпистемические значения наблюдаются у предикатов пассивного зрительного восприятия, то нефактивные значения, связанные с мнением, оценкой ситуации, реализуются предикатами активного восприятия (‘смотреть’ — ‘иметь мнение’). В качестве примера можно привести латинский глагол *suspectare* ‘рассматривать, созерцать’, который уже имел значение ‘смотреть с недоверием ’, позже перешедшее в ‘подозревать’. Последнее стало в романских языках основным (исп. *sospechar*, ит. *sospettare* и др.). Также можно упомянуть вышеназванный глагол *considerare* (в современных романских языках одно из его значений – ‘иметь мнение’). Перцептивное значение ‘рассматривать’ реализуется как одно из основных у фр. *considerer*, ит. *considerare* и порт. *considerar*, в то время как у испанского *considerar* признаки значения зрительного восприятия отсутствуют.

В ещё большей степени различный подход к использованию одной и той же возможности реализации определённого вида оценки характерен для романских глаголов, производных от *sentire* и *intendere*.

Если говорить об ит. *sentire*, фр., исп., порт. *sentir*, то, как и предикату зрения, ему изначально присуще значение ‘чувствовать’, где трудно отделить собственно чувственное восприятие от ментального. В этом значении вышеуказанные предикаты близки эпистемическим предикатам мнения, но они также могут сужать своё значение, обозначая как слуховой, так и другие сенсорные модусы. Отдельно нужно упомянуть фиксируемое только в испанском и португальском языках аксиологическое значение ‘сожалеть’.

Наконец, для производных глагола *intendere* в зависимости от языка те или иные значения становятся центральными или периферийными, хотя почти все значения фиксируются словарями. Так, для ит. *intendere* основными являются волитивное ‘хотеть, намереваться’, для иберо-романских языков (исп. и порт. *entender*, кат. *entendre*) эпистемическое фактивное ‘понимать’, для фр. *entendre* перцептивное ‘слышать’. При этом во всех языках также наравне с фактивным *понимать* фиксируется периферийное эпистемиче-

ское значение ‘иметь мнение’. В данном случае весьма сомнительно утверждать, что значения эпистемического и волитивного модуса развиваются из перцептивного. В определённом смысле здесь можно согласиться с приведёнными выше словами В. В. Макарова о невыводимости одного значения из другого.

Несмотря на это, в отдельных случаях говорить о направлении перехода всё-таки возможно. Так, в работе А. Е. Звонарёвой, посвящённой диалекту каталанского языка сардинского города Альгеро, говорится о переходе ‘понимать’ — ‘слышать’ у глагола *entendre* под воздействием логудорского диалекта сардинского языка [8, 164—165].

Важно понимать, что реализуемые значения задаются не только конкретным языком, но и прагматическим контекстом. Например, в испанском языке у глагола *entender* можно выделить не фиксируемое словарями значение аксиологического понимания, которое подразумевает принятие чего-либо как естественного, одобрение, солидарность или даже сопереживание [6, 546—548]: *Entiendo que estén enfadados.* ’Я понимаю, что вы рассержены’[8].

Грамматическим показателем данного значения служит употребление в зависимой части конструкции сослагательного наклонения, маркирующего аксиологическую семантику пропозициональной установки, вместо нормативного изъявительного, употребляющегося после глаголов понимания [15].

Семантика вышеописанных глаголов как нельзя лучше подтверждает слова С. А. Моисеевой о том, что входе эволюции от латыни к романским языкам «проходил процесс семного бурления». При этом одни семы выталкивались языком на поверхность, другие уходили вглубь [10, 189].

Отметим, что если в случае с описанными в начале переходами от конкретного к абстрактному наглядность легко встраивающейся в базу данных модели очевидна, то о только что описанных случаях этого сказать нельзя. Для того, чтобы адекватно отобразить данные переходы схематично предпочтительнее использовать лексико-

[8] Этот и последующие примеры взяты из базы данных Испанской Королевской Академии (http://corpus.rae.es/creanet.html).

семантические таблицы[9] для интересующего нас латинского этимона, где по каждому языку-потомку может быть показана реализация / нереализация тех или иных значений, принадлежащих различным оценочным модусам.

Далее представляется интересным обратиться к двум лексемам испанского языка, имеющим нелатинское происхождение и схожим по значению.

Эпистемический глагол *barruntar*, выражающий предчувствие, предвидение, интуицию, предположительно происходит от баскского *barrunte* ‘проникать внутрь’. В средние века глагол стал означать ‘шпионить, подслушивать, подсматривать’, т.е. нечто, связанное с активным восприятием. Отсюда можно предположить, что современное значение ‘предчувствовать, догадываться’ глагол получил в результате реализации уже упомянутой нами модели перехода типа ‘рассматривать’ – ‘подозревать’. С другой стороны, кажется возможной взаимосвязь исходного значения ‘проникать внутрь’ и ‘узнавать что-то иррациональным способом, интуитивно’.

Ещё более редким является зафиксированный в латиноамериканских вариантах испанского глагол *tincar* (от *T’inkay* из языка кечуа), имеющий среди прочих значение ‘бросать’ (Аргентина, Боливия), но также и ‘догадываться’ (Боливия, Чили). Эта же модель, когда резкое движение, бросок связывается с догадкой, умозаключением, реализуется в латыни у глагола *conjicere* и его дериватов *conjecturare* и испанского *conjeturar*, уже не имеющих исходного предметного значения. Таким, образом, мы имеем дело с семантической параллелью, которую можно упрощённо определить как ‘бросать’ — ‘догадываться’.

Теперь обратимся исключительно к синхронии и ограничимся данными современного испанского языка. Рассмотрим два примера морфологической деривации, связанной со взаимодействием глагола и возвратной морфемы / частицы *se*[10], которое в той или степени приводит к семантическому изменению.

---

[9] См. примеры таких таблиц в работах Анны А. Зализняк [5, 411; 7, 39].

[10] Подробнее о семантической оппозиции возвратных и невозвратных глаголов в испанском языке см. [2].

При присоединении возвратной частицы к аксиологическому предикату *lamentar* ‘сожалеть’ значение глагола меняется. Возвратный глагол может означать ‘жаловаться’, прекращая таким образом быть глаголом внутреннего состояния, обозначая не саму эмоцию, а её манифестацию, от которой ожидается перлокутивный эффект.

Следующий пример связан с наиболее употребительным испанским эпистемическим предикатом мнения *creer*, который может употребляться с возвратной частицей *se* в определённого рода конструкции, где он означает ‘мнить себя, ошибочно считать’ [14, 210]: *Se cree el rey del universo.* ‘Он мнит себя властелином мира’. Говорить о семантическом переходе здесь было бы не совсем правомерно, если бы в сходном значении не мог выступать отчасти синонимичный *creer* глагол *presumir*, уже без модификации возвратной частицей: *Presume de ser el que más gana.* **‘**Он возомнил о себе, что больше всех зарабатывает’.

Таким образом, в данном случае, как нам кажется, можно говорить о некоторой нестандартной семантической параллели типа ‘иметь мнение’ — ‘иметь ошибочное мнение, зазнаваться’.

Наконец, на наш взгляд необходимо рассмотреть некоторые спорные случаи (опять же на примере современного испанского языка). Как было сказано выше, значение предикатов внутреннего состояния часто задаётся именно прагматически. Имея, как правило, лишь контекстуальные синонимы, они могут сближаться друг с другом по значению[11], причём нейтрализоваться может даже основная оппозиция ментального модуса знание / мнение.

Определённые значения глагола могут выявляться именно в синтаксической конструкции с пропозициональным дополнением. Так, чисто теоретически можно выделить семантический переход ‘смотреть’ — ‘видеть’ у глагола *mirar*. Как правило, глаголы активного зрительного восприятия не выступают в роли пропозициональной установки и семантически не сближаются с фактивными предикатами знания, но у *mirar* зафиксиро-

[11] Подробнее о лексикографическом описании и синонимии эпистемических глаголов см. [1].

вано некоторое количество случаев, когда он выступает полным синонимом *ver*: *Miro que es llegado el tiempo de los tiempos deseado*. ‘Вижу, что настали желанные времена’.

Гипотетически центральным для эпистемической сферы переходом можно назвать ‘думать, размышлять о чём-то’ / ‘верить’ — ‘иметь мнение’[12]. Например, глагол *pensar* в роли пропозициональной установки (*pienso que*) обозначает именно ‘полагать, считать’, в то время как вне этой роли он употребляется в сочетании с предлогом в значении ‘думать, размышлять о чём-то’ (*pensar en*). Аналогично основной путативный глагол испанского языка *creer* в не пропозициональном контексте обозначает ‘верить во что-то’ (*creo que* VS *creer en*).

Несмотря на обусловленную предельной близостью друг другу вышеназванных смыслов маргинальность данных явлений, в принципе подобный смысловой сдвиг в семантике предиката можно, как нам кажется, считать семантическим переходом, так как формально признаки генетической связи рассмотренных выше смыслов налицо (по мнению исследователей, при идентификации семантического перехода соответствие данному критерию принципиально [7, 42]).

С ещё большими оговорками о семантических переходах у эпистемических глаголов в роли пропозициональной установки можно говорить, когда контекстуальные смены значения обусловлены даже не конструкцией, а такими факторами, как содержание зависимой части высказывания (диктума) или выбор говорящим формы предиката модуса.

По словам Н. Д. Арутюновой, предикат видения, выступая в эпистемическом значении, «колеблется между значениями, характерными для ряда ментальных модусов» [4, 427]. Это в полной мере можно отнести не только к глаголу *ver*, но и к другим фактивным предикатам: *Ya veo qu tienes celos*’ Я вижу, что ты ревнуешь’. *Sé que no hay nada peor que un rockero ciegamente enamorado.* ‘Я знаю, что нет ничего хуже слепо влюблённого рокера’. *Yo entiendo que para Andalucía es mucho mejor.* ‘Я понимаю, что для Андалусии это гораздо лучше’.

---

[12] Притом, что в Каталоге семантических переходов это два разных значения, семантический переход как таковой не фиксируется.

В подобных контекстах с неверифицируемой пропозицией в зависимой части предикаты зрения, знания и понимания обозначают уверенность и теряют фактивность [там же, с. 432].

Наконец, в пропозициональных конструкциях с глаголом предположения *suponer* говорящий может использовать форму 1-го лица единственного числа *supongo* для изложения уверенной точки зрения, а может использовать форму *supongamos*, выражающую допущение, иногда заведомо фантастическое: *Supongo que está en casa*. ‘Полагаю, что он дома’. *Supongamos que yo tengo una parcela.* ‘Предположим, что у меня есть участок’.

В этих примерах смыслы, выраженные пропозициональным глаголом, предельно близки друг к другу и различаются, прежде всего, степенью уверенности гипотезы, обусловленной прагматической целью говорящего.

Если говорить о подобных явлениях, на наш взгляд, имеет смысл хотя бы поставить вопрос о статусе описанных семантических сдвигов 1) ’видеть / знать / понимать’ — ‘иметь мнение, полагать’; 2) ‘иметь мнение, полагать’ — ‘предполагать, допускать’.

По мнению Анны А. Зализняк, интерпретация языковых фактов как реализации определённого семантического перехода в целом не формализуема и опирается «на опыт и интуицию исследователя» [7, 41]. Эти слова как нельзя лучше характеризует исследования по выявлению переходов у оценочных предикатов внутреннего состояния. Отчасти целью данной работы было рассмотреть как можно больше различных типов семантических переходов и параллелей у данного типа лексем и обрисовать основные трудности, связанные с их идентификацией и возможностью формализации.

Наряду с наиболее распространённой (и в основном отражённой в Каталоге семантических переходов) моделью конкретное абстрактное часто встречаются семантические переходы, в которых один оценочный модус накладывается на другой, так как базовые ментальные смыслы сложно переплетены с перцептивными, эмотивными и волеизъявительными. В этих случаях мы имеем дело с многочленными семантическими переходами, требующими, на наш взгляд, особого типа формализации. В целом упрощённое отражение в Каталоге переходов как двучленных единиц действительно служит большей

наглядности и помогает широко взглянуть на проблему. С другой стороны, именно семантические изменения в данной лексической сфере требуют наряду со схемой обширного комментария, который, несмотря на возможную тяжеловесность, поможет адекватно описать тот или иной переход.

Особый интерес для нас представляет современный испанский материал, позволяющий обратить внимание на более или менее маргинальные случаи семантических сдвигов, не зафиксированных в Каталоге семантических переходов и в ряде случаев практически не исследованных. Речь идёт как о переходах у редких малоупотребительных лексем, так и о различных контекстах употребления основных оценочных предикатов. В их семантике базовые смыслы тесно связаны друг с другом, сплавлены, и в зависимости от целей говорящего та или иная сема выходит на первый план. Бесспорно, возможность «ратификации» подобных семантических переходов — это вопрос дискуссии. При этом рассмотрение подобных дискуссионных случаев в ещё большей степени повышает интерес к и без того заслуживающей внимания проблематике.

Словари

1. Большой латинско-русский словарь // http://linguaeterna.com/vocabula/alph.php.
2. Coromines J. Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. Madrid, 2012.
3. Diccionario de uso del español actual. Madrid, 2009.
4. Diccionario de la Real Academia Española (ed. 22), http://www.rae.es.
5. Diccionario CLAVE. http://clave.librosvivos.net.
6. Moliner M. Diccionario de uso de español. Madrid, 1986.

Литература

1. Ануфриев А. А. Семантические особенности эпистемических предикатов в испанском языке // Вопросы иберо-романского языкознания. Выпуск 8. М., 2010. С. 12—17.
2. Ануфриев А.А. Испанские предикаты внутреннего состояния и грамматическое значение возвратности // Вопросы иберо-романистики: Сборник статей: Выпуск 16. М., 2017. С.163—171.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.

4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.

5. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

6. Зализняк Анна А. О семантике непонимания. // Логический анализ языка: Ассерция и негация. М., 2009. С. 544—556.

7. Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии. // Вопросы языкознания. №2, 2013. С.32—47.

8. Звонарёва А. Е. Языковые контакты на Сардинии: «островной» каталанский диалект города Альгеро // Миноритарные языки Евразии. М., 2009. С. 156—174.

9. Макаров В. В. Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков. Минск, 1972.

10. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках. Белгород, 2006.

11. Blank A. A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change. // Historical semantics and cognition. Berlin, New York, 1999.

12. From polisemy to semantic change. Amsterdam, Philadelphia, 2008.

13. Lüdtke H. Historia del léxico románico. Madrid, 1974.

14. Marcos Marín F. Aproximación a la gramática española. Madrid, 1972.

15. Nueva gramática de la lengua española. Madrid, 2009.

16. Zalizniak Anna. A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology. // New directions in lexical tipology. Linguistics, a special issue. 2012. V. 50. № 3.

А. Н. Барулин (Институт языкознания РАН)

A. N. Barulin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

«Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка и дальнейшие пути развития его идей. Часть 1

Andrey Zaliznyak's *Russian Nominal Inflection* and some ways of the development for its theoretical ideas. Part I

Аннотация

В статье обсуждаются значение морфологических работ А. А. Зализняка для русской и общей морфологии, анализируется ценность его исследований с точки зрения истории лингвистики и возможности развития его теоретических идей.

The paper is devoted to the contribution of morphological works by the great Russian linguist A. Zalizniak to Russian and general morphology and to possible ways of the development of his ideas.

Ключевые слова

Морфология, словоизменение, грамматическое слово, словоформа, акцентное слово, грамматическая категория, граммема, грамматическая морфема, корень, клитика, аффикс, парадигма, лексема, акцентуированная словоформа, корневое грамматическое слово, клитическое грамматическое слово, корнеклитическое слово, композит

Morphology, inflexion, grammatical word, wordform, accent word, grammatical category, grammeme, grammatical morpheme, root, clitic, affix, paradigm, lexeme, accented wordform, root grammatical word, clitic grammatical word, root-and-clitic word, word compound

1. «Русское именное словоизменение» и «Грамматический словарь русского языка» в историко-лингвистическом контексте.

В канун нового 2018 года мы похоронили «светлого гения», «Моцарта лингвистики» (в кавычках — потому что это не мои эпитеты, а присутствуют они в тексте потому,

что они мне кажутся очень точными), Андрея Анатольевича Зализняка. В интернете уже появилось большое число заметок и размышлений о том, за что мы ценили, ценим и будем ценить его как ученого, Учителя и человека. И в этой статье я бы хотел высказать свое мнение, рассказать о своем небольшом опыте общения с ним, о своем опыте прочтения его работ и их оценки с точки зрения историка лингвистики (хотя это и не мой профиль) и специалиста по теоретическим проблемам семиотики, лингвистики и морфологии, в частности. Причем здесь я остановлюсь лишь на двух его выдающихся работах: «Русском именном словоизменении» ([12], далее — РИС) и «Грамматическом словаре русского языка» ([13], далее —ГС), работах, которые были огромным прорывом в русистике, работах, которые, к сожалению, до сих пор игнорируются в большинстве традиционных трудов по морфологии русского языка.

Начну с кратчайшего очерка, который нужен мне для создания исторической перспективы, в которую встраиваются упомянутые выше работы. Это важно, потому что с вершины, которой в упомянутых трудах достиг А. А. Зализняк, хорошо видны истоки лингвистической науки. Кроме того, на мой взгляд, эти работы стали переломным моментом в развитии, по крайней мере, русской теоретической морфологии.

Если взглянуть на развитие морфологической теории с высоты птичьего полета, то современное положение в ней на сегодняшний день определяется тремя параметрами: традицией, кругом языков, на котором отрабатывались положения новых морфологических теорий, и практическими задачами, которые решались на основе той или иной морфологической теории.

Из многочисленных традиционных теорий морфологии, которые в разные времена существовали и/или как-то влияли на развитие европейской науки о языке (шумерской, древнегреческой, древнеримской, арабской, японской, китайской, древнеиндийской), остались только две: восходящая к шумерской, египетской и древнегреческой поздняя древнеримская морфологическая традиция и традиция, восходящая к трудам индийского мыслителя приблизительно V в. до н. э. Панини [37].

Исторически морфология, наряду с лексикографией, была первой дисциплиной, которую начали разрабатывать древние «протолингвисты». И морфология, и лексикография появились в качестве фрагментов пособий для писцов в Шумере четыре с половиной тысячи лет назад. Фрагменты эти представляли собой просто списки словоформ (форм слова), относящихся к одному и тому же слову, или, как их называют лингвисты, словоизменительные парадигмы. Такая форма описания соответствовала, во-первых, шумерской методике обучения: ученики шумерских частных школ зубрили все наизусть без какой бы то ни было попытки объяснить зазубриваемое [9, 17], во-вторых, — способу отображения мира в знаниях: шумеры представляли себе мир как номенклатуру объектов. А объектами были только те предметы и явления, которые обладали названием. Названия при этом считались интегральной частью объектов. Так же обстояло дело и в древнем Египте. Имя (*рен*) по древнеегипетским представлениям входило в состав девяти составных частей человека: *кхат* — тело, *ка* — «двойник», *ба* — душа сердца, *аб* — сердце (источник животной жизни), *кхаибит* — тень, *кху* — душа духа (бессмертная), *секхем* — сила, *рен* — имя, *саху* — духовное тело [1]. В древнем Египте также существовали школы, в которых обучали писцов. До нас дошли и некоторые языковые упражнения, которые выполняли ученики этих школ. По свидетельству акад. Коростовцева среди грамматических упражнений чаще всего повторялись парадигмы спряжения. И даже порядок следования форм в парадигмах был почти таким же, как в поздних европейских пособиях по изучению языков [22]. Описание языка в виде списков форм склонения и спряжения из древних Шумера и Египта перекочевали затем и в древнегреческие грамматические сочинения. Наиболее ранним лингвистическим занятием древних греков было этимологизирование: «В основе такого этимологизирования лежало представление о внутренней, естественной связи между словом и обозначаемым предметом — представление, восходящее в своих истоках к архаическому, мифологическому мышлению, для которого «имя нераздельно связано с вещью, является носителем его свойств, магическим заместителем» [32, 24] (Цит. по [29, 110]). Древние греки значительно продвинулись в детализации, организации и трактовке списков языковых форм. Стандартные формы у

них приобретают состав парадигм склонения и спряжения, порядок следования форм в парадигмах. Они разработали учение о частях речи, о строении и типах предложений и т. д. Но главной идеей их способа описания языка была классификация. Таксономия должна была служить главным результатом работы грамматиста. Исследовался, таким образом, преимущественно один аспект устройства языка — парадигматика, т. е. отношения между элементами списков.

По учебникам грамматистов древнего Рима Доната и Присциана учили латинскому языку, а заодно и усваивали лингвистические традиции Древней Греции и древнего Рима вплоть до XVI—XVII в. все европейские лингвистические школы. Опыт описания латинского и греческого языков был перенесен впоследствии и на описание других языков. «Влияние Присциана на разработку грамматических вопросов было значительным еще в XVIII в.» [34, 256]. Но если и сейчас мы откроем большую часть грамматик конкретных языков, то главным их содержанием будут парадигмы склонения и спряжения и их классификация.

В некотором отношении совершенно противоположная традиция описания языка родилась в древней Индии, где до некоторого времени также процветали списки, этимология и описание парадигматики как главная цель описания языка. Однако приблизительно в V в. до н. э. Дакшипутра Панини из Салатура, преследуя цель остановить изменение языка, на котором писались священные тексты (как и все его современники, он считал, что изменение языка — его порча), основал новую традицию описания языка, опирающуюся на другую важную идею. По его мысли классификация единиц и упорядоченное рассмотрение парадигматических отношений между ними не конечная, а промежуточная стадия обработки языкового материала. Главной ее целью является создание системы ориентированных друг на друга правил выбора обозначения для данного смысла и построения из элементарных языковых единиц сложных. «Труд Панини построен таким образом, чтобы, отправляясь от смысла, выбрав соответствующие лексические морфемы (корень глагола или первичную основу имени) и диктуемую характером глагола или коммуникативной задачей конструкцию, проделав все предписываемые операции, полу-

чить на «выходе» фонетически правильное предложение» [21, 75]. В настоящее время такого рода описания языка называются его интегральными моделями. Интегральные модели появились в Европе в связи с проблемами построения систем автоматического перевода в середине 50-х гг. XX в. Причем все это новое направление сформировалось без всякого влияния работ Панини. Европейские лингвисты заново открывали для себя многие приемы и элементы лингвистической теории, разработанные за две с половиной тысячи лет до них выдающимся индийским философом и лингвистом.

Заимствовав у шумеров и египтян принципы описания морфологии, древнегреческие протолингвисты совершенно проигнорировали сам языковой материал, на базе которого была создана первая концепция описания языка и который по своему строю довольно сильно отличался как от греческого, так и от латинского языков. В шумерском языке по-другому, чем в греческом и латыни, выражаются элементы грамматических категорий, и тип слова, который следует там описывать как грамматически существенную единицу, другой, чем в этих индоевропейских языках. Древнеегипетский язык относится к семье афразийских, из чего уже следует, что в нем по-другому устроен корень, в нем есть так называемые трансфиксы, из чего следует, что правила построения основы словоформы, правила объединения морфов в морфему и словоформ в лексему там будут совершенно другими, чем в латыни и греческом. Все это греки, которые считали окружающие их народы варварами, а их языки — недоязыками, естественным образом проигнорировали. Так же вслед за ними поступили и древние римляне. Из всего этого следует, что лингвистическая теория, которая получилась у греков и римлян, была крайне однобокой и во многом ad hoc. Поэтому, когда стали появляться описания языков, не похожих на индоевропейские, вся эта теория стала трещать по швам, хотя лингвисты, не склонные замечать, что у лингвистики вообще есть какая-то теория, продолжали пользоваться существующей, игнорируя факты, в нее не укладывающиеся, или вынося эти последние в исключения.

Кроме идеи парадигматического описания, у греков был еще один принцип, игравший в их теории существенную роль. Я имею в виду принцип выделения исходной

формы (например, формы именительного падежа) и описания всех прочих форм как трансформацию (изменение) исходной. Этот принцип не предполагал выделение в словоформе меньших, чем она сама, частей, имеющих собственное значение. Только в середине XIX в. А. Шлейхер ввел заимствованный им из биологии специальный лингвистический термин, обозначавший науку о строении слова — морфология. Однако научный и методологический инструментарий у этой науки появился только после того, как И. А. Бодуэн де Куртенэ ввел для обозначения элементарной языковой единицы, обладающей собственным значением, термин «морфема», а для элементарной сегментной единицы, способной различать значения языковых выражений, — термин «фонема» (см. [5, 272]).

Введение в научный обиход новой элементарной языковой единицы, морфемы, заставило лингвистов-синхронистов XX в. по-новому осмыслить материал языков, мало похожих на латынь и древнегреческий, особенно это касалось осмысления языков с бедной морфологией, в которых довольно часто или всегда слово совпадало с морфемой. Греческая установка на наличие исходных, базовых единиц лингвистики и единиц второстепенных в некотором смысле производных от базовых, вне всякого сомнения, ставило в центр исследований слово. По традиционной греческой и древнеримской теории, как правило, не рассматривавшей единиц, более сложных, чем предложение, слова оказывались главными единицами, из которых, с одной стороны, строились предельные единицы анализа, предложения, а с другой стороны, слово могло быть расчленено на более мелкие значимые единицы, морфемы. Языкам типа древнекитайского или вьетнамского, однако, понятие (грамматического) слова вообще не требовалось, поскольку в них практически отсутствовали как аффиксы, так и клитики. Корень в таком случае всегда выступает в качестве самостоятельной единицы, из которой напрямую строятся предложения. Получалось, что слово — не универсальная единица языка, а морфема — универсальная. А из этого напрямую следовало, что базовой единицей лингвистического анализа должна стать морфема. Среди последователей греческой концепции возникло два лагеря: словоцентристы и морфоцентристы. Это разделение среди морфологов сохраняется и до ны-

нешнего дня. Словоцентристы держатся сформировавшейся за тысячелетия концепции парадигматической морфологии, морфоцентристы придерживаются точки зрения, по которой морфема — центральное, исходное понятие морфологии, а словоформа, если она представляет собой морфемную структуру, строится по определенным правилам из морфем. В каждом из этих направлений имеются некоторые ответвления. Так, в первом из них присутствуют исследователи, признающие членение словоформы на морфемы, и исследователи, которые вообще обходятся без выделения единиц, более мелких, чем слово. Во втором направлении имеются исследователи, которые считают, что словоформа в синтаксическом анализе лишняя единица, и устанавливают синтаксические отношения между морфемами, и исследователи, которые считают, что основной единицей синтаксического анализа являются слова, а структура словоформ строится из морфем.

Теперь мы подходим к историческому моменту появления РИСа в 1967 г.

Посмотрим опять на это гениальное творение с высоты птичьего полета. Какая из двух традиций положена в основу теории, на базе которой строится РИС? Ответ — обе. РИС — это синтез двух великих традиций. С одной стороны, объектом рассмотрения здесь, как у древних римлян, являются парадигмы склонения, с другой стороны, классификация, как и у Панини, не считается конечным результатом исследования: «Таким образом, классификация является необходимой предварительной ступенью для синтеза» [15, 5]. Хотя и по поводу таксономии А. А. Зализняк высказал новую и совершенно справедливую мысль о том, что классификация всегда делается под конкретную задачу, и с этой точки зрения классификации лексем и словоформ для целей морфологического, синтаксического и семантического синтеза должны быть разными. Так, с морфологической точки зрения, словоформа *рабочий* в предложении *В контору вошел молодой рабочий* является прилагательным, поскольку склоняется, как прилагательное; с точки зрения синтаксиса, это — существительное, поскольку способно вступать в синтаксическую связь с прилагательными, глаголами и предлогами, и существительное же с семантической точки зрения, поскольку его семантико-синтаксическая организация устроена так же, как и у прочих (предметных) существительных (см. по этому поводу [3]).

Конечным результатом лингвистического описания морфологии по А. А. Зализняку, грубо говоря, считаются алгоритмические правила определения по исходной форме всех грамматических форм данной лексемы. Кроме того, РИС и «Восьмикнижие» Панини сходны во всеохватности материала одного языка. Причем во всей четырехтысячелетней истории лингвистики только А. А. Зализняк и Панини в одиночку смогли охватить материал, достаточный для построения полного описания важнейшей части языковой структуры. Следует признать, правда, что Панини находился в более сложной ситуации: время его жизни пришлось на дописьменный период (в Индии). Знания передавались из уст в уста, и такие большие и необыкновенно сложные тексты, как «Восьмикнижие» (Aṣṭādhyāyī), и строились так, чтобы их было легче запомнить и воспроизвести. Кроме того, в своем труде Панини охватил не только словоизменение, но и словообразование и синтаксис. Тем не менее, ни один из более поздних лингвистических трудов, написанных одним автором и созданных «вручную», не представляет собой такой полной интегральной модели, как РИС и ГС А. А. Зализняка.

Мог ли Андрей Анатольевич в полной мере перейти на идеологию Панини? Думаю, что не мог по нескольким основным причинам. Если говорить о письменной и устной форме языка, то он сам отметил причину выбора письменной формы: «Все прочие виды записи — в частности, фонетическая, фонологическая, морфонологическая транскрипции — существуют не столько в реализованном виде (т. е. в виде записанных соответствующим образом русских текстов), сколько в виде правил, позволяющих производить такие тексты. Нет и словарей, построенных на какой-либо из этих транскрипций [15, 9—10]. Из прочих причин можно выделить две главных. Прежде всего, автору РИСа, как мне кажется, мешало сделать этот переход полученное им филологическое образование. Он, вне всякого сомнения, был сыном европейской культуры, последователем европейской системы образования, которые выросли из культуры и системы образования древних греков и римлян. Парадигматический способ описания морфологии он впитал с первыми элементами приобретенных знаний о языке. И в этом смысле он был консервативен. Однажды, когда мы с А. Ю. Айхенвальд делали на семинаре Вяч. Вс. Иванова до-

клад о системе синтеза именной словоформы иврита, в которой мы ориентировались на морфемный анализ словоформ и правила синтеза из морфем целостной словоформы, Андрей Анатольевич уже в личной беседе после доклада сказал: «Не люблю лезть внутрь словоформы!».

Второй важной причиной, по которой А. А. Зализняк, видимо, не мог перейти на концептуальную позицию Панини, являлась недостаточная разработанность собственно теории морфем. Неясность трактовки структуры морфов, правил их объединения в морфему, трактовки пустых и нулевых морфов, мегаморфов, идиоматических сочетаний морфов, несомненно, существовала и во времена Панини, индийский мыслитель не объяснял причин, по которым он принимал те или иные морфологические решения, однако, в то время, когда писался РИС, теория морфемы во многом благодаря работам дескриптивистов ушла далеко вперед, но не до такой степени, чтобы уровень ясности теории, который А. А. Зализняк считал необходимым, позволил ему перейти на новую морфологическую идеологию.

Но на этом весь его консерватизм, который правильнее было бы назвать данью традиции, и заканчивался. В РИСе он использовал весь потенциал того нового, что он получил во время стажировки в Сорбонне у структуралиста Андре Мартине, в последние годы обучения на филологическом факультете МГУ, на семинаре В. А. Успенского, Вяч. Вс. Иванова и П. С. Кузнецова, где он прослушал курс математики. Несомненно, повлиял на него и великий труд Панини, с которым он был знаком. Эти новшества, которые он принял, признал, сделал частью своей системы знаний, позволили ему создать свою концепцию описания словоизменения. В этой концепции произошел чудесный синтез тех разнородных компонентов знания, которые ранее не соприкасались друг с другом и обрели однородную логически непротиворечивую форму, которая совместила в себе словарную составляющую, содержащую исчерпывающую словоизменительную информацию о порядка 55 000 лексем (существительных, прилагательных и числительных), число которых выходит далеко за пределы того минимума, на базе которого обычно строились грамматики русского языка, теоретическую составляющую, в которой был до мельчай-

ших деталей разработан метаязык описания такого уровня генерализации и точности, которого не было ни в одной самой передовой лингвистической теории мира, таксономическую составляющую, впервые достигшую разбиения лексем на непересекающиеся классы, для каждого из которых был выбран эталон, обладающий всеми теми словоизменительными свойствами своего класса, которые отличают его от лексем всех других классов, и, наконец, алгоритмическую составляющую, которая позволяла автоматически определить, к какому именно классу разбиения относится данная лексема и как по ее исходной форме построить все прочие формы ее словоизменительной парадигмы. Метаязык, разработанный А. А. Зализняком, поднял уровень описания языковых данных, уровень теории морфологии, уровень аргументации принимаемых решений, уровень интеграции элементов лингвистической теории на совершенно новую ступень развития. И именно эта новая ступень развития морфологической теории позволила адаптировать лингвистические данные к их компьютерной обработке, использовать их в компьютерных программах обработки текста.

В чем же состоят новшества, привнесенные в русскую и общую теорию словоизменения? Из математики в лингвистику А. А. Зализняк перенес стремление к, если и не математически строгим, то, несомненно, на несколько порядков более строгим определениям терминов, чем в те времена были у филологов. Филологи в массе своей не определяли понятия, а приклеивали (да и сейчас приклеивают) к ним подходящий с их точки зрения ярлык, по поводу правильности, содержательного наполнения и правил использования которого невозможно сказать ничего определенного. Неопределенность семантики термина неизбежно вызывает ожесточенные, но совершенно пустые споры по поводу его истолкования: не эксплицированное семантическое наполнение термина у каждого специалиста свое, поэтому консенсуса в таких спорах достигнуть принципиально невозможно. Кроме всего прочего, каждый термин при таком подходе обладает очень неустойчивой связью с другими терминами, поэтому, строго говоря, единой терминологической системы с однозначным распределением ролей каждого термина в теории словоизменения не существовало. А. А. Зализняк определил в РИСе каждый термин, которым он

пользовался, ввел вспомогательные, неопределяемые термины, на которые опирались сложные определения. И изумленному читателю вдруг стало ясно, для чего нужен каждый термин в системе, как каждый из них соотносится с каждым другим. Введение понятий «однородности элементов значения», «обязательность их присутствия в каждой словоформе данного класса» и «регулярности их для данного класса словоформ» позволяет определить понятия «граммемы» и «грамматической категории». Понятие грамматической категории позволяет определить понятие лексемы и (словоизменительной) парадигмы данной лексемы, ввести понятия полной и дефектной парадигмы, парадигматической схемы. Понятие парадигматической схемы позволяет ввести понятие грамматического разряда, заменившее в РИСе понятие части речи. Благодаря четкому определению терминов, утверждения о тех или иных фактах приобретали свойства фальсифицируемости, обретение которого по Карлу Попперу превращало лингвистику в науку в строгом смысле этого слова и позволяло оценить степень генерализации всех терминов и операций над ними, проверить их свойства фактами.

Благодаря логичной прозрачности и стройности грандиозного архитектурного сооружения, построенного А. А. Зализняком, оказалось возможным понять не только то, как толкуются введенные в текст термины, но и то, как трактуются термины, которые остаются в презумпции, не вводятся в явном виде, но вычисляются по введенным терминам. Так, в РИСе есть понятие «элементов значения». Элементы значения делятся на синтаксические и номинативные. Скажем, элемент значения лексемы ДОМИК ‘предмет определенного вида’ относится к номинативным элементам, а элемент значения ‘допускает сочетания *белым домиком, любуюсь домиком, перед домиком* и не допускает *хорошо домиком*’ относится к синтаксическим. При этом под синтаксическими элементами значения А. А. Зализняк имел в виду то же, что, например, И. А. Мельчук — под элементами синтактики. Спрашивается, почему они трактуются по-разному? Ответ простой. А. А. Зализняк ориентировался на представления о структуре знака Ф. де Соссюра[1], а И. А.

[1] Подтверждением этого утверждения является следующая цитата из РИСа, ориентированная на формулировку Л. Ельмслева (ср. его термины «выражение» и «содержание» [10, 306]), который

Мельчук — на представления Ч. У. Морриса. По Соссюру знак состоит из двух сторон: означающего и означаемого. То, что не имеет отношения к означающему, просто не может относиться ни к чему другому, кроме значения. Между тем, уже по предикатам, которые у А. А. Зализняка соединяют означающее и означаемое, можно понять, что собственно номинативное значение — кардинально отличный от синтактики тип информации: номинативные значения **обозначаются**, а синтаксические — **допускают сочетания X-а с Y-ом**. Номинативные значения — модели обозначаемого объекта, а синтаксические — правила сочетаемости знака с другими знаками. По Моррису в знаке имеется четыре компонента: означающее, означаемое, синтактика и прагматика. Синтаксические элементы значения у него попадают в отдельный компонент знака — синтактику. Ф. де Соссюр был в тогдашнем лингвистическом сообществе несомненно более авторитетным автором, кроме того, он был лингвистом, Моррис же был философом, причем не самым выдающимся. Но Моррис, на мой взгляд, в этом вопросе был, несомненно, ближе к истине, чем Соссюр. Синтактика ведь есть не только у знаков, но и у их частей, и даже у элементов, из которых строятся как означающие, так и означаемые, например, синтактика есть у фонем. Скажем, к синтактике относятся правила сочетаемости фонем. В дальнейшем я буду придерживаться моррисовской, а не соссюровской трактовки знака.

Строгость определений, логичность построения всей сложнейшей конструкции РИСа дали А. А. Зализняку возможность уточнить, а еще чаще пересмотреть многие традиционные взгляды на русское словоизменение, и мнение о том, что он переоткрыл нам грамматику русского языка, я считаю ничуть не преувеличенным. Мы с удивлением узнали, что падежей в русском языке никаких не шесть, а четырнадцать; строгое определение понятия «грамматический разряд» поставило, наконец, точку в вопросе о том, является ли отдельной частью речи местоимение; было убедительно показано, что причастие — это не глагольный грамматический подкласс, это обычное прилагательное; было

также придерживался соссюровского представления о структуре знака: «Всякий языковой текст есть двусторонний объект: он имеет внешнюю сторону («выражение») и внутреннюю сторону («содержание»)» ([15, 19]).

показано, что степени сравнения прилагательного не представляют собой особой его грамматической категории, что традиционное деление существительных на три склонения противоречиво, классы склонения следует классифицировать на других основаниях и т. д. и т. п.

2. О возможных путях развития морфологических идей А. А. Зализняка.

2. 0. Не буду здесь повторять перечисления выдающихся результатов, которые были получены в РИСе, о них написано достаточно много (своеобразные итоги множества отзывов о РИСе были подведены в «ретроспективной рецензии» С. А. Крылова [23]. Мне здесь важно другое. В одном приватном разговоре один из наших молодых, подающих большие надежды коллег в ответ на сравнение труда А. А. Зализняка с «Восьмикнижием» Панини заметил: «В отличие от «Восьмикнижия» РИС не требует комментария». Зная работы молодого человека, его отношение к высоким авторитетам, я почувствовал за этой фразой позицию, с которой в корне не согласен. Высокую ступень, на которой оказывается русская и общая морфология благодаря работам Андрея Анатольевича, можно, конечно, рассматривать как предел познания механизма словоизменения, считать, что научная истина, о которой автор РИСа говорил при вручении ему Солженицынской премии, познана, и теперь этот великий труд можно рассматривать, как уже ограненный алмаз, как Эверест, на который можно время от времени любоваться издали, делая в своей жизни все так, как будто РИСа не существовало. Можно также с высоты своих высоких теоретических достижений говорить, что РИС сделан на базе структуралистских теорий, а мы тут-де идем своей прогрессивной дорогой, а можно проанализировать исходные положения теории, на которой построен РИС, проверить их на предмет возможной экстраполяции, и идти дальше так, как это делал он, пусть не в одиночку, такое, действительно, подвластно единицам раз в два с половиной тысячелетия, но идти, стараясь не уменьшить ни уровня строгости в определении терминов, ни логической строгости рассуждений, ни в аргументации принятых положений. Ниже я хотел бы прокомментировать отдельные положения РИСа и некоторых других работ А. А. Зализняка, наметить некоторые направ-

ления возможного развития идей, высказанных в РИСе, не претендуя на то, что я как-то сам сделаю, или, по крайней мере, начну делать нечто во всех указанных направлениях.

2. 1. О возможности создания ГС, ориентированного на устный язык.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание: РИС и ГС описывают письменный язык. Поскольку письменный язык является творением орфографических и синтаксических комиссий, не преследующих цели построения адекватной теории даже одного только русского языка, а, следовательно, является продуктом искусственным, а также поскольку лишь небольшой процент языков земли обладает письменностью, для лингвистической теории важнее было бы описание устного языка, пусть в рамках грамматического словаря, в котором слова будут записаны в фонологической транскрипции (разумеется, не в той, которая основана на кириллическом алфавите с ерями и ерами, которой учат студентов на русском отделении и в школе: любой достаточно большой отрывок текста показывает, что эта транскрипция вопиюще не точна). Перевод грамматического словаря в транскрипционный вид был бы полезен и айтишникам, которые занимаются звуковым синтезом и анализом русской речи. Это задача, рассчитанная на большой промежуток времени, поскольку даже разработка хорошей транскрипции с учетом сплошного анализа больших массивов текстов вызывает серьезные трудности. Думается, что и создание машинного переводчика с письменного языка на транскрипционную нотацию — задача не из легких.

2. 2. О дополнении ГС синтаксической информацией.

В полном грамматическом словаре, как указывает в [13] А. А. Зализняк, наряду со сведениями о формах грамматических слов, должны быть указаны их синтаксические свойства, модели управления, их способность вступать в те или иные синтаксические отношения и занимать определенное место в синтаксических конструкциях.

2. 3. О необходимости перехода от парадигматической морфологии к синтагматической.

Уже в работе об акцентуации [14] А. А. Зализняк приходит к выводу о том, что описание языка через закрытые словарные списки, через парадигмы склонения и спряже-

ния дает неполную и неадекватную картину языкового механизма: «Понятно, однако, что списочные решения, с одной стороны, чрезвычайно громоздки, с другой стороны, не обладают достаточной «объяснительной силой», в частности, не позволяют предсказывать акцентные свойства слов, не вошедших в список. Отсюда необходимость в построении менее прямолинейного и, быть может, логически менее простого, зато более компактного и более обобщенного описания акцентуации» [14, 9]. Понятно, что, давая готовые списки акцентных парадигм, мы не можем претендовать на открытие правил постановки ударения, выводимых из свойств морфем, а, следовательно, не можем перейти от закрытых списков (не представляющих весь языковой материал) к спискам открытым, неограниченным. Замечу, что, кроме акцентных свойств фонетических слов, есть и множество других свойств лексемы, словоформы, фонетического слова, которые выводятся из характеристик морфем, которые мы не имеем возможности ни выявить, ни описать при парадигматическом подходе к описанию морфологии. Такими свойствами, например, являются частеречные характеристики основы, которые определяются вершинной, с морфолого-синтаксической точки зрения, морфемой, набор флексий, определяемых ею же, модель управления лексемы, которая по определенным правилам выводится из моделей управления морфем, составляющих основу словоформы, значение лексемы, выводимое по определенным правилам из значений морфем и т. д. Конечно, и у словоформ, и у фонетических слов есть так называемые эмерджентные или, по Лоренцу, фульгурационные свойства, т. е. свойства, не выводимые из свойств составляющих их морфов. Это не просто лингвистический закон, это, как показал Конрад Лоренц, общий закон сложных системных образований: у всякой достаточно сложной конструкции появляются свойства, не выводимые из свойств частей этой конструкции. Не все свойства человека выводимы из свойств составляющих его клеток. Но определить, какие из них являются эмерджентными, какие выводимыми, мы никогда не сможем, если будем обсуждать свойства целых единиц, не обращая внимания на то, из чего они построены. Например, свойство, по которому в каждом грамматическом слове существительного, прилагательного, числительного, глагола должен присутствовать грамматический суффикс (флексия), — эмерджент-

ное свойство словоформ данных классов, не выводимое из свойств их частей. Скажем, потеря одним из двух акцентных слов самостоятельного ударения в рамках так называемых сращений (пятьдесят, сумасшедший) — эмерджентное свойство целого, поскольку одноударное словосочетание — результат действия операции, проведенной над целым, нормальным, двуударным. Устранение самостоятельного ударения является специальным техническим средством построения акцентных композитов. Оно не может быть выведено ни из свойств составляющих эти единицы морфем, ни из свойств, составляющих целое, акцентных слов. Но это мы можем показать только, если мы знаем, какие свойства интегрантов морфологического яруса выводимы.

Еще одним доводом в пользу отказа от парадигматической морфологии является сама логика построения интегральных моделей. Они должны быть однородны с точки зрения исследования и моделирования языковых механизмов. Если результатом действия модели одного яруса является построение парадигматических объектов (парадигм, словообразовательных гнезд), а результатом действия модели другого яруса должны быть сложные синтагматические единицы (словосочетания, предложения), они не смогут стыковаться друг с другом. Другое дело, если мы ставим на морфологическом уровне задачу синтеза (порождения) словоформ из морфем, а на лексико-синтаксическом уровне — задачу синтеза словосочетаний и предложений из словоформ, мы решаем однотипные задачи, мы можем исследовать, как взаимодействуют структуры разных ярусов, чем они отличаются друг от друга, какие общие механизмы задействованы на разных ярусах и т. д.

Из всего этого следует, что греко-римская парадигматическая морфология обречена, что она должна смениться морфологией, базирующейся на исследовании свойств морфем и изучении морфолого-синтаксических конструкций. За ней будущее, и чем раньше мы откажемся от исключительно парадигматического способа описания словоизменения, тем будет лучше для достижения той истины, о которой говорил Андрей Анатольевич.

2. 4. О правилах определения границ простого грамматического и простого акцентного слова.

2. 4. 0. Об определении границ словоформы в РИСе.

Если говорить о РИСе, то базовой единицей, которой посвящено исследование А. А. Зализняка, является «акцентуированная словоформа». Поговорим вначале о втором члене этого словосочетания. Понятие словоформы в РИСе определяется через понятие сегмента как означающего словоформы, а сегмент — через цепочку букв от пробела до пробела: [15, 19]. Подобное решение, конечно же, было вынужденным: определение понятия словоформы, равно как и определение границ словоформы, — очень сложная лингвистическая задача, к решению которой у русистов в те времена, как, в общем, и в нынешние, не было даже подступов. И, как мне кажется, в рамках парадигматической морфологии таких подступов не может быть найдено в принципе. В рамках же того подхода, при котором словоформа синтезируется из предварительно выделенных морфем, задача, на мой взгляд, становится решаемой, по крайней мере, частично.

2. 4. 1. О конструктивных классах морфем.

Попробуем найти такой способ, опираясь на конструктивную классификацию морфем и классификацию фонетических и грамматических слов. Если он будет работать хотя бы на материале простых словоформ (не композитов), мы сможем проверить, насколько хорошо работает принцип определения границ словоформы от пробела до пробела. В дальнейших рассуждениях я буду исходить из предположения, что для любой цепочки фонем правильно построенного текста я могу определить, сколько и какие означающие морфов в ней содержатся, как определить их означаемые и как объединить морфы в морфему. Кроме того, мне потребуется еще одно допущение. Далее я буду считать, что я могу правильно отнести каждую морфему к одному из трех конструктивных классов: корневых, клитических и аффиксальных морфем.

Для дальнейших рассуждений мне понадобятся свойства элементов каждого из трех выделенных классов. Диагностическим контекстом для выделения корневых морфем является его позиция в простом акцентном слове. Под простым, несвязанным ак-

центным словом будет пониматься цепочка морфов, которая удовлетворяет следующим требованиям: 1) она содержит только одно ударение; 2) в ней соблюдаются правила редукции гласных; 3) она может оказаться в положении, когда в заданном окружении перед ней и после нее стоит пауза; 4) внутри этой цепочки пауза поставлена быть не может; 5) в ней содержится только одна корневая морфема. Примерами простого несвязанного акцентного слова являются, например, *никто*, *в лесу*, *вверх*, *под маской*, *вперемешку*, *кто-то*, *я бы*, *из-под полы*, *по-над забором*, *целовался*, *четырёх*. А, например, *так что?* [tək#ştó] (в первом предударном слоге должно быть [â], а не [ə]), *ùссера* (*-черный*), *àвиа* (*конструктор*), *кòнтр* (*наступление*) (после первого компонента композита нельзя поставить паузу, такие акцентные слова я далее буду называть связанными), *четырѐхдюймóвый*, *джùу-джи́тсу* (в последних двух примерах два ударения), *пятьдесят*, *паровоз*, *бронепоезд* (в последних акцентных словах содержится более одного корня) таковыми не являются.

Если акцентное слово состоит из одной морфемы, то эта морфема корневая. Это можно считать базовым морфологическим законом. Этот базовый закон можно использовать для выделения ядерного класса корневых морфем. Морфемы, которые могут образовывать отдельное акцентное слово, или акцентное слово, в котором кроме одного морфа все остальные представлены нулевыми морфами, отнесем к базовому классу корневых морфем $\{R_b\}$. К $\{R_b\}$ относятся, например, такие морфемы, как ДОМ, ВОРОН, СКУП, БЕГ, ПЯТ (ПЯТЫЙ, САМ-ПЯТ), КРУГ, ДВОР, РЫБ, АХ, ОЙ и множество других корневых морфем русского языка. К этому же классу морфем отнесем и те, которые могут встречаться как перед паузой, так и после паузы. Такому условию может удовлетворять только корень, поскольку только он может быть порядковым центром акцентного слова. Например, глагольный корень ГУЛ не встречается в позиции между двумя смежными паузами. Но встречается отдельно в позиции после паузы (*гул+'а⊕ть, гул+ён⊕а*) и непосредственно перед паузой ($про+гул⊕Ø_{nom.sg}$, $за+гул⊕Ø_{nom.sg}$). За пределами базового класса корневых морфем останутся так называемые связанные корни, такие, как {БАВ} (*разбавить*, *прибавить*, *добавить*), {НЗ} (*пронзить*, *вонзить*), {У} (*обуть*, *разуть*), {ВЕРГ}

(*ввергнуть*, *отвергнуть*, *извергнуть*), {АЛАБЕР} (*безалаберность*, *безалаберный*, *безалаберщина*), {АРМ} (*армия*, *армеец*) и др., а также корни, которые присоединяют к себе только ненулевые флексии, как, например, {АЛК} (*алкать*, *алчу*).

Теперь среди простых, несвязанных акцентных слов выберем такие, в которых содержится только один корень, цепочка морфов с пустым значением, которая может не содержать ни одного морфа (нулевая цепочка), состоять из одного морфа, или более, чем из одного морфа, и морфем, обозначающих граммемы числа и падежа (у существительных), рода, числа и падежа (у прилагательных), падежа (у числительных), времени, лица и числа или рода и числа (у глаголов). Морфемы с пустым значением назовем тематическими. Все прочие некорневые морфемы в этом множестве акцентных слов назовем грамматическими суффиксами или флексиями.

Во всем множестве акцентных слов морфемы, располагающиеся между флексиями или кластерами, состоящими из пустого морфа и одной или нескольких флексий, с одной стороны, и корневыми морфемами — с другой, назовем деривативными (словообразовательными) суффиксами.

Выделим теперь в классе простых акцентных слов такие, которые содержат в себе одну морфему, которую можно отделить от остальной части акцентного слова другим акцентным словом так, чтобы оставшаяся часть акцентного слова была тоже правильным акцентным словом, и акцентное слово, к которому присоединился отделенный морф, стал также правильным акцентным словом, и лексико-синтаксические связи отделенной морфемы с доминантными и подчиненными лексико-синтаксическими единицами остались прежними. Морфемы, которые можно отделить таким способом, отнесем к базовому классу клитик[2]. В этот класс попадают все «отделяемые» первообразные предлоги и клитические союзы, а также «отделяемые» энклитики. Примеры базовых клитик: *в#голову* —

[2] Специально отмечу, что, в отличие от меня, большинство исследователей (см., например, [30, 28; 36]) клитикой называет не морфему и не класс морфем, а то, что я дальше буду называть клитическим грамматическим словом. Расходится излагаемая здесь концепция и с представлениями лингвистов, относящих клитики к своего рода таксономическим «чебурашкам» и называющих их то элементами, то категориями (см., например, [33]).

в#больную##голову, *на#бычка — на#белого##бычка*, *и#кошка — и#черная##кошка*, *а#вбежал — а#быстро##вбежал*, *да#пришел##он — да#давно##пришел##он*, *я#бы##пришел — я##пришел#бы*, *он#де##замыслил — он##замыслил#де (побег)*, *Петра#то##Кузьмича — Петра##Кузьмича#то*. Не вошли в базовый класс клитик неотделимые предлоги, частицы, которые в сочетании с корневыми грамматическими словами все русские грамматики относят к префиксам, постфиксам, а образования в которые они входят — к простым акцентным (и, разумеется, грамматическим) словам — глаголам, прилагательным, существительным, местоимениям, наречиям, предлогам, союзам, частицам (*никто*, *ввиду*, *вверх*, *по-хорошему*, *подобру*, *поздорову* и пр.).

Исследуем теперь синтактику элементов базовых классов и сравним ее с синтактикой морфов, не попавших ни в один из базовых классов. Прежде всего, можно заметить, что клитики и аффиксы распределены по способности стоять перед корнем или корневым грамматическим словом или после него. Первый тип аффиксов традиционно называется префиксами, а клитик — проклитиками (в русистике для названия первого типа морфем используется термин «приставка», но он выбивается из системы терминов своей нестандартностью, поэтому я им пользоваться не буду; И. А. Мельчук использует для названия последнего типа морфем термин «преклитики» [27, 212], здесь я предпочитаю традиционный термин). Второй тип аффиксов традиционно называется суффиксами, а второй тип клитик — энклитиками (И. А. Мельчук использует для них термин «постклитики» [27, 212], я буду придерживаться в этом случае традиционной терминологии). Кроме проклитик и энклитик обнаружится небольшое число клитик, которые не распределены по позициям относительно корня, те, которые могут стоять по отношению к корневому грамматическому слову как в препозиции, так и в постпозиции: *ведь* (*ведь женщина — ведь молодая женщина*; *женщина ведь*; */tək#ştó/ — /nú#tək/; /vət#já/ — /já# vət/*). Такие клитики С. В. Кодзасов называл безударными корнями. Мне этот термин кажется достаточно двусмысленным. В дальнейшем я буду называть клитики этого типа обоюдосторонними, сокращенно о-клитиками.

Входя в простое, несвязанное акцентное слово, клитики необязательно связаны синтаксически и семантически с остальной его частью. Скажем, в акцентном слове *в#большом* (*доме*) В синтаксически связано с лексемой ДОМ, а к лексеме БОЛЬШОЙ с синтаксической точки зрения не имеет никакого отношения. В акцентном слове *я#бы* (*не пришел*) БЫ синтаксически связано с глаголом, а не с Я. Бывает, конечно, и так, что клитика синтаксически связана с корневой словоформой (*в#доме*, *пришел#бы*). Но это не является обязательным условием построения акцентного слова. Не обязательно должны быть синтаксически связаны в акцентном слове клитики, если их несколько. Ср., например, *не#в#свои##сани* (*не садись*), где НЕ и В синтаксически не связаны.

Можно заметить далее, что так же, как и корни, клитики способны образовывать самостоятельные лексические единицы, тогда как аффиксы служат лишь материалом для их построения. Отнесенность клитик к лексическому ярусу проявляется, прежде всего, в том, что так же, как порядок расположения корней, образующих отдельное грамматическое слово, порядок расположения клитик, образующих отдельное грамматическое слово, определяется, в частности, порядком расположения лексем в предложении (см. по этому поводу, например, [33; 35; 36]). Кроме того, если у клитики есть модель управления, то ее синтаксические отношения с подчиненной лексемой оформляются лексико-синтаксическими показателями (каждый клитический предлог, например, управляет определенным падежом, тогда как префиксы падежами не управляют, их синтаксические связи выявляются из порядка их расположения и валентностей, которые внутри грамматического слова эксплицитно не выражаются).

В литературном русском языке склоняющиеся и спрягающиеся клитики не встречаются, а вот в древнерусском языке основа связки была клитикой (см. [16]), способной присоединять грамматические морфемы (ср. *ꙗ же* ***есѲмь*** *Гюргꙗ ис Киева выгналъ*, *Како же ми* ***есѲи*** *самъ реклъ,* где первые три грамматических слова в первом предложении и четыре — во втором образуют единое акцентное слово (примеры из [16, 24]); клитическими были и формы дательного (*мѲи*, *тѲи*, *сѲи*, *нѲы*, *вѲы*, *нѲа*, *вѲа*) и винительного

(*м⊕ѧ*, *т⊕ѧ*, *с⊕ѧ*, *н⊕ы*, *в⊕ы*, *н⊕а*, *в⊕а*, *и*, *ю*, *е*, *ѣ*, *ѣѧ*) падежей личных и возвратных местоимений, не содержавшие тематического морфа. Клитические формы местоимений встречаются в устной русской речи и в настоящее время (Вот#*#я#т⊕е##дам! Я#б#т⊕я##убил!*). Есть такие клитики и в других языках, например, в турецком (ev⊕de#kin⊕de (R⊕Loc#Encl⊕Loc) ‘у того, который в доме’), в немецком, где склоняются клитики-артикли. Очевидно, что в примерах склоняющихся и спрягающихся клитик мы имеем дело с особым классом словоформ, которые, как и корневые грамматические слова, состоят из основы и флексии, могут быть расклассифицированы по грамматическим разрядам, примыкают к другим типам парадигм или образуют свою. Так или иначе, но они требуют учета и отнесения их к морфологическим и/или синтаксическим грамматическим разрядам. При этом и клитики, не присоединяющие флексий, также должны быть наделены статусом отдельного грамматического слова, как, например, корневые наречия типа *уже* или *еще*. В дальнейшем я буду различать два типа словоформ: корневые и клитические. Они по-разному ведут себя в предложении: например, так называемый закон Ваккернагеля касается только клитических грамматических слов, корневые грамматические слова так себя вести не могут (см. об этом ниже).

При определении положения клитик в предложении (речь здесь всегда идет о том, с каким именно корневым грамматическим словом клитические грамматические слова должны образовать акцентное единство) учитывается два основных фактора: сфера действия клитики (сентенциональные, фразовые клитики, клитики, примыкающие к вершинной корневой словоформе) и формальные правила, применяемые к клитикам с данной сферой действия, определяющие их местоположение, с одной стороны, в клаузе или составляющей, с другой стороны, в акцентном слове относительно корня или реципиентной корневой словоформы и относительно других клитик. Характер правил, определяющих позицию клитики, создает «двойную бухгалтерию» в их статусе. Первый тип правил носит чисто синтаксический характер, второй — взаимодействует с морфологическими правилами организации акцентного слова, как одного из двух типов интегрантов морфо-

логического яруса языковой структуры: грамматического и акцентного слова. Одним из самых известных такого рода правил упорядочения клитик, как уже было сказано, является закон Ваккернагеля, касающийся упорядочения безударных слов в праиндоевропейском языке. Согласно этому правилу, слабоударные и безударные слова примыкали к словам под ударением, которые занимали второе место в предложении. Грамматический класс первого (ударного) члена предложения не был фиксирован. Правила расположения аффиксов, хотя тоже ориентированы на положение корня и характеристики других аффиксов, не выходят за пределы грамматического слова.

Наблюдения за базовыми клитиками позволяют утверждать, что в акцентном слове они всегда располагаются дальше от корня, чем аффиксы, а если говорить об энклитиках, можно заметить, что они стоят всегда после флексии, которая своим порядком расположения сигнализирует о конце грамматического слова. Это наблюдение можно использовать как диагностическое свойство при отделении энклитик от суффиксов и в том случае, когда между клитикой и корневым грамматическим словом нельзя вставить другого акцентного слова.

Кроме порядковых отличий между морфемами трех рассмотренных выше классов, есть, конечно, и морфонологические особенности, которые их отличают друг от друга. В качестве примера можно привести поведение одноименных проклитик и префиксов, оканчивающихся на гласный перед корневой морфемой ИД (ти). В контексте таких префиксов в качестве первой фонемы глагольного корня выбирается /j/ (*на+й⊕ти, вы+й⊕ти, по+й⊕ти, у+й⊕ти, пере+й⊕ти, с+о+й⊕ти* и т. д.), после проклитик, заканчивающихся на гласный, в качестве первой фонемы корня выбирается /I/ (*на#идущего, по#идущему, у#идущего*).

Выявление общих сочетаемостных свойств ядерных классов морфем должно определить распределение морфов, не входящих в ядерные классы по первоначально полученным, или переместить из базового класса в правильный класс те морфемы, которые попали в неправильный класс из-за недостаточности информации.

2. 4. 2. Определение границ грамматического и акцентного слова на основе закономерностей, обнаруживающихся при построении цепочек конструктивных классов морфем.

Введем теперь порядковую маркировку морфов: для аффикса — только маркер его порядка расположения относительно корня или клитики, для клитики — двойную маркировку, — нулевую по отношению к присоединяемым к ней аффиксам (клитика — центр клитического грамматического слова) и маркировку по порядковому отношению ее к корневому грамматическому слову: R (корень) — 0 (маркер порядкового центра), Suf (суффикс) — ← (маркер морфемы, ориентирующейся на клитику или корень, расположенный слева от нее), Pref (префикс) — → (маркер морфа, ориентирующегося на клитику или корень, расположенный справа от него, Encl (энклитика) — ←/0 (маркер морфа, являющегося для подчиненных ему в порядковом отношении аффиксов порядковым центром и ориентирующийся на корневое грамматическое слово, расположенное справа от него), Procl (проклитика) — 0/→ (маркер морфа, являющегося для подчиненных ему в порядковом отношении аффиксов порядковым центром и ориентирующегося на корневое грамматическое слово, расположенное справа от него).

На нескольких поколениях русскоязычных студентов, в том числе и нелингвистических специальностей, было проверено, что, при правильном усвоении условных обозначений, они легко и одинаково расставляют границы грамматических и фонетических слов в зашифрованном в терминах классов морфов тексте, в котором отсутствуют композиты, например, таком:

ProclRRSufRPrefPrefRSufSufEnclRRRProclPrefRSufEnclProclPrefRSufSufSufEnclR →

Procl#R##RSuf##R##PrefPrefRSufSuf#Encl##R##R##R##Procl#PrefRSuf#Encl##Procl#PrefRSufSufSuf#Encl##R.

Из результатов этого эксперимента можно сделать вывод, что правильное отнесение морфа к определенному конструктивному классу позволяет носителю языка однозначно расставить границы грамматических и фонетических слов. Мы можем даже выявить в механизме расстановки границ определенные закономерности. Для этого обра-

тимся к записи той же цепочки классов, но в другой нотации, зашифруем теперь ее в терминах порядковых маркеров классов:

0/➔#0##0🡐##0##➔➔0🡐🡐#🡐/0##0##0##0##0/➔#➔0🡐#🡐/0##0/➔#➔0🡐🡐🡐#🡐/0##0. Эта запись позволит нам исчислить типы границ между фонетическими словами.

1. 🡐##➔ (*служив**ый##про**+шел*)
2. 🡐##0 (*при+лет+е⊕**л##уже***)
3. 0##0 (***я##уже***)
4. 0##➔ (***уже##при**+шел*)
5. 🡐/0##➔ (*я#**бы##под**+о+бр+а⊕л*)
6. 🡐##0/➔ (*под+ход+и⊕**л##к**#лесу*)
7. 🡐/0##0/➔ (*я#**бы##под**#стол (не заглянул*))

Общее правило постановки границы между двумя простыми несвязанными акцентными словами можно сформулировать следующим образом. Если текст не содержит композитов, граница ## между конструктивными морфами появляется тогда, когда порядковые стрелки направлены в разные стороны, или тогда, когда порядковая стрелка направлена в сторону от корневой морфемы (т. е. наблюдаются центростремительные отношения порядка), или когда рядом стоят два корневых морфа.

Теперь исчислим типы границ между грамматическими словами:

1. 🡐##➔ (*служ+ив⊕**ый##про**+ш+е⊕л*)
2. 🡐##0 (*при+лет+е⊕**л##уже***)
3. 0##0 (*я##уже*)
4. 0##➔ (***уже##при**+шел*)
5. 🡐/0##➔ (*я#**бы##под**+о+бр+а⊕л*)
6. 🡐##0/➔ (*под+ход+и⊕**л##к**#лесу*)
7. 🡐/0##0/➔ (*я#**бы##под**#стол (не заглянул*))
8. 🡐#🡐/0 (*у+ход+и⊕л⊕**и#бы***)

9. 0/→#→ (***и#у***+*ход+и⊕л*)

10. 0/→#0/→ (***и#в#****лес*)

11. ←/0 #←/0 (*я#**то#бы** (не ушел)*)

12. 0#←/0 (я#бы)

13. 0/→#0 (в#дом)

Принцип расстановки границ дополняется здесь случаями, учитывающими свойства клитик как центров клитического грамматического слова: либо две клитики оказываются рядом, либо клитика оказывается рядом с корнем, либо она оказывается рядом с аффиксом, ориентированным не на нее.

Сформулирую теперь важнейшие свойства, отличающие клитики, корни и аффиксы друг от друга. **Корневые морфемы — это такой класс морфем, которые могут служить порядковым центром как для простого акцентного, так и для простого грамматического слова (не композита). Клитики — это такой класс морфем, которые могут служить порядковым центром для грамматического слова и не могут служить порядковым центром для простого акцентного слова. Аффиксы — это такой класс морфем, которые не могут служить порядковым центром ни для акцентного, ни для грамматического слова.**

Проверим теперь с помощью полученных правил отнесения морфов к определенным конструктивным классам, а также правил расстановки границ грамматических и фонетических слов, хватит ли нам пробелов для адекватного выделения грамматических слов, и как работают на делимитацию дефисы.

2. 4. 2. Энклитика СЯ и понятие корнеклитического слова.

Возвратная морфема СЯ считается в РИСе аффиксом и интегральной частью простого грамматического слова. Однако проверку на описанную выше процедуру отнесения морфем к конструктивным классам она не проходит. СЯ не попадает в определенный базовый конструктивный класс, поскольку она не отделяется от корневого грамматического слова ни в каких контекстах. Она не может относиться к базовому классу корневых морфем, поскольку не встречается после паузы и не способно служить порядковым центром

акцентного слова. Если мы предположим, что это суффикс, то по позиции он может быть только грамматическим. Но СЯ не может быть отнесена к словоизменительным морфемам, поскольку она не является обязательной для грамматического разряда глаголов, прилагательных и наречий (деепричастий), со словоформами которых она только и встречается. Если считать ее суффиксом, то только деривативным. Но деривативные суффиксы не могут стоять после флексии. Такую позицию могут занимать только энклитики. Из этого напрямую следует, что СЯ — не аффикс. Поскольку эта морфема не встречается перед корневым грамматическим словом, она не может быть отнесена к обоюдосторонним клитикам. Из всего этого следует, что мы можем отнести ее только к энклитикам. Поскольку СЯ энклитика, граница корневого грамматического слова проходит перед ней (восьмой тип пограничного сигнала — ←#←/0) и после нее (пятый, седьмой или одиннадцатый тип пограничного сигнала). Почему же она во всех работах по русской морфологии называется постфиксом? Причин здесь три: 1) потому что традиционно клитики не выделяются в отдельный конструктивный класс; 2) потому что к сочетаниям морфем традиционно не применяется понятие идиомы и 3) потому что традиционно считается, что в русском языке может быть только один класс грамматических слов — корневые. Никаких научных оснований для этих решений нет. Напротив, статус постфикса СЯ нарушает стройность конструктивной классификации морфем. Решение признать эту морфему связанной клитикой (по аналогии со связанными корнями), способной образовывать идиоматические конструкции, смысл которых не выводится из смысловых компонентов составляющих их морфем (как, например, в *смеяться*), и решение ввести в дополнение к обычным новый класс грамматически значимых синтагматических единиц, **корнеклитическую словоформу** (впервые это понятие было введено в моей диссертации [2, 86], см. также [4, 25]), может решить все проблемы, связанные не только с СЯ, но, как мы увидим, с массой других сочетаний корневой словоформы с клитическими. Из предыдущего ясно, что корнеклитический класс словоформ является подклассом простых, несвязанных акцентных слов. Особенностями, отличающими его от прочих акцентных слов являются: 1) по классификации А. А. Зализняка [16, 25] клитики, входящие в корнекли-

тические слова являются не сентенциональными (как, например, БЫ), и не фразовыми (как, например, ТО), а локальными или по общепринятой терминологии — примыкающими к синтаксически вершинной (как, например, СЯ, одним из значений которого является референциальная (заполнение второго актанта, как, например, в *умыться*) или нереференциальная элиминация второго актанта корневого грамматического слова, к которому СЯ примыкает, как, например, в *целоваться с*) или зависимой корневой словоформе (как, например, идиоматические сочетания клитического предлога с корневой субстантивной словоформой – *в#верх⊕Ø*$_{acc.sg}$, *в#низ⊕Ø*$_{acc.sg}$ и т. п., см. о них ниже, п. 2. 4. 4. 1); 2) они составляют с корневым грамматическим словом синтактико-семантическое единство (например, ***я#бы*** (*пришел*) не составляет синтаксического единства, ***в#большой*** (*дом*) — тоже, а вот *прижал#ся* — составляет, как и *в#перед+ø*$_{acc.sg}$); 3) между клитикой и корневым грамматическим словом нельзя вставить ни клитического, ни, тем более, корневого грамматического слова (как, например, в случае с СЯ); 4) факультативная характеристика, которая состоит в том, что клитическое грамматическое слово или отдельная клитика может морфонологически сливаться с последней (первой) фонемой корневой словоформы (ср. произнесение с(я) в сочетании с суффиксом инфинитива /t’/ как /c/, например, в *пятиться* /p’át’êcə/ в отличие от «неслиянного» произнесения тех же фонем в императиве *пяться* /p’át’s’ˆâˆ/ (наблюдение А. А. Реформатского), *от сына* /âtsínə/) или приобретать варианты произнесения, включающие элидирование фонем или фонемных кластеров, не предусмотренное морфонологическими правилами в разговорной речи корнеклитического слова *кто-нибудь* в виде *кто-ньть*, *кто-нить*).

2. 4. 3. Энклитика {ЖДЫ}.

{ЖДЫ} еще одно клитическое грамматическое слово, которое не проходит проверки на аффикс. Вначале проведем обычный морфологический анализ:

Два – две дважды три – трижды четыре – четырежды

Двух тр’ох четыр’ох

Эти морфологические сопоставления показывают, что формы именительного падежа числительного состоят из корня и флексии. Формы косвенных падежей, кроме кор-

ней и флексий включают тематический морф {У} в *дв+у⊕х* и смягчающее /о/ в *тр+ё⊕х* и *четыр+ё⊕х*. Объяснить смену {У} на {’О} морфонологическим чередованием вряд ли возможно. Отметим, что в формах с {ЖДЫ} сегменты между ним и корнем числительного совпадают с показателями падежа. Тот факт, что они совпадают в трех сочетаниях с этой морфемой с тремя разными супплетивными алломорфами показателя именительного падежа, не может быть случайным, из чего можно сделать вывод, что между {ЖДЫ} и корнем стоит флексия. Если мы примем такую трактовку, то задача, определить класс рассматриваемой морфемы, сведется к тому же логическому рассуждению, что и в предыдущем случае. Она занимает позицию после флексии, притом что сама не является грамматическим суффиксом. Деривативной она быть не может, поскольку деривативные аффиксы не встречаются после флексий. Корнем она также быть не может, поскольку не способна быть порядковым центром отдельного фонетического слова. Следовательно, она клитика, причем, поскольку встречается только в постпозиции по отношению к корневому грамматическому слову, она относится к классу энклитик. Все акцентное слово целиком следует также отнести к классу корнеклитических словоформ, поскольку {ЖДЫ} обладает всеми характеристиками, перечисленными в предыдущем параграфе: {ЖДЫ} — именная клитическая словоформа со значением ‘раз’. Она заполняет одну из валентностей числительного, следовательно, состоит с ним в семантико-синтаксических отношениях (образует семантико-синтаксическое единство), является локальной, а не фразовой клитикой, и между ним и корневым словом нельзя вставить ни клитического, ни корневого грамматического слова.

2. 4. 4. Корнеклитические слова, традиционно считающиеся адвербиальными словоформами.

Рассмотрев два этих единичных случая, мы можем теперь рассмотреть большой пласт корнеклитических слов, который в русских грамматиках (см., например, [31]) считают простыми словоформами.

2. 4. 4. 1. Простые сочетания существительных с предлогами.

В лингвистической среде ходит анекдот, который может послужить нам началом рассуждения. Заседает орфографическая комиссия. Один из самых молодых ее членов, А., вносит предложение писать раздельно так называемые наречия с указанием направления: *вперед*, *назад*, *вверх*, *вниз* и проч. В ответ на это предложение один из старейших членов комиссии Б. просит молодого человека написать на доске в его новой орфографии словосочетания *вперед к Ахматовой* и *назад к Пушкину*. А. благодарит за понимание и выводит на доске *в перед к Ахматовой* и *на зад к Пушкину*. Потом вдруг краснеет, быстро стирает написанное и снимает свое предложение.

Остроумный трюк Б. сработал, поскольку орфографическая норма закрепила за двумя разными способами написания два разных значения лексем ПЕРЁД и ЗАД: соответственно, ‘природная или искусственно ориентированная на вектор возможного передвижения часть X тела человека, его одежды или транспортного средства Y’, ‘природная или искусственно ориентированная на направление, противоположное вектору возможного передвижения часть X тела человека, его одежды или транспортного средства Y’, и ‘пространственный вектор X, исходная плоскость которого задается лицевой или головной стороной корпуса ориентира Y’ и ‘пространственный вектор X, исходная плоскость которого задается тыльной стороной корпуса ориентира Y’. Особенностью последнего значения является то, что оно может быть использовано при моделировании абстрактных пространственных координат, когда референциальная привязанность к ориентиру становится неопределенной, или когда ориентир заменяется известным вектором однонаправленного движения. Модельным по отношению к пространству вектором может стать время, «передний» и «задний» векторы которого определяется не положением тел ориентиров в пространстве, а некоторой временной окрестностью момента речи ориентира, связанный с абстрактным представлением о времени прогресс и т.п. В таких случаях референциальная отнесенность «переднего» и «заднего» векторов становится условной, из-за чего к этому существительному становится невозможно присоединить конкретно-референтное определение.

Со стороны старейшего члена комиссии Б. это был именно трюк, поскольку его скрытая контраргументация, направленнная против предложения А., **касалась не той проблемы**, которая послужила причиной предложения изменить существующую норму орфографии. Истинная его причина состояла в том, что в нашей орфографии **проклитики**, как правило, пишутся с пробелом после них, а **префиксы** — без пробела. Слитное написание предлога с существительным орфографически переводит проклитики в разряд префиксов. Вот, как пишет об этом Русская грамматика (далее РГ) [31, 706]: «В тех случаях, когда в написании первообразный предлог сливается с падежной формой имени, он становится приставкой: *ввиду чего-н.*, *вследствие чего-н.*, *наподобие кого-чего-н*». Т. е., вполне понимая, что, например, *наподобие* является с грамматической точки зрения сочетанием первообразного предлога (по конструктивному статусу относящегося к классу проклитик) с существительным, содержащим именно ту флексию, которую требует этот предлог, написавшая этот раздел глубокоуважаемая Н. Ю. Шведова, видимо, считала, что решение орфографической комиссии о слитном написании предлога и следующего за ним существительного (глагол *сливается,* в этом случае, несомненно, обозначает не более, чем волевой акт) может перевести проклитику в префиксы. В качестве реплики-возражения напрашиваются строки из стихотворения Сергея Гандлевского «Самосуд неожиданной зрелости…»: «Бархударов, Крючков и компания // Разве это нам свыше дано!». Наивному представлению Н. Ю. Шведовой о возможностях комиссии, на мой взгляд, вопиюще противоречит тот факт, что в русском языке, независимо ни от какой комиссии, имеются четкие признаки, отличающие проклитику от префикса. В данном случае таким диагностическим признаком является управление совершенно определенным падежом со стороны предлогов и отсутствие такового у префиксов. В случае с *наподобие*, *вперед*, *назад* и т. п. это, может быть, не видно неискушенному морфологу, поскольку у существительного в словосочетании *на#подоб+ија⊕е* показатель именительного падежа совпадает с показателем винительного, существительные *перёд* и *зад* по ГС склоняются по типу 1с (по ГС Зализняка), а у этого типа именительный и винительный неодушевленный падежи выражаются нулем. Однако, если в той же конструкции высту-

пает существительное морфологического (по Зализняку) женского рода, падежный показатель сразу проявляется однозначно: *в#правд⊕у*, *в#затяжк⊕у*, *в#разбивк⊕у*, *в#присядк⊕у*, *в#приглядк⊕у*, *в#припрыжк⊕у*, *в#раскачк⊕у*, *на#встреч⊕у, на#половин⊕у*, *на#изнанк⊕у*, *на#удач⊕у.* Все существительные в этих конструкциях (ПРАВДА, ЗАТЯЖКА, РАЗБИВКА, ПРИСЯДКА, ПРИГЛЯДКА, ПРИПРЫЖКА, РАСКАЧКА, ВСТРЕЧА, ПОЛОВИНА, ИЗНАНКА, УДАЧА) стоят в определенном падеже, и этот падеж совпадает в них с тем, которым управляет предлог (В или НА), — с аккузативом. Ни один префикс в основе существительного не может управлять падежным показателем хотя бы потому, что падеж является маркером лексико-синтаксической связи, а не внутренней морфолого-синтаксической. Во внутреннем синтаксисе словоформы показателей синтаксической связи нет. Она определяется только по модели управления морфемы и порядку расположения морфов в основе. В приведенных выше конструкциях оформление синтаксической связи между предлогом и существительным остается лексико-синтаксическим, а это может быть только тогда, когда В и НА — предлоги-проклитики, а не префиксы.

Важным аргументом в пользу слитного написания конструкций рассмотренного выше типа является их синтаксическая и семантическая идиоматизация. Так, например, у словосочетаний *навстречу* и *на встречу* разные синтактика и семантика. Идиоматизированное словосочетание *на#встреч⊕у* стало обозначать ‘Перемещение Р в противоположном Х-у направлении’. Существительное, обозначающее Х-а, должно при нем стоять в дательном падеже: *Навстречу* ***мне*** *двигалась повозка*. В аддитивном словосочетании *на#встреч⊕у* существительное обозначает ‘случайное или оговоренное заранее пребывание Х-а с Y-ом в одном и том же месте в одно и то же время’. Модель управления определяется здесь не идиоматизированной связкой предлог + существительное, а только существительным: *На встречу с депутатом пришел весь двор*.

Однако идиоматизированность сочетания морфем или лексем никак не может повлиять на отнесенность морфемы к конструктивному классу, поскольку идиома отлича-

ется от аддитивного сочетания языковых единиц только соотношением означающего и означаемого: в аддитивном сочетании членение элементов означаемого полностью соответствует членению означающего. Значение целого выводится из значений лексем (морфем). В идиоматическом сочетании изоморфизм в членении означающего и означаемого отсутствует, означаемое целого не выводится из означаемых составляющих его идиоматических единиц. Означающее целого выражения представимо через означающие составляющих выражение единиц, а означаемое — нет. Принадлежность морфем к тому или иному конструктивному классу здесь совершенно ни при чем. Вряд ли кто-нибудь из исследователей будет отрицать, что, например, в пословице *не в свои сани не садись не* и *в* — клитики (частица и предлог), *свои* — форма аккузатива мн. ч. прилагательного СВОЙ, *сани* — форма аккузатива мн. ч. существительного САНИ, а *садись* — императив глагола САДИТЬСЯ.

К рассмотренным случаям примыкает достаточно большое количество так называемых наречий и предлогов, для пересмотра представлений о которых не требуется никаких дополнительных аргументов: *вверх, вниз*, *вбок*, *вброд*, *ввек*, *вовек*, *вволю*, *ввысь*, *вглубь*, *вдаль*, *вдрызг*, *вдогон*, *вдупель*, *внаем*, *вместо*, *наместо*, *внакидку*, *взасос*, *внахлест*, *вконец*, *вразброд*, *вразнобой*, *всерьёз*, *вполовину*, *вправду*, *взатяжку*, *вразброс*, *вразбивку*, *вприсядку*, *вприглядку*, *вприпрыжку*, *враскачку*, *наверх*, *набок*, *навстречу, наконец*, *наполовину*, *накрест*, *наизнанку*, *наудачу*, *наперекос*, *навынос*, *наподбор*, *напоказ*, *напрокат, ввиду*, *вследствие* и др.

Все эти примеры можно отнести к корнеклитическим словам, поскольку они отвечают тем их характеристикам, которые были перечислены выше (см. п. 2. 4. 2). Пояснения требует только пункт, который касается сферы действия предлога. Предлог — несомненно, фразовая клитика, которая действует на предложной группе и является ее вершиной. В принципе предлог может образовывать с реципиентной корневой словоформой асинтаксическую акцентную конструкцию (*в#большой##дом*). Однако в идиоматических конструкциях типа перечисленных выше у подчиненного ему существительного появляется ограничение на сочетаемость: ему в таких конструкциях запрещается прини-

мать определения как препозитивные, так и постпозитивные. Группа становится непроницаемой и для других локальных проклитик. Следствием этого запрета становится преобразование предлога из фразовой в локальную клитику, клитику, примыкающую к синтаксически связанной с ней корневой словоформе.

Если говорить теперь о парадигматических отношениях, то в противоположность корнеклитическим словам с СЯ, которые образуют нормальные парадигмы спряжения и склонения, а, следовательно, могут быть поставлены в соответствие абстрактной корнеклитической лексеме (скажем, УМЫТЬСЯ, или ОПРОКИДЫВАЮЩИЙСЯ) и могут быть отнесены к определенной корнеклитической части речи, и рассмотренные в предыдущем параграфе корнеклитические слова с энклитикой ЖДЫ, и рассмотренные в настоящем параграфе сочетания существительных с предлогами никакой парадигмы образовать не могут. Они не могут быть отнесены к той или иной морфологической части речи (по А. А. Зализняку), пусть даже и корнеклитической, их таксономический класс может быть определен только сочетаемостными свойствами и стоять в одном ряду с такими же синтаксическими (корнеклитическими) частями речи, которые еще только предстоит выделить чисто дистрибутивными методами.

Из предыдущего анализа, кроме всего прочего, становится ясно, что наличие пробела и его отсутствие может быть обусловлено согласно решениям орфографической комиссии различными, мало связанными друг с другом факторами (омонимией, идиоматичностью, различием в принадлежности морфем к тому или иному конструктивному классу), при этом смена способа написания, обусловленная одним фактором, автоматически меняет на противоположные все прочие характеристики фонетического слова и морфем, которые в него входят. При таком положении дел довериться пробелам как пограничным сигналам границ словоформы никак нельзя. Поэтому выбранное А. А. Зализняком решение, несомненно, требует коррекции, которую мы, его последователи, и должны произвести. Продолжим рассмотрение других случаев слитного написания корневых и клитических грамматических слов, поскольку в них кроется еще достаточно много инте-

ресных деталей, которые заставляют морфолога принимать какие-то новые в сравнении с РИСом решения.

2. 4. 4. 2. Сочетания предлогов с субстантивированными полными прилагательными.

Рассмотрение примеров типа *во-первых*, *во-вторых*, *в-третьих*, *по-прежнему*, *по-видимому*, *по-лошадиному*, *по-деловому*, *по-походному*, *по-местному*, *по-маминому*, *по-мужскому*, *по-городскому*, *по-птичьему*, *по-тихому*, *по-хорошему*, *по-честному*, *вчистую*, *начистую*, *напрямую*, *надаровую*, *врассыпную*, *впервые*, *зачастую*, *наверное*, *подчистую* должно быть построено по тому же алгоритму, что и сочетания с существительными. Достаточно понять, что мы имеем здесь дело с субстантивированными прилагательными. Представленные выше примеры — корнеклитические словоформы с предлогом в качестве вершинного элемента конструкции. Предлог здесь управляет определенным его моделью управления падежом субстантивированного прилагательного.

2. 4. 4. 2. Сочетания предлогов с субстантивированными краткими прилагательными.

Приведенные ниже примеры идиоматизированных (по терминологии А. А. Зализняка «лексикализованных») предложных групп с субстантивированными краткими прилагательными: *с#прав⊕а*, *с#лев⊕а*, *с#ыз#нов⊕а*, *с#ыз#мал⊕а*, *с#полн⊕а*, *с#глуп⊕а*, *в#горяч⊕ах*, *в#далек⊕е*, *не#в#далек⊕е*, *в#лев⊕о*, *в+о#един⊕о*, *с#прост⊕а*, *с#горяч⊕а*, *с#молод⊕у*, *не#с#прост⊕а*, *до#бел⊕а*, *до#гол⊕а*, *до#красн⊕а*, *до#наг⊕а*, *до#поздн⊕а*, *до#темн⊕а*, *до#полн⊕а*, *до#сух⊕а*, *до#пьян⊕а*, *из#желт⊕а* (*-красный*), *из#зелен⊕а* (*-синий*), *ис#сер⊕а* (*-голубой*), *ис#сиз⊕а* (*-голубой*), *ис#син⊕я-черный*, *ис#черн⊕а* (*-синий*), *на#весел⊕е*, *на#готов⊕е*, *на#коротк⊕е*, *на#легк⊕е*, *на#равн⊕е*, *с#нов⊕а*, *с#перв⊕а*, *с#легк⊕а*, *с+о#общ⊕а*, *с#высок⊕а*, *с#млад⊕а*, *с#мал⊕у*, *с#горяч⊕а*, *с#пьян⊕а*, *с+о#слеп⊕у*, *на#прав⊕о*, *в#прав⊕о*, *на#лев⊕о*, *на#нов⊕о*, *за#нов⊕о*, *на#перв⊕о*, *за#мертв⊕о*, *на#мертв⊕о*, *ис#кос⊕а*, *не#по#далёк⊕у*, *по#мног⊕у*, *по#напрасн⊕у*, *по#люб⊕у*, *по#долг⊕у*, *по#мног⊕у*, *из#давн⊕а*, *по#добр⊕у*, *по#здоров⊕у*, *по#ровн⊕у*,

по#част⊕у, *по#прост⊕у*, *по#пуст⊕у*, *по#сух⊕у*, *не#по#далек⊕у*, *в#черн⊕е*; *до#красн⊕а, до#син⊕я*, *из#далек⊕а*, *в#скор⊕е*, *в#чуж⊕е*, *в#тр⊕и##дорог⊕а*, *в#тр⊕и##дешев⊕а*, *в#пол##пьян⊕а*, *с#дур⊕у*, *в#жив⊕е*, *в#нов⊕е*, *в#коротк⊕е*, *на#коротк⊕е*, *в#полн⊕е*, *на#един⊕е*, *из#редк⊕а* требуют при их описании решения некоторых новых теоретических проблем, не рассмотренных выше. Речь пойдет о том, как рассматривать идиоматические сочетания в клитико-корневых акцентных и простых грамматических словах, насколько следует учитывать идиоматические конструкции при построении грамматики языка и синхронной интерпретации идиоматизированных конструкций и насколько возможно описать весь языковой материал с помощью одной непротиворечиво построенной грамматики.

Начнем с идиоматичности конструкции. Выше уже было отмечено, что понятие идиоматичности, как на это указал И. А. Мельчук, связано с отношениями представимости означающего целого сложного знака S через означающие знаков $S_1 \ldots S_n$ и непредставимости означаемого S через означаемые тех же знаков (см. об этом [27, 141 — 147]). К этому определению следует добавить, что в понятие представимости и непредставимости входит операция языкового объединения ⊕ (см. по поводу этого понятия [26; 27, 131 и далее; 28]). «Она представляет собой операцию объединения любых языковых единиц согласно: а) стандартным грамматическим правилам языка L и б) информации, содержащейся в синтактиках всех затрагиваемых данной операцией единиц» ([28, 224]). Эта операция, в частности, может включать в свои функции сохранение правильно оформленных синтаксических связей между элементами. Л. В. Щерба на своем знаменитом примере *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка* показал, что даже при полной бессмысленности основ корневых грамматических слов синтаксические показатели сохраняют свое значение, благодаря чему структура предложения распознается правильно и остается понятной носителю языка. Особенностью идиомы является то, что в ней элиминируется, отменяется интенсиональное наполнение основ знаков, составляющих сложное целое, из-за чего вся идиоматическая конструкция становится похожей на выра-

жения типа *глокой куздры*. Однако интенсиональный компонент синтаксических показателей конструкции (падежей, согласования, управления, порядка слов) **не идиоматизируется** и поэтому не отменяется, благодаря чему синтаксическая структура идиомы остается понятной. Более того, понимание идиомы становится возможным только тогда, когда распознана ее синтаксическая структура и лексический состав. То же можно сказать и о таксономической отнесенности тех или иных языковых единиц. В поговорке *попал, как кур в ощип* лексема КУР, несмотря на то, что она вышла из употребления, не перестает быть существительным, предлог В — предлогом, а ОЩИП — отглагольным существительным, равно как не перестает {КУР} быть корневой морфемой, {$Ø_{nom.sg}$} — грамматическим суффиксом, {О} — префиксом, а {ЩИП} — корнем. Из сказанного выше следует, что все синтаксические и морфологические свойства, в том числе и таксономические свойства знаковых единиц, входящих в идиому, сохраняются.

Отличие идиоматического сочетания знаков от выражений типа того, что придумал для своих студентов Лев Владимирович Щерба, состоит в том, что неграмматическому целому идиоматической конструкции сопоставляется интенсиональный компонент, по структуре не обязательно имеющий с его синтаксисом что-то общее. Не выполняются общие правила перехода от глубинной синтаксической структуры (по Мельчуку) к семантическому представлению, выполняются индивидуальные правила, свойственные только данной идиоме. Перечисленные свойства объединяют идиомы всех языковых ярусов: сентенциального яруса, яруса словосочетаний и морфологического яруса.

Проведенное рассуждение позволяет утверждать, что как раз грамматика идиом остается в них нормативной, за исключением случаев, когда эта грамматика из-за невозможности менять в идиоме никакие элементы на синонимичные, приходит к нам вместе с грамматикой языка донора (как, например, структурная калька из греческого типа ЛЮБОМУДРИЕ) или языка-предка, как, например, в случае со склоняющимися краткими прилагательными в приведенных выше примерах.

Признание идиоматических сочетаний предлогов с субстантивированными краткими прилагательными позволяло А. А. Зализняку в РИСе и ГС констатировать тот факт,

что в русском языке краткие прилагательные не склоняются. Однако наличие в русских текстах словосочетаний типа *добра молодца*, *красну девицу, по белу свету*, *на босу ногу*, *средь бела дня*, *от мала до велика*, *мил человек*, *мать сыра земля*, *сыр бор*, наличие в поэтических текстах скомпрометировавших себя «искуственностью» так называемых усеченных форм прилагательных, если мы хотим полноты описания грамматических форм русского текста, заставляет нас представить грамматические характеристики и этих его фрагментов, и характеристики идиоматических сочетаний субстантивированных кратких прилагательных с предлогами. Несомненно, что рассмотрение этих последних как целого, без морфолого-синтаксического анализа конструкций, объявление их наречиями не просто паллиатив, а, как я постарался показать выше, это еще и, во-первых, неверное с морфологической точки зрения решение относительно категориальной принадлежности предлогов к префиксам, во-вторых, неверное истолкование сегментов [А] в *с#прост⊕а*, *с#горяч⊕а*, *с#нов⊕а*, *с#перв⊕а*, *с#легк⊕а*, *с#высок⊕а*, *с#млад⊕а*, *с#пьян⊕а до#бел⊕а*, *до#гол⊕а*, *до#красн⊕а*, *до#наг⊕а*, *до#поздн⊕а*, *до#полн⊕а*, /u/ в *с#молод⊕у*, *со#слеп⊕у*, *с#мал⊕у*, /е/ в *на#весел⊕е*, *на#готов⊕е*, *на#коротк⊕е*, *на#легк⊕е*, *на#равн⊕е*, /о/ в *на#прав⊕о*, *на#лев⊕о*, *в#прав⊕о*, *в#лев⊕о*, *на#мног⊕о*, *во#мног⊕о*, *за#дорог⊕о*, *на#строг⊕о*, /u/ в *по#люб⊕у*, *по#долг⊕у*, *по#мног⊕у*, *по#ровн⊕у*, *по#част⊕у*, *по#пуст⊕у*: которые ни с чем другим, кроме как с означающими флексий, идентифицировать невозможно, причем это не диахронический, а синхронический факт. Это легко проверить, сверяя модель управления предлога с флексией, которой данный предлог управляет, с означающими родительного первого, родительного второго, дательного, предложного и местного падежей существительных. Предлог С управляет родительным падежом (*с моста*, *с ведра*, *с крыши*, *с ночи*), или родительным 2 (*с пылу*, *с жару*). Тем же падежом управляют предлоги ДО (*до дома*, *до дому*, *до крыльца*, *до ночи*) и ИЗ (*из дома*, *из дому*, *из села*, *из коня*, *из баржи*, *из геля*). Предлог НА может управлять предложным падежом (*на доме*, *на поле*, *на лесе*, *на коне*, *на мелочи*), местным (*на боку*, *на полу*, *на кону*), или винительным (*на дом*, *на волю*, *на коня*, *на село*). Такая же модель управления у предлога

В (*в доме*, *в лесу*, *в страну*, *в село*, *в степь*). И, наконец, предлог ПО управляет дательным падежом (*по дому*, *по селу*, *по дороге*, *по степи*).

В-третьих, как это можно увидеть из представленных примеров, за исключением творительного падежа, в этих предложных группах представлена вся подпарадигма склонения единственного числа и часть подпарадигмы множественного числа (*в#горяч+ах*). Введенное и теперь уже прижившееся понятие дефектной парадигмы позволяет нам признать склоняющиеся краткие прилагательные синхроническим фактом русской грамматики. Признание этого факта требует согласования наших утверждений с теми, которые касаются базовой грамматики современного русского языка.

В РИСе А. А. Зализняк признает краткие и полные формы прилагательного принадлежащими словоизменительной парадигме одной и той же лексемы на том основании, что краткие формы прилагательных не склоняются и распределены в употреблении с полными: краткие формы используются только в предикативной функции, полные прилагательные — в атрибутивной. Спорным моментом в этом утверждении является то, что есть одна конструкция, в которой возможны и полные, и краткие формы, и в большей части контекстов они выступают как синонимы (ср. *он был молод и строптив* vs. *он был молодой и строптивый*). Противопоставление по смыслу, образуемое в парах типа *этот мальчик весел* и *этот мальчик веселый*, *этот мальчик здоров* и *этот мальчик здоровый* А. А. Зализняк вслед за А. В. Исаченко ([20]) относит на счет противопоставленности двух разных синтаксических конструкций, во второй из которых полное прилагательное рассматривается как субстантивированное, встающее в один ряд с конструкциями типа *этот мальчик шалун* или *он учитель*, а первая рассматривается как конструкция с особой структурной схемой. Благодаря этой трактовке дистрибуция полных и кратких прилагательных сохраняет свойство дополнительности. Автор РИСа вводит граммемы атрибутивности и неатрибутивности, которые благодаря дополнительной распределенности становится возможным считать однородными элементами одной грамматической категории. Это решение, в свою очередь, позволяет А. А. Зализняку считать соответствующие краткие и полные формы прилагательных относящимися к одной лексеме. Для лек-

сем типа МОЙ, не имеющих кратких форм, категория атрибутивности — неатрибутивности считается словоклассифицирующей, а не словоизменительной, для лексем типа ЗДОРОВ — словоизменительной, равно как и для лексем типа РАД, не имеющих полных форм прилагательных. Их парадигмы словоизменения считаются дефектными. Видимо, только морфолог-теоретик может насладиться красотой и изяществом принятых А. А. Зализняком решений, позволивших сохранить грандиозную архитектуру его теоретической концепции, стройность и логичность ее строения! Упомянутые решения позволяют сберечь и основную идею определения грамматического разряда как совокупности лексем, имеющих один и тот же набор грамматических категорий.

Красиво! Но не всякое красивое решение оказывается однозначно верным. Дело в том, что субстантивация может быть двух типов: контекстная субстантивация (например, в конструкциях с эллипсисом) и категориальная субстантивация. Контекстная субстантивация представляет собой опущение существительного, при котором прилагательное остается полноценным представителем всей именной группы. При этом своих адъективных сочетаемостных свойств оно не теряет и, следовательно, с точки зрения категориальной принадлежности остается прилагательным. Например, *Так, он, в результате, захотел жить в очень большом или в очень уютном доме? — В очень большом. Он выбрал очень красивое или очень точное ружье? — Очень красивое.* В ответных репликах этих двух примеров прилагательные субстантивируются, иначе они бы не могли стать вершинным элементом именной группы, а в первом предложении прилагательное не могло бы вступить в синтаксическую связь с предлогом. Однако, судя по тому, что прилагательные в этих предложениях состоят в синтаксической связи с лексемой ОЧЕНЬ, которая не сочетается с существительными, с категориальной точки зрения они сохранили свойства прилагательного. С лексической точки зрения мы, таким образом, имеем здесь дело с адъективной лексемой с полным набором ее грамматических категорий. При категориальной субстантивации грамматическая категория рода лексемы переходит из разряда словоизменительных в разряд словоклассифицирующих, теряет способность к обязательному согласованию по роду в функции именной части сказуемого (ср. *она была выдающимся*

ученым), полностью меняются и сочетаемостные свойства лексемы: она больше не может вступать в синтаксические связи с наречиями и без всякого эллипсиса способна заполнять субстантивные валентности других существительных, прилагательных, глаголов и предлогов. Аргументация А. В. Исаченко, на которую ссылается А. А. Зализняк, относится к первому типу субстантивации. Это верно и для примеров типа *Он вернулся усталым/ Он вернулся очень/крайне/необыкновенно усталым.* Лексемы типа УЧЕНЫЙ, РАБОЧИЙ и т. п. в статусе субстантивированных начинают вести себя как существительные, что проявляется, прежде всего, в том, что к ним может присоединяться определение, в том числе и адъективное определение, например, *Товарищ Сталин, вы большой ученый. Этот великий ученый прожил насыщенную событиями жизнь. Он необыкновенный ученый*. В статусе прилагательного лексема УЧЕНЫЙ не может вступать в синтаксическую связь с адъективными определениями, синтаксически с прилагательными в этой роли могут быть связаны только наречия: *Этот глубоко ученый человек в жизни был доверчив и наивен*, *Очень ученый человек не станет заниматься такими глупостями*. Если мы теперь попробуем протестировать краткие и полные прилагательные в позиции именного сказуемого, получим результаты, подтверждающие мою гипотезу: если бы в предложении *он был веселый* ВЕСЕЛЫЙ было категориально субстантивированным, то определение к нему должно было присоединяться в форме прилагательного, а не наречия. Но предложение **Он был необыкновенный веселый* грамматически неверно, верно только *Он был необыкновенно веселый*. О том, что прилагательные в составе сложного сказуемого не субстантивируются в указанном выше смысле, говорит и то, что к ним, как и к кратким прилагательным, можно присоединить, например, наречие ОЧЕНЬ, которое не сочетается с существительными: *Он был очень весел*, *он был очень веселый*, но **Он был очень физик* сказать нельзя, равно как нельзя сказать и **Он был необыкновенно физик*. Эти примеры показывают, что по сочетаемостным характеристикам полные прилагательные объединяются в один синтаксический класс не с существительными, а с краткими прилагательными, что полностью снимает вопрос об их противопоставленности, поскольку,

как было показано выше, категориальный статус прилагательного при субстантивации первого типа не меняется.

Из неточности ключевого утверждения, позволившего автору РИСа создать столь стройную систему грамматических разрядов, следует и то, что неверным оказывается утверждение о распределенности в употреблении кратких и полных форм прилагательных: как полные, так и краткие формы могут выступать в одной и той же синтаксической конструкции в идентичных функциях, и в большой части контекстов синонимичны. Если они, хотя бы частично, взаимозаменимы, то перестает быть актуальным противопоставление атрибутивности — неатрибутивности, поскольку его нельзя полностью списать на противопоставление синтаксических конструкций, а противопоставление форм полных прилагательных — на противопоставление субстантивированных и несубстантивированных. Из этого, в свою очередь, следует, что в парадигму одной и той же лексемы соответствующие формы кратких и полных прилагательных могут попасть только, если истолковать их как вариативные (как, например, формы творительного падежа существительных *весной — весною*), что опять-таки сделать нельзя из-за того, что в некоторых случаях они противопоставлены.

Невозможность объединить соответствующие краткие и полные прилагательные в одну лексему влечет за собой пересмотр состава грамматических разрядов. При этом исследователь оказывается здесь в непростом положении. Поскольку в рассмотренных выше идиоматизированных конструкциях «предлог + субстантивированное краткое прилагательное» эти последние не могут присоединять к себе никаких определений, мы не можем проверить, с какого рода субстантивацией мы имеем здесь дело. Это обстоятельство позволяет нам рассматривать в конструкциях с краткими прилагательными как равновозможные оба типа субстантивации. Если мы остановимся теперь на первом типе трактовки (эллиптический тип), мы должны будем признать, что краткие прилагательные склоняются. В этом случае нам придется признать также, что набор грамматических категорий у полных и кратких форм совпадают. При этом одной и той же частью речи признать их будет нельзя, поскольку, как это уже было сказано, они не обнаруживают дополнитель-

ного распределения, и наборы показателей рода, числа и падежа у них не совпадают. Есть и еще один тест на принадлежность к одной и той же части речи — сочинительная конструкция. В сочинительных конструкциях с союзом И не допускаются разные части речи. Ср. **Ему запретили пить и курение*. В широко известной песне неизвестного автора «Раскинулось море широко» есть такой куплет:

Не слышно на палубе песен

И Красное море волною шумит

А берег суровый и тесен, —

Как вспомнишь, так сердце болит.

Третья строка в этом куплете режет слух. Предложение «А берег суровый и тесен» очевидным образом нарушает правило построения сочинительных конструкций именно тем, что краткие и полные прилагательные относятся к разным частям речи.

Итак, в предыдущих абзацах было показано, что краткие и полные прилагательные относятся к разным грамматическим разрядам. Признание этого факта приводит к тому, что критерий А. А. Зализняка, по которому части речи отличаются друг от друга набором грамматических категорий, перестает работать, поскольку по нашему первому предположению краткие прилагательные в идиоматических сочетаниях с предлогом сохраняют свой адъективный статус и склоняются по всем падежам единственного числа, кроме творительного и по двум падежам множественного. Таким образом, и краткие, и полные прилагательные обладают одним и тем же набором грамматических категорий: категорией числа, падежа и словоизменительного рода (согласовательного класса). При такой трактовке краткие и полные прилагательные с морфологической точки зрения отличаются друг от друга только набором флексий, обозначающих одни и те же граммемы, а с синтаксической точки зрения характеризуются неполным распределением: краткие прилагательные в качестве определений к существительным используются только в идиомах, не используются в такой функции в аддитивных словосочетаниях, а также не встречаются в конструкциях типа *Он вернулся веселым*. Как полные, так и краткие прила-

гательные используются в качестве именной части составного сказуемого. С точки зрения семантико-синтаксической организации (см. [3]) они идентичны.

При втором варианте трактовки (краткие прилагательные считаются категориально субстантивированными) нам все равно предстоит решить проблему с идиоматическими словосочетаниями типа (*разгорелся*) *сыр бор*, *от мала до велика* и т. п. Целесообразнее всего описывать их маргинальной системой правил, что равносильно постулированию для них отдельной, маргинальной грамматики, оставшейся современному состоянию языка от прежних времен. Такое решение предлагал фактически на одной из своих лекций А. А. Зализняк, когда объяснял нам, что в постоянно меняющемся естественном языке всегда происходит так, что часть существующих правил в какой-то момент начинает вытесняться новыми. И вначале новые правила охватывают лишь небольшую часть материала. Но потом под их действие подпадает все больше и больше языковых единиц, а под действие старых правил их подпадает все меньше. Парадокс языкового развития состоит в том, что старые правила в конечном итоге становятся маргинальными, но объем материала, который подпадает под их действие, никогда, или почти никогда не сокращается до нуля. Из этого следует, что наряду с базовой грамматикой в синхронном срезе языка всегда действует множество маргинальных грамматик, которые противоречат базовой и достались современному языку от прежних времен. Из этого наблюдения следует сделать вывод, что всякий лингвист, стремящийся к тому, чтобы охватить своей интегральной теорией все факты языка, должен понимать, что общая грамматика конкретного языка должна состоять из базовой и ряда маргинальных грамматик. Именно с таким случаем мы и сталкиваемся, когда нам необходимо описывать достаточно редкие идиомы с падежными формами кратких прилагательных. Приняв решение о том, что полное описание языка не может опираться на одну непротиворечивую грамматику, мы можем теперь выделить упомянутые выше идиоматические словосочетания в корпус, описываемый особой грамматикой. Для прочего материала будет действовать установка, по которой краткие прилагательные не склоняются. Отсутствие у них падежных форм позволяет нам выделить их по чисто морфологическим критериям в отдельную часть речи. Если принять

предложение о том, что полная грамматика любого языка представляет собой множество субграмматик, мы можем со спокойной совестью объявить и рассмотренные выше корнеклитические образования с падежными формами кратких прилагательных корпусом, описываемым маргинальной грамматикой. В таком случае становится непринципиальным и то, как мы будем трактовать субстантивацию падежных форм кратких прилагательных — как категориальную или эллиптическую, это уже не сможет повлиять на то, как будет построена базовая грамматика.

Замечу, что, несмотря на то, что правила построения форм кратких прилагательных обслуживают идиоматизированные конструкции, они могут быть вполне продуктивны. Такова, например, конструкция типа *иссиня-черный*, *иссера-фиолетовый*, *изжелта-красный*. А это значит, что формы этой конструкции не вынимаются в готовом виде из памяти, а строятся по живым правилам, частью которых является, например, построение форм кратких прилагательных в родительном падеже. Из этого наблюдения следует, что идиоматичность и непродуктивность конструкции не всегда одно и то же (ср. описание так называемых лексических функций в работах И. А. Мельчука и его школы).

2. 5. Операции как разновидность означающего.

Для того, чтобы адекватно проанализировать следующий тип сочетаний с предлогами, который во всех грамматиках русского языка и в ГС трактуются как наречия, нам понадобится термины «операция» и «оператор», которыми не пользуются исследователи, придерживающиеся направления исследований типа «слово и парадигма», к которому относился и А. А. Зализняк.

Под операцией понимается существенное для построения и понимания текста действие его автора над означающим, означаемым, синтактикой знака или их элементами, которое не отражается в тексте в виде линейного компонента, а присутствует в нем как результат этого действия, и адресатом воспринимается именно таким образом. Под оператором я буду понимать лингвистическую модель операции, которая в метаязыке отображается в виде следующих трех компонентов: инструкции, аргумента и сферы действия. В инструкции содержится информация о последовательности действий, которые

необходимо произвести с аргументом X; аргументом оператора является знак X, его означающее, означаемое, синтактика (синтактический класс языковой единицы и его дистрибуция) или их элементы, с которыми производятся действия, указанные в инструкции; сфера действия — это инструкция о том, сколько раз нужно произвести описанную в инструкции последовательность действий с одним и тем же аргументом или о том, на каком множестве единиц должны быть проделаны те же действия. Поясню теперь сказанное в определении на примере оператора чередования. Чередование отличается, например, от оператора замены тем, что оно работает только в тех случаях, когда нельзя выделить ступень чередования, которую можно было бы назвать исходной. Типичным оператором чередования является гармонизация гласных.

В турецком языке, например, оператор гармонизации действует следующим образом. Пусть нам дан, скажем, корень *kardeş*, и нам надо построить с ним форму, которая переводится как ‘от его братьев’. Это значит, что нам надо присоединить к корню морфему множественного числа объекта принадлежности (lV^2r, где V^2 — аргумент оператора гармонизации, переменная, определенная на паре фонем {/a/, /e/}), форму второго лица субъекта принадлежности (V^4n, где V^4 — аргумент оператора гармонизации, переменная, определенная на множестве из четырех фонем {/i/, /ı/, /u/, /ü/}), нулевую морфему ед. ч. и показатель исходного падежа (DV^2n, где D — переменная, определенная на паре согласных фонем {/t/, /d/}). Инструкция оператора гармонизации (дается в сильно упрощенном виде) состоит в том, что каждая константа, которая должна быть подставлена на место переменной, должна быть согласована с последней гласной предыдущего морфа по ряду и огубленности. Последняя гласная корня — /e/ — неогубленная гласная переднего ряда, следовательно, по инструкции в первой морфеме после корня — показателе мн. ч. — из двух гласных, на которых определена переменная оператора, следует выбрать /e/, поскольку она переднего ряда (/a/ — среднего ряда). Это первый такт работы оператора. **Сферой действия** его является, грубо говоря, фонетическое слово. Это значит, что операция гармонизации не закончит работу до тех пор, пока не будет обработан последний гармонизируемый морф фонетического слова. В сфере же действия должна содержаться

информация о том, в каком порядке должны обрабатываться морфы фонетического слова. В нашем случае порядок прост: от ближайшего к корню суффикса — к концу фонетического слова. В следующем морфе из четырех гласных верхнего подъема должна быть выбрана /i/, поскольку она, как и /e/, переднего ряда и неогубленная, в последнем морфе из двух согласных выбирается /d/, поскольку согласная слева от нее — не глухая, а из двух гласных — /e/, поскольку она — переднего ряда. В результате получается форма *kardeş⊕ler⊕in⊕den*.

Операторов насчитывается несколько видов. Во-первых, они классифицируются по типу аргумента: операции могут совершаться над сегментным составом означающих знаков, просодией сложных знаков, над синтактикой знака, над его означаемым и, наконец, над целостным знаком. Основные типы операторов над сегментным составом означающего знака — чередования, перестановки, усечения (элиминации), вставки (эпентезы), замены, мультипликации (т.е. удвоения, утроения единиц и т. д.), трансформации (например, увеличение долготы, продвижения в артикуляции, смена степени подъема у гласных, смягчение у согласных, смена режима работы голосовых связок и т. д.); особое место занимает ноль, который можно трактовать и как нулевую фонему, и как нулевой оператор[3]. Оператор, как элемент означающего, может функционировать так же, как це-

[3] Приведу здесь краткое обоснование необходимости нулевого означающего на примере. Возьмем форму именительного падежа единственного числа лексемы ДОМ. Означающее его основы *дом* не представимо через означающие других морфов (см. об этом ниже), из чего следует, что основа здесь равна корню. Означаемое словоформы *дом* состоит из трех компонентов: значения корня ‘дом’=‘жилище человека’, значения именительного падежа (обозначим его ‘nom’) и значения единственного числа (обозначим его ‘sg’). На все эти три компонента значения приходится только одно означающее, равное означающему корневого морфа. Для того чтобы непротиворечиво постулировать здесь знаковую структуру словоформы, мы должны определить, каково означающее оставшихся двух компонентов. Здесь имеется всего две логические возможности: считать, что значения именительного падежа и единственного числа выражаются тем же означающим, что и значение корневой морфемы, или считать, что у падежного и числового значений имеется отдельное означающее, выраженное значимым отсутствием фонем или нулевой фонемой, которая традиционно обозначается как Ø. Допустим теперь, что логически непротиворечивой является первая трактовка и посмотрим, правильно ли это. Если верно, что сегмент *дом* обозначает компоненты значения ‘nom’ и ‘sg’, то он должен обозначать их во всех контекстах, в которых он появляется, следовательно, и, например, в словоформе *дом⊕ов*. В таком случае означаемое этой словоформы состоит из следующих компонентов значения: ‘дом’, ‘nom’ ‘sg’ ‘gen’ ‘pl’. Из четырех последних компонентов две пары взаимно исключают друг друга, что противоречит правилам построения означаемых языковых единиц. Противоречит это и нашей интуиции. Из этого следует, что мы

почка фонем. Он может, как и сочетание фонем или одна фонема, самостоятельно ничего не обозначать (как, например, чередование д/ж в *ходить/хожу*), а может и служить самостоятельным означающим отдельного языкового знака, как, например, в случае действия оператора мультипликации в сочетаниях *быстро быстро*, *часто часто*, *редко редко*, где он имеет значение ‘очень’. Частотность оператора мультипликации в сочетании, например, с лексемой ЧАСТО в Яндексе — 70 612, с лексемой ЕДВА — 150 000, с лексемой ЧУТЬ — 5 175 864; если же подсчитать, какова частотность этого оператора со всеми лексемами, с которыми он может сочетаться, получится очень внушительная цифра. Следует заметить, что, например, на английский язык подобные сочетания надо переводить как сочетания лексем, а не как сочетания лексемы и оператора. В английском языке **quickly quickly*, **slowly slowly*, **seldom seldom* сказать нельзя, можно только — *very slowly*, *very quickly* и т. д.

Очень частотным оператором в русском языке является оператор перестановки лексем в предложных и именных группах, хотя он используется только в нескольких конструкциях: *часа два* дает 313 000 употреблений, *часа в три* дает 40 000 употреблений. Перестановка здесь также имеет собственное значение — ‘приблизительно’. *Часов около десяти* — порядка двух тысяч. Эти операторы также должны переводиться на английский язык лексическим способом.

Приведу примеры на использование других операторов. Оператор перестановки, который лучше называть оператором упорядочения, в представлении не нуждается, поскольку на нем держится весь синтаксис, в некоторых языках актуальное членение и мно-

---

пришли к противоречивой трактовке. Поскольку их всего две, правильной следует считать вторую. Она, действительно, не находит никаких противоречий. Ноль постулируется в языке в тех случаях, когда выявляется компонент значения, который нельзя отнести ни к какому из имеющих свое эксплицитно выраженное означающее знаков, входящих в словоформу, компонент значения, у которого в принципе есть либо другие (кроме нуля) способы выражения, либо эксплицитный способ выражения есть у элементов значения, с которыми данный находится в отношениях взаимного исключения (если в словоформе есть элемент А в ней не должно быть элемента В и наоборот). Такие отношения А. А. Зализняк в [12] назвал отношениями однородности. В русском языке, например, композиция ‘nom’.‘sg’ обозначается в первом склонении сегментом [А] (мам⊕а/.

гие другие грамматические системы. Ему посвящены тома, только никто его не рассматривает как отдельный тип означающего языкового знака в контексте прочих операторов.

Оператор трансформации: например, растягивание гласного в слоге (*ах та-а-а-ак!*); этот оператор обозначает несколько различных прагматических аспектов коммуникативного акта, например, удивление, угрозу, прилив радостных чувств, только с гласной /а/ этот оператор насчитывает в Яндексе 1 800 000 употреблений, в английском письменном языке, если не считать растягивания гласных в междометиях типа *wo-o-o-ow!* (9 употреблений), или *O-o-o-oh* (21 000), я нашел при беглом просмотре только один пример с растягиванием гласного /е/: *Ste-**eee**-eamboat a-Comin'!* По крайней мере, можно утверждать, что в английском языке этот оператор менее распространен, чем в русском, из чего следует, что переводить его с русского на английский надо также лексическими средствами. Другие типы трансформаций на письме практически не передаются, хотя в устном языке они распространены гораздо больше, чем растягивание гласных: сокращение длительности гласного при увеличении напряженности согласных (агрессивный режим речи), фонации (lax, tense, voice)) и др.

Усечение. Самый распространенный случай использования этого оператора без изменения значения — аббревиация. Этот случай настолько частотен, что его не могли не учесть даже в академических грамматиках, как и случаи неполного усечения основ, например, в диминутивных именах собственных, где действует сложная система операторов (*главковерх*, *командарм*) или в собственных именах *Павел — Паш+а*, где происходит усечение корня до ударного (первого) слога, в результате чего не образуется нового морфа *{Па}: оператор усечения здесь — означающее языкового знака, имеющего свое собственное значение, которое также представляет собой операцию над социальной синтактикой основы — смену социального контекста, в котором можно использовать данное имя собственное, с официального обращения на неофициальное. Для языков, в которых эта информация выражается не сменой имени на неофициальное, а другим способом, необходим отдельный перевод этого оператора. Свидетельством этому является возможность протеста со стороны адресата, который может быть не согласен с тем, что его от-

ношения с адресантом носят именно такой характер. Другой пример, тур. *kı-p-kırmızı* — ‘очень красный’ от *kırmızı* — ‘красный’; здесь действуют три оператора: первый — редупликация (повтор корня), второй — усечение повтора корня до структуры CV первого слога, третий — добавление к полученному согласного из закрытого списка; система операторов такого рода имеет единое значение ‘очень’. Мультипликация (удвоение, утроение и т. д. сегмента, или морфа, или лексемы, а иногда и предложения), например: русские НУ, НУ-НУ (в глубинной записи {REDUP [2] (nu)}), НУ-НУ-НУ-НУ-НУ (в глубинной записи {REDUP [n>2] (nu)}) не имеют друг к другу никакого отношения ни морфологически, ни лексически, ни как-то еще; первое означает ‘продолжи, наконец, делать то, что ты делал’, или ‘начинай, наконец, делать то, что хотел’, второе — ‘ты настаиваешь на том, что ты делал, предупреждаю тебя, последующие события будут для тебя неблагоприятными’, третье — ‘прекрати делать то, что делал’; во втором знаке может быть только два НУ, в третьем — не менее трех, понятно, что в них производится редупликация не морфемы, а сегмента, состоящего из двух фонем; в первом случае может быть повторено НУ несколько раз, но через паузу, с тем же значением, значит это редупликация морфа; означающее полного знака здесь состоит из сегмента и оператора редупликации, отдельного значения сегмент и оператор не имеют; наоборот, в случаях типа ЧАСТО-ЧАСТО, БЫСТРО-БЫСТРО, МЕДЛЕННО-МЕДЛЕННО наречие и оператор редупликации — два отдельных знака. Не буду здесь перечислять всех типов операторов (их всего порядка десяти). Уже из приведенных примеров становится ясным, что знаковая структура линейной цепочки звуков и букв далеко не всегда просто отображает структуру означающего. Операторы, не видимые невооруженным глазом, сильно влияют на эту простоту. Все операторы, имеющие свое значение и, тем самым, представляющие собой отдельный знак, требуют особого перевода и чаще всего переводятся на другой язык отдельной морфемой, лексемой, а то и целым предложением. Из этого следует, что они при обработке текста в каком-то месте анализа должны быть извлечены из линейной структуры означающего и переведены на другой язык. Этого не позволяет сделать примитивная обработка линейной структуры, необходим глубинный уровень, на котором бы все знаки

были представлены эксплицитно. Во многих интегральных системах описания языка используется так называемый глубинный уровень представления означающих. Он нужен и для анализа кумулятивно выраженных языковых единиц типа мегаморфов (например в русском нечленимом сегменте *я* — три глубинных морфемы: лица, числа и падежа, в английском нечленимом сегменте /a:/ — четыре: корень (= be), время, наклонение, число) и т. д.

Операции сильно усложняют картину морфологической структуры и без введения, исследования и выявления типологии и главных механизмов операциональной трансформации словоформ морфология языка не может быть описана адекватно. В настоящем параграфе я постараюсь предварительно описать один из видов операторов, до сих пор остававшийся вне поля зрения исследователей. Я буду называть его далее **рекурсивным оператором изменения таксономического статуса**, сокращенно РОИТС. Рассмотрим его действие на примере словоформы *себялюбивый*. «Русская грамматика» [31, 254] трактует конструкцию основы этой словоформы по аналогии с наиболее распространенной моделью построения композита, в котором как бы на месте флексии $'A_{gen}$ (показателя родительного падежа, выраженного смягчающим $[A_2]$) появляется «профессиональный» коннектор {O}, как в *пароход*, *землепашец* и т. д. Тем самым «Русская грамматика», с одной стороны, приписывает показателю генитива несвойственную ему функцию коннектора, с другой стороны, не видит тождественности механизма образования рассматриваемого композита с композитами типа *пройдисвет*, *держидерево*, *трехдюймовый*, *двухэтажный, какбычегоневышлизм*, *потусторонний*; с третьей стороны, не объясняет, почему в *пароходе* коннектор $\{O_{conn}\}$, в *себялюбивый* — $[A_2]$, в *пройдисвет* — [I], в *трехдюймовом* — $[O_2x]$, в *двухэтажном* — $[U_1x]$, а в последних двух примерах — целый набор разных коннекторов.

Я предлагаю для объяснения всех вышеприведенных примеров только один механизм, который, кстати сказать, действует не только в композитах, но и при построении однокорневых основ, а именно сложный оператор, упомянутый выше, а именно РОИТС. РОИТС — упорядоченная комбинация операторов, первый из которых на исходном сло-

восочетании, или целом предложении выстраивает порядок, такой, чтобы главный элемент языковой единицы был в конце (например, *любит себя* → *себя любит*; правило не касается императивных конструкций), второй — отмечает границы будущей словообразовательной базы, обычно отсекая какую-то часть (чаще всего, флексию) — далее я эти границы буду отмечать квадратными скобками (например, [*с+еб⊕я##люб*], [*держ⊕и##дерев*], [*тр⊕'о+х##дюйм*], [*дв⊕у⊕х##этаж*], [*к+ак#бы##ч⊕его##не#вы+ш⊕л*], [*по#т⊕у##сторон*]), саму операцию постановки скобок (установления границ действия оператора) я буду называть **оклублением**[4] — далее, выражение в скобках понижается в ранге: из словосочетания оно как целое преобразуется в словообразовательную базу, к которой могут присоединяться как словообразовательные, так и словоизменительные аффиксы; третий оператор приписывает базе синтактику (частеречную характеристику, тип флексий, который может с ней сочетаться и т. д.). Синтаксические отношения между главным и зависимым членами группы внутри скобки остаются оформленными средствами лексического синтаксиса, синтаксические отношения между скобкой и прочими морфемами словоформы оформлены морфологическими средствами. Полученные таким образом словообразовательные базы могут сочетаться с различными деривативными аффиксами, ср. [*с+еб⊕я##люб]+ец*, [*с+еб⊕я##люб]+ив⊕ый,* [*с+еб⊕я##люб]+ij⊕е*. Приведу несколько других примеров, в которых используется РОИТС.

Большую и довольно регулярную группу случаев представляют собой рекурсивные операции над предложными группами: [*вне##зем*]*ли* → *[вне##зем]+н⊕ой*, [*вне##город]⊕а* → [*вне##город]+ск⊕ой*, [*внутри##атом*]*⊕а* → [*внутри##атом*]+ *н⊕ый*. Таким же образом синтезируются сложные словоформы типа *меж##американский*, *меж-*

---

[4] Термин происходит из предложенных в 1975 г. математиками В. Б. Борщевым и М. В. Хомяковым терминов «клуб» и «клубная система» (см. [6]). Авторы указанной статьи разработали формальный аппарат для описания графов, в которых узлы могут представлять собой автономную субструктуру, такие узлы и называются клубами по аналогии с элементами структуры английского клуба, членом которого могли быть не только отдельные люди, но и организации.

ду##народный, *между##глазье*, *около##земный*, *около##плодный*, *около##сердечный*, *после##военный*, *после##обеденный*, *бес#плодие*, *под#ножие*, *бес#союзие*, *без#началие*, *между##началие*, *бес#силие*, *без#волие*, *бес#смыслие*, *двух##холмие*, *двое##мужие*, *бес#хлебье*, *над#лобье*, *без#рыбье*, *под#головье*, *над#бровье*, *меж#бровье*, *без#водье*, *без#дождье*, *без#людье*, *между##рядье*, *без#денежье*, *бес#снежье*, *без#дорожье*, *под#стожье*, *под#глазье*, *между##глазье*, *пред#грозье*, *без#делье*, *под#земелье*, *за#полье*, *пред#полье*, *под#полье*, *семи##полье*, *шести##полье*, *за#столье*, *под#столье*, *за#зимье*, *без#думье*, *под#степье*, *на#дворье*, *на#горье*, *под#горье*, *у#горье*, *за#полярье*, *под#небесье*, *за#лесье*, *под#лесье*, *под#персье*, *над#хвостье*, *бес#путица*, *между##путье*, *за#плечье*, *за#плечный*, *пред#плечье*, *за#печье*, *за#речье*, *между##речье*, *за#мужество*, *за#дворки*.

Согласованная именная группа в родительном падеже *с⊕его##дн⊕я* преобразуется рекурсивным оператором в простую основу без отсечения флексии: [*с⊕его##дн⊕я*]. Эта словообразовательная база может выступать в виде основы изолированно, превращаясь из двух в одно простое акцентное слово, с измененной, теперь адвербиальной синтактикой. А может выступать в виде словообразовательной базы, к которой может быть присоединен деривативный суффикс, образующий адъективную основу — [*с⊕его##дн⊕я*]+*шн⊕ий*, как это бывает и с другими наречными основами (*тогда+шн⊕ий*, *вчера+шн⊕ий*, *ноне+шн⊕ий*, *зря+шн⊕ый* и др. Обратную ситуацию представляют случаи, когда РОИТС преобразует синтактику наречий в именную. Предлоги могут сочетаться только с существительными, сочетания предлогов с адвербиальными словоформами можно объяснить только изменением их синтактики, а преобразование синтактики наречия в субстантивную синтактику — только результатом действия РОИТСа. Так получаются сочетания типа *до#*[*туда*], *от#*[*туда*], *до#*[*сюда*], *от#*[*сюда*], *по#*[*ныне*], *от#*[*ныне*], *до#*[*ныне*], *от#*[*куда*], *до#*[*куда*], *ото#*[*всюду*], *до#*[*нельзя*] и др.

Словоформы типа *ахать*, *охать*, *экать*, *мекать*, *акать*, *выкать* кажутся построенными по обычной схеме грамматического слова: корень+деривативный суф-

фикс+флексия. На самом деле, это иллюзия. Если мы присмотримся, например, к словоформе *выкать*, то увидим, что *вы* — это не корень, а словоформа именительного падежа единственного числа, которую можно разделить на два морфа: В — морф со значением второго лица и Ы — показатель мн. ч., как в *стол+ы*, [А] в *акать* — это не корень и вообще не морф, здесь имеется в виду даже не фонема [А], по МФШ, а ее аллофон фонемы. Все эти случаи объединяются тем, что вместо корня здесь стоит цитата, преобразованная рекурсивным оператором изменения таксономического статуса в словообразовательную базу: [*ох*]+ *а⊕ть* — произносить «ох» (это междометие образует отдельное предложение, у которого нет свободных валентностей, валентность у всей основы появляется из семантики суффикса {А}), [*в⊕ы*]+*к⊕а⊕ть* – обращаться на «вы», [*а*]+*к⊕а⊕ть* — произносить \а\ в безударных слогах, [э]+*к⊕а⊕ть* и [*ме*]+*к⊕а⊕ть* – вставлять в речь паразитические «э-э-э», «м-м-м».

Итак, в предыдущих параграфах я показал, насколько далеко от истинного положения дел отстоит принцип определения границ грамматического слова по пробелам, правила расстановки которых устанавливаются орфографическими комиссиями. Необходимо специальное исследование, в котором можно было бы выявить все случаи расхождения единиц, выделяемых, с одной стороны, пробелами, с другой стороны, содержательными правилами, определяющими, где, на самом деле, проходит эти границы. Особо следует отметить и тот факт, что без учета действия РОИТС, невозможно объяснить и многочисленные нарушения постулата А. А. Зализняка, по которому однородные элементы значения не встречаются в одной и той же словоформе; например, в словоформе [*в⊕ы*]+*к+ани⊕е* мы имеем две граммемы именительного падежа и полный набор граммем числа — единственное и множественное, в словоформе [*с+еб⊕я##люб*]+*ıj⊕ем* в одной словоформе встречаются граммемы аккузатива и номинатива и две граммемы единственного числа.

Этим параграфом я, практически, на полуслове заканчиваю первую часть своих замечаний на полях выдающейся работы А. А. Зализняка «Русское именное словоизме-

нение». Следующая часть будет посвящена понятиям «акцентуированная словоформа», «грамматическая категория», «граммема», «грамматическая морфема», «грамматический разряд», «семантическая часть речи».

Литература

1. Бадж У. Путешествие души в царстве мертвых (Египетская Книга Мертвых). М.: Изд-во Царева В. П., 2000.
2. Барулин А. Н. Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы. Дисс. канд. филол. наук. М.: Институт востоковедения АН СССР, 1984.
3. Барулин А. Н. Типы семантико-синтаксической организации словоформы и распределение их по частям речи // Части речи. Теория и типология. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990, с. 51—76.
4. Барулин А. Н., Кононов А. Н. Теоретические проблемы турецкой грамматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. М.: Прогресс, 1987, с. 5—36.
5. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
6. Борщев В. Б., Хомяков М. В. Клубные системы. Научно-техническая информация. Серия 2, № 8, 1976.
7. Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
8. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.
9. Дьяконов И. М. Вавилонская филология (III—I тыс. до н. э.) // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980, с. 17—37.
10. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып 1. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960, с. 264—389
11. Жинкин Н. И. Язык — речь — творчество (Избранные труды). М.: Лабиринт, 1998.
12. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

13. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Русский язык, 1980.

14. Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

15. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение с приложением работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002.

16. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.

17. Зализняк А. А. Труды по акцентологии. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2010.

18. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 1. Братислава: Издательство Словацкой академии наук, 1965.

19. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава: Издательство Словацкой академии наук, 1960.

20. Исаченко А. В. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных // Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 61—93.

21. Катенина Т. Е., Рудой В. И. Лингвистические знания в Древней Индии // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980, с. 66—92.

22. Коростовцев М. А. Писцы Древнего Египта. СПб.: Журнал «Нева»; «Летний Сад», 2001.

23. Крылов С. А. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка тридцать лет спустя: опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение с приложением работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002, с. 699—748.

24. Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. М., Республика, 1998.

25. Мельчук И. А. О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках // Вопросы языкознания 1963, № 4, с. 27—40.

26. Мельчук И. А. Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) // Семиотика и информатика. Вып. 6. М.: Изд-во ВИНИТИ. 1975, с. 5—50.

27. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 1. Москва — Вена: Языки русской культуры, Wiener slawistischer Almanach, Издательская группа «Прогресс», 1997.

28. Мельчук И. А., Иорданская Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре. М., Языки славянских культур, 2007.

29. Перельмутер И. А. Греческие мыслители V в. до н. э. // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980, с. 110—130.

30. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

31. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.

32. Троцкий И. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля. М. — Л.: Огиз — Соцэкгиз, 1936, с. 7—30.

33. Циммерлинг А. В. Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. № 4. 2012, с. 3—38.

34. Шубик С. А. Языкознание древнего Рима // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука. 1980, с. 233—256.

35. Aikhenvald, A. Y. Typological parameters for the study of clitics, with special reference to Tariana // Dixon, R.M.W. & Aikhenvald, A. Y. (eds.), Word: a cross-linguistic typology. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, pp. 42–78.

36. Anderson, S. Aspects of the theory of clitics. Oxford: Oxford University Press, 2005.

37. Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. Roman transliteration and English translation by Sumitra M. Katre. Delhi: Motilal Banarsidass, 1987.

38. Isačenko A. V. Russische Sprache der Gegenwart. T. 1. Formenlehre. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1962.

К. В. Бахнян (Институт Языкознания РАН)

K. V. Bachnian (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Измерение динамики языковой ситуации в Карпатском конвергентном лингвистическом ареале

Measuring dynamics of the linguistic situation in the Carpathians convergent linguistic area

Аннотация

В статье приводится социолингвистическое обоснование динамики языковых ситуаций в контексте Карпатского конвергентно-дивергентного лингвистического ареала.

The article deals with the sociolinguistic foundations of the dynamics of the linguistic situation in the Carpathian convergent-divergent linguistic area.

Ключевые слова

Социолингвистика, языковые контакты, конвергенция и дивергенция языка, балкано-карпатский ареал, карпатизмы, языковая интерференция

Sociolinguistics, language contacts, linguistic convergence and divergence, Balkans-Carpathian area, special Carpathian features, linguistic interference

Теория языковых контактов, как в отечественной, так и в зарубежной социолингвистике, позволила разработать теоретические принципы исследования языковой ситуации в междисциплинарном научном контексте. Однако в лингвистических исследованиях, посвященных вопросам языкового контактирования, продолжают существовать не только противоречивые, но и диаметрально противоположные суждения о том, какие языковые явления следует включать в понятия «языковые контакты», «языковая ситуация», каковы типы языковых контактов, межъязыковых отношений и какова измерительная динамика их лингвистической интерференции.

Карпатский лингвистический ареал представляет собой обширный языковой континуум, объединяющий языки и диалекты многочисленных народов и этносов, населяющих территорию от южной Польши по Драве, среднее и нижнее течение Дуная и от Моравы по течению Днестра. Данный лингвистический ареал специалисты называют еще Карпато-Дунайским или Карпато-Балканским языковым ареалом, языковым союзом или ареальной лингвистической зоной. Как показывают исследования данного ареала, мы находим здесь многочисленные общие лингвистические элементы и структурные модели, как в плане содержания, так и в плане выражения на всех языковых уровнях. Языковые элементы всех уровней в Карпатском конвергентном лингвистическом ареале определяются термином «карпатизмы», что и способствовало зарождению новой научной дисциплины — «карпатского языкознания».

Развитие, изменение и функционирование языков и диалектов народов, населяющих Карпатский лингвистический ареал, обеспечивается достаточно сложным механизмом взаимодействия как внутренних и внешних, так и конвергентных и дивергентных лингвистических факторов. Первостепенная роль в этом конвергентно-дивергентном процессе принадлежит лингвистической интерференции как результату языковых контактов. Характерно, что в настоящее время исследования в области языковых ситуаций (интерференции, межъязыковых отношений, взаимодействия и контактирования языков) занимают одно из престижных мест не только в области социолингвистики, но и общего языкознания, становясь одной из центральных исследовательских проблем современной лингвистической науки.

Следует отметить, что в истории языкознания были попытки сузить понятие «языковых контактов» до представлений о «языковом субстрате». Некоторые лингвисты давали понятию «языковые контакты» более широкое толкование, включая в него различные языковые связи на разных лингвистических уровнях, установившиеся как между генеалогически родственными и типологически близкими, так и неродственными, типологически отдаленными языками и диалектами. Более широкое толкование понятия «языковые контакты», по нашему мнению, полнее всего отражает многообразие межъ-

языковых отношений, тем более, если речь идет о классификации типов языковых контактов. При этом следует учитывать как экстралингвистические (Б. А. Серебренников [21], Ю. А. Жлуктенко [19]), так и интралингвистические (В. М. Русановский, К. К. Целуйко [19], А. М. Рот [18] и др.) факторы. Поскольку в иерархии факторов конвергенции языка в Карпатском ареале особое место занимают межъязыковые взаимоотношения, то и классификация типов языковых контактов должна осуществляться по нескольким социолингвистическим критериям.

Сравнительно-историческое языкознание признаёт знаковую природу языка и закономерный характер языковых изменений и обнаруживает в ряде языков внутрисистемные соответствия и, таким образом, приходит к необходимости признать такие языки генетически родственными, возникшими путем дивергенции общего праязыка (например, латинского языка). Такая интерпретация научно подтверждается и тем, что историческое изучение данной проблемы выявляет в родственных языках больше схождений (конвергенций) в прошлом, чем в настоящее время. Это ещё раз подтверждает концепцию, утверждающую, что в развитии современных языков имел место процесс дивергенции. Поэтому процессы дивергенции и конвергенции в развитии и функционировании современных языков не могут смешиваться, поскольку они имеют диалектически противоположную направленность, различное содержание и приводят к разным результатам. Таким образом, при дивергенции различия в языках со временем увеличиваются, а при конвергенции, наоборот, уменьшаются. Дивергенция охватывает самые глубинные сферы языкового материала (фонетику, лексику, грамматику), в то время как конвергенция затрагивает, прежде всего, периферийные слои языка, лишь затем, в зависимости от экстралингвистической ситуации, проникая глубже. Следовательно, дивергенция основывается на генетическом родстве, а конвергенция же приводит к созданию вторичных сходств в языках независимо от их происхождения.

Исследуя проблемы балканского языкового субстрата, В. Г. Георгиев [10] выдвинул тезис о том, что, по существу, речь идет не об одном субстрате, а о двух, поскольку дако-мизийский и фракийский были хотя и близкородственными, но разными языками.

Этот тезис был поддержан Ч. Погирком [32], А. Врачу [35] и др. Однако И. И. Руссу [34] и Г. Ивэнеску [28] восприняли этот тезис с большими оговорками, хотя были вынуждены признать, что существовали диалектные различия между гето-дакским севера и фракийским, функционирующим на юге Карпатского лингвистического ареала. Следовательно, дако-мизийский и фракийский языки или диалекты, функционировавшие на территории Балкан, проникли и в Центральную Европу, в том числе, и на территории Словакии, южной Польши, западной Украины, входящие в Карпатский лингвистический ареал.

Таким образом, можно предполагать, что в языках и диалектах Карпатского лингвистического ареала мы имеем дело с языковой интерференцией дако-мизийского, фракийского и других субстратов. По мнению А. М. Рота [18, 19], целесообразно эти субстраты называть просто карпатско-балканскими языковыми субстратами, являющимися частью карпатско-балканской макроизоглоссы. Наличие или отсутствие общего языкового субстрата, полагает Рот, не является единственным фактором, решающим существование языкового союза, поскольку в образование языкового союза включаются и многосторонние языковые контакты, и координативные подтипы билингвизма и мультилингвизма, которые и характеризуют языковую интерференцию и языковую ситуацию Карпатского лингвистического ареала. Следовательно, даже если Карпатский лингвистический континуум и входил в состав балканского языкового союза, он был его северной, автономной периферией.

Социолингвистические критерии позволяют определить, локализовать и описать межъязыковые отношения на территории Карпатского лингвистического ареала, что обосновывает измерение языковой ситуации по следующим типам: 1) внутренние языковые контакты, которые могут быть: а) маргинальными (пограничными), обеспечивающими непосредственные межъязыковые отношения лишь на незначительной глубине территории смежных языков и диалектов; б) интеррегиональными, обеспечивающими непосредственные межъязыковые отношения на всю глубину территории смежных языков и диалектов; 2) внешние языковые контакты, которые могут быть только немаргинальными.

Таким образом, указанные социолингвистические критерии позволяют установить продолжительность и интенсивность межъязыковых отношений, которые делятся на множество типов и подтипов: 1) перманентные языковые контакты, обеспечивающие долговременные, систематические и интенсивные связи между языками и диалектами разных этнических групп; 2) окказиональные языковые контакты, представляющие собой случайные или временные связи между языками и диалектами разных этнических групп. Социолингвистические критерии способствуют также прояснению тех ситуаций, при которых устанавливаются конкретные языковые взаимосвязи между естественными и искусственными языковыми контактами.

Исследование проблем межъязыковых отношений в социолингвистическом аспекте предполагает в основном изучение явлений естественных языковых ситуаций. Однако только экстралингвистические критерии не позволяют заглянуть внутрь межъязыковых отношений и изучить особенности процесса влияния так называемого «механизма конвергентного развития языковых контактов» взаимодействующих языков и диалектов, измерить динамику языковой интерференции и установить ее типы. Это вызвано тем, что социолингвистические критерии данной проблемы разработаны недостаточно.

В специальной литературе, посвящённой изучению языковых контактов, мы встречаем множество противоречивых взглядов, диаметрально противоположных выводов, что препятствует изучению вопросов, связанных с динамикой языковой ситуации, структурных уровней и типов языковых контактов, определением механизма конвергентного развития, изменения и функционирования языков в исследуемом нами Карпатском лингвистическом ареале.

Социолингвистический анализ языковых контактов Карпатского лингвистического ареала позволяет определить и описать следующие типы билингвизма: 1) болгарско-румынский, болгарско-венгерский; 2) венгерско-румынский, венгерско-немецкий, венгерско-словацкий, венгерско-сербский, венгерско-украинский; 3) немецко-румынский, немецко-венгерский, немецко-польский, немецко-сербский, немецко-словацкий, немецко-украинский; 4) польско-румынский, польско-словацкий, польско-украинский; 5) ру-

мынско-сербский, румынско-венгерский, румынско-немецкий, румынско-польский, румынско-украинский; 6) сербско-румынский, сербско-венгерский, сербско-немецкий; 7) словацко-румынский, словацко-венгерский, словацко-немецкий, словацко-польский, словацко-украинский; 8) украинско-румынский, украинско-венгерский, украинско-польский, украинско-словацкий.

Подтипы билингвизма могут быть следующие: 1) языковая интерференция между двуязычием индивида и двуязычием этнической группы (например, венгерско-румынский билингвизм села Бокша, Румыния); 2) языковая интерференция между двуязычием двух этнических групп (например, билингвизм немецкого и словацкого населения с. Хмельница, Чехия). Каждый из двух подтипов билингвизма характеризуется и особенностями динамики результатов языковой интерференции. Наиболее интенсивной динамикой обладает второй подтип билингвизма, а ряд экстралингвистических факторов способствует углублению и приумножению языковой интерференции данного подтипа на протяжении многих столетий.

На динамику языковой ситуации типов и подтипов двуязычия и многоязычия народов и этнических групп Карпатского лингвистического ареала влияют также факторы, связанные с физической географией, например, характер местности (гористая, равнинная), а также связанная с ними интенсивность языковых контактов и социально-экономические факторы. По-разному воздействуют на динамику языковой ситуации подтипов двуязычия взаимодействие этнических групп, проживающих на границе языковых ареалов (маргинальные языковые контакты, например, украинско-румынский билингвизм с. Мариция, Румыния), или этнической группы, являющейся островом в «чужом» языковом ареале (интеррегиональные языковые контакты, например, немецко-украинский билингвизм с. Усть-Черная, Украина).

Значительным фактором, оказавшим действенное влияние на интенсивность языковой ситуации в Карпатском лингвистическом ареале, являются культурно-исторические и религиозные связи народов ареала. На протяжении многих веков совместной жизни народы Карпатского ареала всех национальностей постоянно обменива-

лись духовным богатством своих культур, следы чего мы находим в фольклоре, народной музыке, танцах, зодчестве, национальной одежде, а также в книжно-литературной форме билингвизма.

Следует подчеркнуть, что в историческом прошлом довольно сильное влияние на все типы и подтипы языковых контактов в Карпатском лингвистическом ареале оказывал религиозный фактор. Помимо непосредственного воздействия на языковую практику населения, церковь, игравшая важную роль в формировании мировоззрения контактирующих народов, использовала и психологический фактор. Активность экстралингвистических факторов способствовала еще большей дифференциации результатов динамики функционирования всех подтипов языковых контактов. Многосторонние языковые контакты народов Карпатского лингвистического ареала, интенсивность динамики их лингвистической интерференции способствовали формированию их многоязычия.

Лингвистическая интерференция в ситуации многоязычия способствует более интенсивной выработке общих конвергентных «карпатских» черт у взаимодействующих языков и диалектов исследуемого языкового континуума, иногда приводя к значительному взаимоупрощению их структурных различий. Как показывают наблюдения некоторых специалистов, у большинства типов и подтипов многоязычия народов Карпатского ареала в переключении с одного языка на другой основную роль играют факторы социолингвистической и психолингвистической ситуации, стремление говорящих актуализировать свою речь, приблизить ее к языку слушателя, но и сохранить черты языка «оригинала».

Исследования в области карпатского языкознания последних десятилетий XX в. помогли глубже изучить «механизм» образования и характер функционирования карпатизмов, а также установить некоторую динамику развития и взаимодействия румынского, болгарского, венгерского, немецкого, польского, словацкого, украинского языков, функционирующих в Карпатском лингвистическом ареале. Теории языкового субстрата, языкового союза и языковой интерференции были разработаны известными лингвистами разных стран (В. И. Абаев, С. Б. Бернштейн, Р. А. Будагов, В. М Жирмунский, Э. А. Макаев, А. Вашек, З. Голомб, П. Папахажи, В. Пизани, К. Й. Сандфельд, Б. А. Серебренни-

ков, П. Скок, О. Н. Трубачев, П. Хайду и др.). Однако они всесторонне изучали лишь динамику языковой интерференции балканского субстрата и балканского языкового союза.

Социолингвистические процессы конвергентного развития, отражающие общие экономические, исторические, этнографические и географические факторы, а также длительное многостороннее взаимодействие языков и диалектов способствовали развитию основных типов языковых контактов. Именно эти факторы воздействовали на языковую ситуацию и языковую систему взаимодействующих языков и диалектов, на образование карпатизмов в контексте материальной и духовной культуры народов, населяющих современный Карпатский конвергентный лингвистический ареал.

Научный интерес представляет анализ карпатизмов на лексическом и этимологическом уровне, что непосредственно связано с языковыми заимствованиями каждого из языков исследуемого ареала. Благодаря многосторонним языковым контактам источником многих лексических заимствований (карпатизмов), вероятно, стал не один контактирующий язык или диалект, а несколько или все. Следовательно, все языки и диалекты Карпатского лингвистического ареала были первоначально источниками заимствования, интерференции и образования карпатизмов.

Свидетельством билатеральных и многосторонних языковых контактов Карпатского лингвистического ареала являются семантические кальки-карпатизмы, составляющие различные лексико-семантические микроструктуры, в которых также доминирует лексика социального образа жизни (горного пастушества). Лексические «карпатизмы» охватывают также терминологию жилищного строительства, скотоводства и пастушества, религиозных, национальных обрядов и одежды.

Интересное ономасиологическое и этнографическое исследование терминологии составных частей румынского национального костюма в сравнении с соответствующей терминологией народов Юго-Восточной Европы осуществила З. Михаил [30]. Основывая исследование терминологии румынской народной одежды на методе лингвистической геологии, она выявляет критерии, которыми пользовались носители языка в процессе номинации, что дает возможность проследить семантическое развитие терминов и заим-

ствованной лексики. Каждый термин анализируется с точки зрения его происхождения, хронологии и ареала. При этом учитываются лингвистические, исторические и этнографические факторы в широком социокультурном и этнолингвистическом контексте Карпатского лингвистического ареала.

Сравнительно-сопоставительный анализ терминологии одежды в румынском языке и в языках Юго-Восточной Европы показал, что румынские этнографические реалии имеют не только автохтонную, латинскую основу в наименовании основных частей одежды, но также используют славянские, германские, болгарские, венгерские и турецкие заимствования. Более поздние термины, заимствованные из соседних языков, используются в зависимости от территории распространения и интенсивности языковых контактов. К категории терминов различного происхождения относятся заимствования из: а) древне-южнославянских языков, например, *ciupag* 'воротник', *cojoc* 'кожух', *izmene* 'кальсоны', *nădragi* 'брюки, штаны', *rufă* 'белье, тряпье' и др.; б) болгарского — *broboadă* 'шаль, платок', *zăvelcă* 'одна из двух половин фаты — крестьянской юбки' и др.; в) украинского — *burcă* 'овечий тулуп', *caţaveică* 'кацавейка', *pestelcă* 'передник, фартук' и др.; г) польского — *dolman* 'доломан', *manta* 'шинель', *şubă* 'шуба' и др.; д) турецкого — *aba* 'грубая шерстяная ткань' и др.; е) немецкого — *laibăr* 'безрукавка', *şorţ* 'передник, фартук' и др.; ж) венгерского — *cizmă* 'сапог', *clop* 'шляпа', *ţundră* 'серьмяга, зипун' и др. Лингвостатистический анализ показал, что ряд терминов собственно румынского происхождения был заимствован языками соседних народов, в частности, болгарами, сербами, хорватами, венграми, украинцами и др.

Анализируя лингвистические особенности карпатизмов-калек (полукалек), А. М. Рот [18, 44] приходит к выводу, что в их быстром лексическом усвоении играет роль целый ряд моментов, и, в первую очередь, факт выражения важных жизненных понятий. Он утверждает, что языковая интерференция билатеральных и многосторонних контактов языков и диалектов Карпатского ареала не подавляет, а ведет к развертыванию и совершенствованию собственных ресурсов заимствующего языка. Карпатизмы-кальки не нарушили национальную специфику контактирующих в Карпатском лингвистическом

ареале языков и диалектов. Интенсивность многосторонних контактов языков исследуемого ареала наблюдается также на фонетическом, морфологическом, семантическом, синтаксическом уровне вплоть до карпатизмов структурно-типологического характера. Например, под влиянием языковой интерференции наблюдаются некоторые изменения и выравнивание в консонантизме карпатизмов, особенно при корреляции долгих и кратких согласных; этот процесс наблюдается в украинско-румынском консонантизме, а палатализация согласных венгерского языка усилила процесс палатализации в румынском языке.

Языковые изменения наблюдаются также и в области вокализма карпатских языков. Имеет место взаимное выравнивание в их артикуляции, например, частичная лабиализация гласных заднего ряда в румынском, венгерском, болгарском, словацком, немецком и украинском языках (например, укр. *газда*, нем. диал. *laden*, рум. *face*, болг. диал. *marka*, словац. диал. *kacka*, венг. диал. *hamar*). Наблюдаются и некоторые акцентологические изменения, особенно в словах, функционирующих в пограничных ареалах. Это усиление функции ударения и некоторое ослабление действия гармонии гласных в карпатских диалектах венгерского языка, а также некоторое общее ослабление ударения и появление новых типов акцентуации в карпатских диалектах румынского, украинского, немецкого, болгарского, словацкого и польского языков.

На уровне морфологии, при интенсивной языковой интерференции маргинального и интеррегионального типа и частичном билингвизме наблюдаются карпатизмы со следующими изменениями: флексия *-о* (звательной формы) заимствуется из украинского в румынский язык и его диалекты, а также отдельные карпатские диалекты венгерского и болгарского языков (например, укр. *невісто! дівко!* рум. nevasto! *drăguţo!* венг. диал. *jányo! asszonyo!* болг. *майко!*).

Особый научный интерес вызывает измерение динамики языковой ситуации двуязычия и многоязычия народов и этнических групп Карпатского лингвистического ареала. Более обоснованной и полной является классификация языковых контактов, данная на основе социолингвистических принципов и представляющая научный, общественный и

практический интерес. Прогресс в развитии и функционировании языка связан со следующими типами языковых изменений: обогащение лексики, упорядочение грамматического строя, стабилизация системных отношений и устранение исключений, переход от конкретных категорий к более абстрактным, как в лексике, так и в грамматике, семантике, терминологии и др.

При определении основных типов и подтипов билингвизма в Карпатском конвергентном лингвистическом ареале необходимо исходить из типологии языкового состояния ареала, поскольку большинство типов двуязычия народов и этнических групп, населяющих огромную территорию ареала, выросло из многовековых (более тысячи лет) перманентных маргинальных и интеррегиональных языковых контактов. Следовательно, социолингвистические факторы, воздействующие на переключение кода в ситуации двуязычия и многоязычия, обусловлены функциональными ограничениями или предпочтениями многоязычных носителей, принадлежащих к народам и этническим группам Карпатского конвергентного лингвистического ареала.

Литература

1. Абаев В. И. Язык и история // Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968, с. 35—49.

2. Байчура У. Ш. О некоторых факторах языкового развития // Проблемы языкознания: Тез. докл. М., 1967, с. 102—106.

3. Бахнян К. В. Теория конвергенции развития и языковые изменения // Человек в зеркале языка: Вопросы теории и практики. М., 2002, с. 185—202.

4. Бернштейн С. Б. Интерференция языков Карпатского ареала. М., 1974.

5. Бернштейн С. Б. Проблемы карпатского языкознания // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, с. 12—13.

6. Будагов Р. А. Взаимодействие языков // Будагов Р. А. Введение в науку о языке. 2-е изд. М., 1965, с. 433—440.

7. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / Пер. с англ. Киев, 1979.

8. Взаимодействие языков и проблемы его изучения: Сб. науч. тр. / Редкол.: Баранникова Л.И. (отв. ред.) и др. Элиста, 1985.

9. Георгиев В. К вопросу о балканском языковом союзе // Новое в лингвистике. Вып.6. М., 1972, с. 398—418.

10. Двуязычие и взаимодействие языков / Редкол.: Михайлов М. М. (отв. ред.) и др. Чебоксары, 1990.

11. Жлуктенко Ю. О. Мовні контакти: Проблеми інтерференції. Київ, 1966.

12. Журавлев В. К. Языковые изменения, обусловленные экономическими и социальными процессами // Развитие языковой жизни стран социалистического содружества. Прага, 1987, с. 352—360.

13. Ильяшенко Т. П. Языковые контакты: (На материале славяно-молдавских отношений). М., 1970.

14. Конвергенция контактирующих языков // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972, с. 277—512.

15. Мельничук А. С. Язык как развивающаяся реальная система // Диалектика развития языка: тез. докл. М., 1980, с. 4—18.

16. Пизани В. К индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания. № 4, 1966, с. 3—21.

17. Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.

18. Рот А. М. Особенности взаимодействия языков и диалектов Карпатского ареала. Ужгород, 1973.

19. Русанівський В. М., Цилуйко К. К. Типи мовних контактів і методи їх вивчення // Методологічні питання мовознавства. Київ, 1966, с. 134—145.

20. Семчінський С. В. Семантична інтерференція мов: на материалі слов’яносхіднороманських мовних контактів. Київ, 1974.

21. Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

22. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.

23. Этническая история восточных романцев: древность и средние века / Отв. ред. Королюк В. Д. М., 1979.

24. Языковые ситуации и взаимодействие языков / Отв. ред. Жлуктенко Ю. А. Киев, 1989.

25. Asenova, P. Linguistic type and linguistic convergence // Съпоставително езикознание. Г. 17, № 3. София, 1992, p. 11—16.

26. Cazacu B. Un aspect al cercetării interdisciplinare: socioligvistica // Fonetică şi dialectologie. V. 8. Buc., 1973, p. 11—18.

27. Havranek B. Au sujet du caractère et de l'ancienneté de l'évolution convergente des langues balcaniques // Les études balcaniques tchécoslovaques. 2. Prague, 1967, p. 5—10.

28. Ivănescu Gh. Teoria lui Vladimir Georgiev despre limba traco-dacă // Analele Univ. Timişoara. Filologie. № 2. Timişoara, 1964, p. 255—258.

29. Jordan J. Bilingvism in domeniul romanic // Studii si cercetări lingvistice. A.24, № 2. Buc., 1973, p. 129—137.

30. Mihail Z. Terminologia portului popular românesc în perspectivă Sud-Est Europeană. Buc., 1979.

31. Petrovici E. Despre uniunile lingvistice: Limbile balcanice şi limbile vest-europene // Romanoslavica. V. 14. Buc., 1967, p. 5—11.

32. Poghirc C. Considerations linguistiques sur l'ethnogenese paleobalkanique // Revue des études sud-est europenne. V. 14, № 2. Bucarest, 197, p. 207— 220.

33. Rosetti Al. Influenţa limbilor slave meridionale asupra limbii române: (sec. VI—XII). Buc., 1953.

34. Russu I. I. Etnogeneza românilor: Fondul autohton traco-dacic şi componenţa latino-romanică. Buc., 1981.

35. Vraciu A. Limba română şi limbile balcanice: Problema substantivului // Actele celui de al XII-lea Congres intern. de lingvistică şi filologie romanică. V. 2. Buc., 1971, p. 965—973.

Н. В. Васильева (Институт языкознания РАН)

N.V. Vasilyeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Эрика: ономастический этюд

Erika: onomastic notes

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты функционирования женского антропонима *Эрика* в немецкой лингвокультуре. Приводятся статистические сведения о распространении этого имени в Германии в XX в. Далее анализируется текст песни-марша «Эрика», в котором это имя выступает как носитель приема, усиливающего суггестию текста. В заключительной части с точки зрения психоономастики рассматриваются тексты-рефлексивы на имя-стимул *Эрика*, отражающие мнение сегодняшнего молодого поколения немцев.

The paper deals with some aspects of functioning of the female anthroponym *Erika* in German. First, the statistical data on distribution of this personal name in Germany in the XX century is given. Second, the text of the marching song «Erika» is analyzed, in which the name appears as a specific device, enhancing the suggestive power of the text. Finally, the reactions to the onymic stimulus *Erika* are considered from the psychoonomastic point of view, reflecting the opinion of the current young generation of Germans.

Ключевые слова

Антропоним, антропонимическая хронология, суггестия имени, антропонимическая рефлексия, психоономастика

Anthroponym, anthroponymic chronology, suggestive effect of the name, anthroponymic reflection, psychoonomastics

В истории филологии известны примеры, когда личные имена становились темой научных монографий. Достаточно назвать труд А. Б. Пеньковского «Нина» [13] и книгу

Е. В. Душечкиной «Светлана» [11], которые вышли далеко за пределы ономастической проблематики и стали заметным явлением в истории культуры. В настоящей статье мы обратимся к жанру ономастического этюда, который, с одной стороны, предполагает гораздо меньший формат исследования, а с другой стороны, дает возможность свободного выбора тех аспектов, которые предполагается осветить. Поводом обратиться к немецкому женскому антропониму *Эрика* стал текст песни-марша «Erika», музыку и слова которого написал немецкий композитор Хермс Ниль (Herms Niel) (1888—1954) [26], специализировавшийся именно на маршах и создавший помимо «Эрики» еще множество других маршей, популярных в Германии во времена национал-социализма, см. подробнее [5]. В качестве «вертикального контекста», предваряющего анализ текста марша, предлагаются сведения о частотности имени в XX веке (антропонимическая хронология). В завершение будут рассмотрены так называемые тексты-рефлексивы на имя-стимул *Эрика*, принадлежащие молодым носительницам этого имени (о рефлексивах в этом значении термина см. [3]). Выбор такого формата описания призван объединить — пусть пока в рамках заявленного жанра ономастического этюда — несколько ономастических направлений: «имя-в-тексте», социоономастику и психоономастику.

Немецкие ономатологи, отслеживающие частотность и распространность антропонимов по годам, отмечают, что немецкое мужское личное имя *Erich*, распространенное в Германии в XIX в., в XX в. совсем было сдало свои позиции, но вдруг неожиданно возродилось в конце 1990-х гг. в форме *Erik*: в 1996 г., например, по частотности называний новорожденных оно занимало 10 место [22, 51].

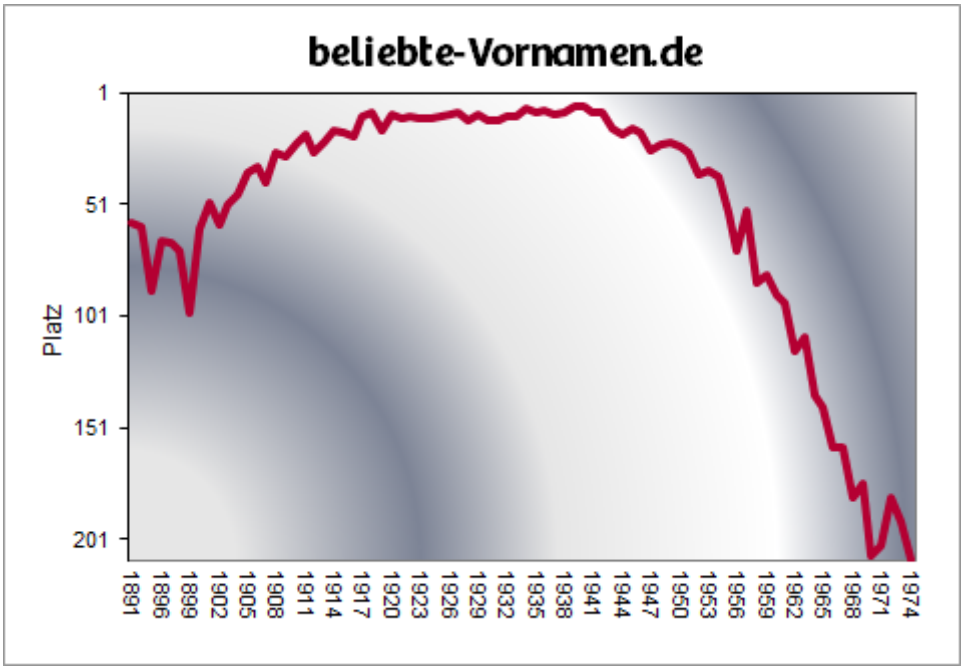
Форма имени *Erich* принадлежит немецкому литературному языку, форма имени *Erik* считается скандинавской или нижненемецкой. Сведения об этимологии этого имени приводятся в различных ономастических изданиях [19; 22], наиболее подробно см. [20]. Авторы этого ономастического труда Р. и Ф. Кольхайм приводят несколько вариантов происхождения имени *Erik*: датское/шведское < древнесканд. *Eiríkr* из герм. **aina* ‘один’ + древнесканд. *ríkr* ‘могущественный, властитель’ или нижненемецкое < древнесаксонск. *ēra* ‘честь’ или древнесакс. *ēwa* ‘закон’ + древнесакс. *rīki* ‘могущественный, властитель’

[20, 146]; несколько вариантов этимологии приводятся в [18]; также об имени *Эрик* как одном из скандинавских династических имен см. монографию Ф. Б. Успенского [16].

Erika немецкими ономатологами рассматривается как женский вариант мужского антропонима *Erich* [20, 146]. Отмечается, однако, что в середине XIX в. произошло его смешение с именем *Erika*, имеющим другое присхождение: от апеллятива со значением ‘вереск’ < греч. *ερείκη*/*ereíkē*, лат. *erīcē*. Причиной такого смешения стал среди прочего и литературный факт: *Эрикой*, или *Heideblümlein* ‘цветочек вереска’, звали персонаж романа Йозефа Виктора фон Шеффеля «Эккехард» (1855) [20, 146]. Некоторые исследователи прямо называют такое смешение имен ошибкой [22, 51], однако, как будет показано далее, две «Эрики» составляют своеобразную ономастическую амальгаму[1], которая сыграет особую роль в тексте.

Частотность имянаречения и следующее из этого количество носителей имени в определенные хронологические периоды у женского антропонима *Erika* и у мужского антропонима *Erich* и *Erik* в XX в. в Германии различна. Согласно статистике К. Билефельда (Knud Bielefeld), автора сайта www.beliebte-vornamen.de, в XX в. максимальная частотность женского имени *Erika* в Германии приходилась на 1920—1940-е годы.

[1] Для ономастики текст/дискурс всегда выступал и выступает полигоном для испытания различных приемов, в которых участвуют имена собственные (ИС). В пространстве текста происходит утверждение/снятие статуса проприальности языковой единицы, что и можно назвать ономастическим амальгамированием. Усиление этого приема в заведомо игровых текстах приводит к явлению травестии статуса ИС [6].



Таб. 1. Частотность имени *Эрика* по годам (по вертикали — место, занимаемое именем в списке). Источник: https://www.beliebte-vornamen.de/5248-erika.htm#comments

Эта статистика очень важна для анализа текста песни-марша «Erika», которому посвящена следующая часть статьи. Начнем с впечатления нашего соотечественника-современника об этой песне. «Когда слушаешь эту песню, написанную в 1942 году [согласно немецким источникам, однако, годом создания являлся 1939, возможно, и еще более ранний. — Н.В.], то невольно содрогаешься от какой-то неотвратимой мощи ее простой повторяющейся мелодии и от этого навязчивого рефрена — имени девушки, «Эрика». Автор и текста, и мелодии, Хермс Ниль, соединил, казалось бы, несоединимое: любовь и войну. Но, может быть, в этом и состояла некая тайная цель? Солдаты особенно страшны, когда они начинают тосковать об оставленных ими любимых» (Валентин Антонов, декабрь 2005 года [23]).

1. Auf der Heide blüht ein kleines Blümelein *Und das heißt:* ***Erika****.* *Heiß von hunderttausend kleinen Bienelein* *Wird umschwärmt* ***Erika****.* *Denn ihr Herz ist voller Süßigkeit,* *Zarter Duft entströmt dem Blumenkleid.* *Auf der Heide blüht ein kleines Blümelein* *Und das heißt:* ***Erika****.* *2. In der Heimat wohnt ein kleines Mägdelein*	1. На поле цветет маленький цветочек, и называется он эрика. Тысячи маленьких пчелок жарким роем кружатся вокруг эрики, потому что ее сердцевина полна сладости, нежный аромат истекает из чашечки цветка. На поле цветет маленький цветочек, и называется он эрика.

Und das heißt: ***Erika****. Dieses Mädel ist mein treues Schätzelein* *Und mein Glück,* ***Erika****.* *Wenn das Heidekraut rot-lila blüht,* *Singe ich zum Gruß ihr dieses Lied.* *Auf der Heide blüht ein kleines Blümelein* *Und das heißt:* ***Erika****.* *3. In mein'm Kämmerlein blüht auch ein Blümelein* *Und das heißt:* ***Erika****.* *Schon beim ersten Morgengrau'n sowie beim Dämmerschein* *Schaut's mich an,* ***Erika****.* *Und dann ist es mir, als spräch' es laut:* *Denkst du auch an deine kleine Braut?* *In der Heimat weint um dich ein Mägdelein* *Und das heißt:* ***Erika****.*	2. На родной стороне живет маленькая девушка, и зовут ее Эрика. Эта девушка — верное мое сокровище и мое счастье, Эрика. Когда вереск расцветает красно-лиловым цветом, я пою эту песню, чтобы передать ей привет. На поле цветет маленький цветочек, и называется он эрика. 3. В моей комнатке тоже цветет цветочек, и называется он эрика. И когда начинает рассветать, и когда смеркается, смотрит на меня цветок, эрика. И тогда мне кажется, будто он спрашивает: думаешь ли ты и о своей маленькой невесте? На родной стороне плачет о тебе девушка, и зовут ее Эрика.

Таб. 2. Текста песни-марша «Erika» и его перевод[2]

Текст песни-марша состоит из трех куплетов, и слово *Erika* встречается в них 9 раз — по 3 раза в каждом куплете. Но всякий ли раз в виде антропонима, «имени девушки», как пишет автор упомянутой выше заметки? В русском переводе мы использовали прописную и строчную буквы, чтобы соответственно отметить женский антропоним и таксон — название цветка. *Эрика*, в русской ботанической терминологии также *ерика* (лат. *Erica*), — это род растений семейства вересковых [4]. В немецком языке для этого рода растений существует название *Erika*, а также *Heide* или *Heidekraut.* В силу особенности орфографии немецкого языка омофоничные антропоним и таксон получают одинаковое написание — с прописной буквы — и тем самым происходит нейтрализация проприального/непроприального статуса слова в письменном тексте. Таким образом, из девяти *Эрик*, встречающихся в тексте и распределенных по трем куплетам в виде 3+3+3, антропонимами являются три, которые распределяются по куплетам 0+2+1, а таксонами — шесть; их распределение 3+1+2. Денотативно, однако, *эрик*-таксонов на один больше,

[2] Немецкий текст легко доступен в Интернете. Переводы тоже представлены, но мы предпочли собственный, почти буквальный, т.е. без поэтических украшений и близкий к оригиналу, который лексически довольно бесхитростен. Номинация *Erika* выделена для наглядности шрифтом. В русском переводе в тех контекстах, где речь идет о ботаническом наименовании, *эрика* дается со строчной буквы.

потому что во втором куплете появляется синоним *Heidekraut* (*wenn das Heidekraut rot-lila blüht* ‘когда вереск цветет красно-лиловым’). Но денотативный план для этого текста оказывается не столь важным. Важным является пронизывающий весь текст параллелизм и вытекающие из этого образы.

Прежде чем перейти к рассмотрению этой стилистической фигуры (для данного случая параллелизм можно обозначить и как глобальную текстовую стратегию), остановимся на глаголе *heissen*, поскольку семантические свойства этого глагола обеспечивают нейтрализацию проприального/непроприального статуса слова уже независимо от признака письменность/устность текста. Как писала Н. Д. Арутюнова, «отношение между словом и объектом осмысляются говорящим в терминах названия, называния, имени, независимо от того, имеется ли в виду значение слова или только наименование. Вопрос *Как это называется?* может относиться и к собственному имени, и к характеристике явления. Если же речь идет о лице, то используется апеллятивный глагол *Как тебя зовут?*» [1, 112]. Если мы обратимся к немецкому языку, то вопрос *Как тебя зовут?*, т.е. вопрос о лице, содержит тот же глагол *heissen*, что и вопрос *Как это называется?* (*wie heisst du?* ‘как тебя зовут?’ и *wie heisst das?* ‘как это называется?’). Далее, почти все имена существительные, окружающие слово *Erika* в тексте песни, представляют собой производные с диминутивным суффиксом *-lein* и являются поэтому субстантивами среднего рода (ср. *die Blume →das Blümelein*, *der Schatz →das Schätzelein*). Слово *Mädel* тоже среднего рода, так что выражение *das heisst Erika* формально может одинаково относиться и к цветку (*das Blümelein*), и к девушке (*das Mädel*, *das Mägdelein*). Если теперь сравнить распределение этого выражения по отношению к денотату, то получается следующая картина (по трем куплетам): ‘цветок’ (2+1+1), ‘девушка’ (0+1+1). ‘Девушка’ количественно уступает, однако, побеждает эмоционально.

Суггестивность текста связана также и с потенциальным адресатом. Здесь следует напомнить приведенные выше сведения о распространенности этого имени в Германии, а именно: его особенную популярность с 1920 по 1945 гг. Таким образом, у марша «Эрика», написанного в 1939 г. (или на несколько лет раньше), действительно было много по-

тенциальных адресаток-эпонимов. Этот экстралингвистический факт, без сомнения, усиливал эмоциональное воздействие марша как на мужскую, так и на женскую часть населения.

Можно было бы и далее продолжать анализ песни только как текста. Например, сравнить предикаты, сопряженные с двумя типами «Эрик» и увидеть, что *эрика*-таксон снабжается «человеческими» предикатами, т.е. налицо явление персонификации. Также можно отметить особый нарративный ход, состоящий в смене нарратора в третьем куплете при сохранении перволичной инстанции повествования: «я» во втором куплете говорит солдат, а в третьем — ждущая его девушка (разнополюсная точка зрения, если для этого малого текста применять терминологию «большой» нарратологии). Однако анализ только текста этого марша в отрыве от музыки не может, как представляется, в полной мере объяснить эффект его воздействия, т.е. по существу пропагандистский эффект. Прежде чем обратиться к музыкальному жанру марша, рассмотрим параллелизм как текстообразующий фактор.

Параллелизм традиционно рассматривается как фигура, а именно — фигура повтора. Согласно определению В. П. Москвина, параллелизм принято рассматривать в четырех аспектах: 1) грамматическом (морфологический повтор, синтаксический параллелизм), 2) лексическом (лексико-семантический повтор), 3) семантическом (образный параллелизм), 4) фонетическом (звуковой параллелизм, парономасия, ритмический параллелизм) [12, 220].

В исследуемом тексте песни налицо почти все разновидности параллелизма. Ср.: ***Auf der Heide*** *blüht ein kleines Blümelein* — ***In mein'm Kämmerlein*** *blüht auch ein Blümelein*; *In der Heimat* ***wohnt*** *ein kleines Mägdelein — In der Heimat* ***weint*** *um dich ein Mägdelein* (синтаксический и лексико-синтаксический параллелизм). Синтаксический параллелизм выступает способом построения и развертывания приема психологического (образного) параллелизма. Последний, согласно А. И. Веселовскому, представляет собой сравнение эмоциональных состояний и событий человеческой жизни с состояниями и явлениями природы [8, 107—117]. Параллель «цветок — девушка» относится к одной из базовых в

фольклоре, и эта параллель является смысло- и текстообразующей доминантой в тексте данной песни. О звуковых параллелях можно судить как по приведенным выше примерам (*wohnt* — *weint*), а также по настойчивому повторению существительных с суффиксом *-lein* и в целом по построению рифмы на дифтонге *ei.* Однако среди всех разновидностей параллелизма и повторов для настоящего произведения ведущая роль принадлежит все же параллелизму ритмическому и ритму вообще.

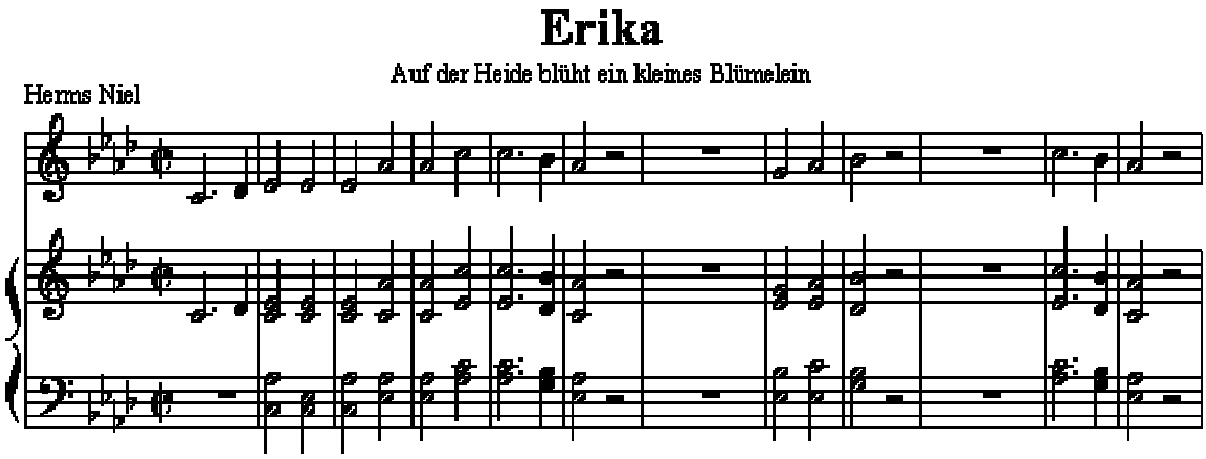


Рис. 2. Начало марша «Эрика» [24]

Марш как музыкальный жанр, служащий для обеспечения синхронного движения большого числа людей, отличается четким ритмом. Это «эмоциональное руководство» со стороны ритма и есть «результат формообразующего процесса музыкального произведения» [17, 231]. Ритмы определенных музыкально-массовых жанров вызывают у представителей разных народов одинаковый эмоциональный отклик, обеспечивают возникновение общих ассоциаций. Так, один из исследователей указывает, что в музыке Французской революции, где потребность в создании массовых форм музицирования привела к возникновению духовых оркестров, «марш... не только был жанром военной музыки, но и стальной поступью выступивших масс, т.е. ритмом, обобществляющим смысл движений человека» [2, 279]. Таким образом, этот автор в ритме определяет именно идейно-смысловое начало, которое способно объединять единичное чувствование в общее, коллективное, обладающее конкретной социальной направленностью. Общеизвестна особая

любовь тоталитарных государств к маршам. И в настоящее время «ритмические формулы марша вызывают ощущение прежде всего коллективного движения, действия» [15, 152].

Номинация *Erika*, как было показано выше, «раскладывается» в тексте на женский антропоним и ботанический таксон. Однако в ритмической структуре марша это различие нейтрализуется. Комплекс *Und das heisst: Erika* является рефреном и звучит одинаково, независимо от статуса номинации *Erika.* Если на уровне текста выдвижение (акцентирование) имени обусловлено его постановкой в сильную текстовую позицию, а именно: в конечную позицию колона, то в пении и музыкальном сопровождении акцентирование имени опирается еще на более сильный и эффектный прием: это пауза, во время которой ударные отбивают тактовые доли. Комплексу *Und das heisst: Erika* предшествует пауза в полтора такта. И такая же пауза в полтора такта отделяет номинацию *Erika* от предыдущих слов. Можно наглядно представить себе строй марширующих солдат, которые поют эту песню. Шаг отбивает метрические доли, а ритм мелодии помогает маршировать в ногу. И в качестве главного элемента во всем этом действии выступает акцентированная на уровне ритма и смысла номинация *Erika*.

Помимо антропонима и омонимичного фитонима, номинация *Erika* обнаруживается в Германии 40-х гг. XX в. еще в одной ономастической ипостаси — как название журнала, предназначенного для фронта и тыла. Выбор именно такого имени для гемеронима (гемероним — «собственное имя органов периодической печати, в том числе газет, журналов, информационных бюллетеней» [14, 46]) объясняется социоономастическим фактором: высокой частотностью имянаречения в 1920-е гг., которая привела через два десятилетия к тому, что в ономастическом сознании поколения закрепилась импликативная связь «молодая девушка ↔ Эрика». Однако нельзя исключить и прямого влияния марша «Erika» на выбор названия печатного издания (*Эрика*-марш датируется поразному, но это в любом случае еще 30-е гг. XX в.). Илюстрированный еженедельник «Erika» (по отношению к нему употребляются оба обозначения — и *Zeitung*, и *Zeitschrift*)

в качестве издания для фронта и тыла (*für Front und Heimat*) возник в 1940 г. как дочернее печатное издание журнала «Stern», который был посвящен кинематографу [21][3].

Завершая наблюдения над проприальной номинацией *Erika* в 1930—1940 гг. в Германии, упомянем еще одну относящуюся к более раннему времени ономастическую трансформацию: женское имя → прагматоним (имя предмета материальной культуры). Речь идет о хорошо известной людям докомпьютерной эры пишущей машинке «Эрика», которая для многих ассоциировалась с ГДР, а в действительности являлась продуктом более раннего времени. Эта модель пишущей машинки появилась в Германии в 1910 г.; как сообщает историк-любитель Д. Маркендорф, изобретатель машинки Пауль Кеплер назвал ее *Эрика* в честь внучки основателя фирмы «Seidel & Naumann» Бруно Науманна (1844—1903) [29]. Возраст внучки-эпонима не указан, однако если мы представим себе поколения этой семьи, то можно предположить, что она родилась в те годы, когда имя *Erika* было частотно (см. выше Таб. 1). Из других ономастических классов в конце XX в. и в начале XXI в. известны *Эрики* как имена нескольких ураганов в бассейне Атлантического океана (1991, 1997, 2003, 2009, 2015), см. [30], а также как имя танкера, затонувшего у берегов Франции в 1999 г.

Ономастические трансформации, или переходы имен одного ономастического класса в другой, или трансонимизация — явление достаточно интересное, которое можно — и полезно — рассматривать с точки зрения того потенциала, которое несет в себе имя. Имена как эпонимы (т.е. отдающие себя другому объекту) представляют собой ценное свидетельство социолингвистического и культурологического плана.

Завершая эти заметки, вернемся к антропониму *Эрика* и рассмотрим так называемые тексты-рефлексивы, представляющие собой метаязыковые комментарии к этому имени, полученные в 2010-х гг., когда, согласно статистике, имя *Erika* стало очень ред-

---

[3] Фотогалерею обложек номеров «Эрики» за 1940—1941 гг., а также сведения о содержании можно найти на сайте коллекционера по фамилии Клаус (Claus) [28]. Так, например, отмечается, что журнал содержал комиксы хорошо известного в то время карикатуриста Хорста фон Мёллендорфа, а также рекламу кока-колы. Последнее особенно интересно, потому что реклама была напечатана в номере, вышедшем в 1941 г.

ким. Интерес к феномену языковой рефлексии, широко распространившийся в лингвистике в 90-е гг. XX в., ср. [7], проник и в ономастику, сформировав в ней направление, которое называется психоономастикой. В качестве методов, используемых для изучения языковой рефлексии в ономастическом поле языка и культуры, используются ассоциативный эксперимент и комментарий. К последнему мы и обратимся для завершения заметок о немецком антропониме *Erika*. В качестве материала использован уже упомянутый ономастический сайт Кнуда Билефельда [27], зарегистрированные пользователи которого могли оставлять свои комментарии к различным антропонимам, приводимым на сайте. К имени *Erika* за период 2010—2017 гг. было оставлено 37 комментариев (дата обращения 16.10.2017). Из них 24 написаны самими носительницами этого имени, они и будут предметом анализа. Все автокомментарии содержат оценку имени (эмоциональная оценочность является определяющей характеристикой ономастических текстов-рефлексивов, см. [9]). Выделяется группа комментариев с негативной оценкой имени и группа с позитивной оценкой; нестандартной является третья группа: это тексты-рефлексивы, которые отражают переход от негативной оценки имени у его носительницы к нейтральной или сразу позитивной (эту группу можно назвать компромиссной).

Группа 1 — негативная оценка имени *Erika*; включает 8 комментариев. Отрицательное отношение носительниц к имени вызвано в основном его старомодностью (*altmodisch*) и/или ассоциативной связью со временем национал-социализма (*aus der Nazi-Zeit*). Молодым не нравятся стереотипные прозвища от имени *Erika*, а именно: *Erika-Amerika* и *Erikson*.

Группа 2 — позитивная оценка; включает 7 комментариев молодых носительниц имени. Им нравятся гипокористики (*Rika*, *Riki*, *Eka*, *Eriki*, *Ere*, *Era*, *Ershka*, в швейцарском варианте есть даже *Kätl* < *ERIKAetl*); редкость имени (никого в окружении с таким именем нет); гордятся семейными традициями (бабушка Эрика); нравится само звучание имени.

Группа 3 — компромиссные комментарии (9): раньше имя не нравилось, потом с ним примирились. Причины, которые сделали имя *Erika* для их носительниц акцепта-

бельным, следующие: лучше старомодное имя *Erika*, чем новомодные *Schantalle* или *Schakkeline* (орфография сохранена — Н.В.) или банальные *Karin*, *Sabine* или *Claudia*. Также примиряют с именем богатство его гипокористик (см. выше), возможность изменения графики (*Erica*), а также наличие второго имени, ср. *Erika Sophie*, *Erika Maria*. В одном случае носительница имени смирилась с ним, узнав его этимологию (‘властительница’).

Таким образом, ономастические комментарии, или рефлексивы, являются ценным языковым материалом для социолингвистического портретирования антропонимической системы. Их значение для социо- и прагмалингвистического изучения таких явлений, как феномен моды в ономастике [10], а также для сравнительных ономастических штудий в рамках межкультурной коммуникации [3] трудно переоценить. Отметим в завершение заметок об имени *Эрика*, что уникальность имени собственного, которая заложена в его определении, находит отражение и в способах его описания: в ономастике с трудом приживаются единообразные и жесткие схемы анализа. Выбранное имя своей укорененностью в языке, культуре и социуме может задавать исследователю те способы и аспекты описания, которые лучше всего раскроют его языковую и культурно-семиотическую сущность.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

2. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Л.: Музыка, 1971.

3. Бойкова Т. А. Личное имя как объект языковой рефлексии (на материале метаязыковых высказываний русских и американцев). Дисс…. канд. филол. наук. М., 2017.

4. Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 9. М., 1972.

5. Васильева Н. В. Антропоним и музыкальный жанр: марш «Эрика» // Человек в коммуникации: Лингвокультурология и прагматика. Сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена, 2008.

6. Васильева Н. В. Не совсем собственное имя: травестия статуса как текстообразующий прием // Жизнь языка в культуре и социуме — 7. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 1—2 июня 2018 г. М., 2018.

7. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

8. Веселовский А. И. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.

9. Врублевская, О. В. Эмоции в рефлексивах адресата ономастической номинации // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: сб. науч. тр., посвященный 75-летию проф. В. И. Шаховского. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2013. С.110—115.

10. Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике. Дисс. … докт. филол. наук. Волгоград, 2017.

11. Душечкина Е.В. Светлана. Культурная история имени. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.

12. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. Изд. 2. М.: ЛЕНАНД, 2006.

13. Пеньковский А. Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: “Индрик”, 2003.

14. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988.

15. Суханцева В. К. Категория времени в музыкальной культуре. Киев, 1990.

16. Успенский Ф. Б. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М.: Языки русской культуры, 2001.

17. Холшевников В. Е. Стихосложение и математика // Содружество наук и тайны творчества. М.: Искусство, 1968.

18. De Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: Brill, 1977.

19. Drosdowski G. Duden. Lexikon der Vornamen: Herkunft, Bedeutung und Gebrauch von mehreren tausend Namen. 2., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim e.a.: Dudenverlag, 1974.

20. Kohlheim R., Kohlheim V. Das große Vornamenlexikon. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin, Mannheim, Zuerich: Dudenverlag, 2014.

21. Tolsdorff T. Von der Stern-Schnuppe zum Fix-Stern. Zwei deutsche Illustrierte und ihre gemeinsame Geschichte vor und nach 1945. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2014.

22. Weigel A.F.W. Unsere schönsten Vornamen. Niederhausen: FALKEN Taschen-Buch, 1997.

Список интернет-источников

23. http://vilavi.ru/pes/171205/171205.shtml (немецкий текст марша «Erika» и комментарий В. Антонова).

24. https://spmip.forumoteka.pl/viewtopic.php?t=2012 (ноты марша «Erika»).

25. http://de.wikipedia.org/wiki/Heidekraut (ботанические сведения о растении *эрика* семейства вересковых).

26. http://de.wikipedia.org/wiki/Herms_Niel (жизнь и творчество композитора Хермса Ниля).

27. http://lexikon.beliebte-vornamen.de (статистика личных имен в Германии с 1890 г.).

28. http://dideldum.gmxhome.de/erika.htm (сведения о еженедельнике «Erika» и фотогалерея обложек 1940-1941 гг.).

29. http://www.helpster.de/erika-schreibmaschine-hintergrundinformationen_184342 (история печатной машинки «Эрика»).

30. http://www.noaa.gov/media-release/world-meteorological-organization-retires-storm-names-erika-joaquin-and-patricia (история тропических штормов/ураганов, носящих имя *Эрика*).

Н. Н. Воропаев (ИЯз РАН)

N. N. Voropaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

О функционировании прецедентных имен (на материале китайского языка)

The Function of Precedent Names (based on Chinese texts)

Аннотация

В статье анализируются некоторые особенности функционирования прецедентных имен. Автор подчеркивает, что прецедентное имя всегда остается именем собственным и в то же время реализует свой прецедентный потенциал. Это означает, что инвариант восприятия, закрепившийся за определенным именем в лингвокультурном сообществе, так или иначе будет влиять на восприятие данного имени при любом его употреблении в дискурсе, то есть и при использовании данного имени для обозначения первичного референта имени, и при использовании данного имени для характеризации как стилистического средства.

This paper examines several facets of the function of precedent names. The author emphasises that, on the one hand, precedent names fully retain their properties as proper names and, on the other, they develop their precedence-related properties. Thus the perceptual invariant acquired by a precedent name in the respective cultural and linguistic community will affect that name's perception whenever it occurs in a discourse: both when it denotes its primary reference object and when it is used as a stylistic device to produce a characterisation.

Ключевые слова

Китайский язык, прецедентное имя, культурный знак, фрейм

Chinese language, Precedent Name, Cultural Sign, Frame

Прецедентными именами (ПИ) являются когнитивно и эмоционально значимые для всех социализированных носителей определенного языка индивидуальные имена и наименования широко известных в данном лингвокультурном сообществе исторических и вымышленных личностей, событий и объектов материальной и духовной культуры данной страны и всего глобального пространства.

Семантическая структура ПИ имеет комплексный характер и включает следующие компоненты: референт (энциклопедическая информация о референте ПИ), дифференциальные признаки референта ПИ, инварианты восприятия референта ПИ и самого ПИ членами лингвокультурного сообщества, коннотации.

Прецедентные имена занимают центральное место среди прочих прецедентных феноменов (текстов, ситуаций, высказываний) и являются мощными актуализаторами других прецедентных феноменов и языковых единиц, для понимания которых часто требуется эксплицирование целого мифологического, исторического или литературного сюжета.

Прецедентные имена функционируют в качестве культурных знаков, то есть таких элементов дискурса, которые способны актуализировать в сознании носителя языка культурные знания о своей стране (информацию об исторических и вымышленных событиях, персонажах и прочих объектах материальной и духовной культуры страны) и вызывать у носителя языка данного лингвокультурного сообщества определенные эмоции, мысли, ассоциации, воспоминания.

Для анализа прецедентных имен китайскоязычного дискурса (КД) мы выделяем следующие четыре типа ПИ: 1) прецедентное имя-антропоним (широко известное имя человека или человекоподобного существа, условно ПИ1); 2) прецедентное имя-эвентоним (широко известное наименование исторических и вымышленных событий, представляющее собой фразеологизм или словесное клише, условно ПИ2); 3) прецедентное имя-хрематоним (широко известное индивидуальное наименование объекта материальной культуры Китая, условно ПИ3); 4) прецедентное имя-идеоним (широко известное

индивидуальное наименование объекта духовной культуры Китая, условно ПИ4). Также выделены термины прецедентный текст (ПТ), прецедентная ситуация (ПС), прецедентное высказывание-идиома (ПВ1), прецедентное высказывание-цитата (ПВ2) и обобщающий термин прецедентный феномен (ПФ) [2, 50—59].

Рассмотрев функционально-семантические особенности ПИ, мы пришли к выводу, что прецедентные имена китайскоязычного дискурса в функционально-семантическом плане целесообразно подразделять на ПИ-дескрипции (ПИ, которые преимущественно используются в дискурсе интенсионально, то есть для характеризации людей, ситуаций, явлений, предметов) и на ПИ-референции (ПИ, которые в дискурсе преимущественно используются референтно, то есть для указания на свой референт). Общим же для всех ПИ является способность выступать в качестве культурного знака, то есть актуализировать энциклопедическую информацию о каких-либо широко известных исторических или вымышленных событиях, персонажах, объектах материальной и духовной культуры Китая, вызывать у членов китайского лингвокультурного сообщества определенные эмоции, мысли, ассоциации [2, 107—126].

Анализ употребления ПИ в речевом общении показал, что именно структурное устройство семантики ПИ определяет особенности его функционирования в речи [3; 5].

Здесь мы хотим подчеркнуть, что наш подход к пониманию ПИ несколько отличается от подхода других исследователей. Мы не разделяем функционирование ПИ на функционирование в качестве имени собственного как такового и в качестве прецедентного имени собственного. Мы полагаем, что ПИ всегда остается именем собственным и в то же время реализует свой прецедентный потенциал. Это означает, что инвариант восприятия, закрепившийся за этим именем в лингвокультурном сообществе, так или иначе будет влиять на восприятие данного имени при любом его употреблении в дискурсе, то есть и при использовании данного имени для обозначения первичного референта имени, и при использовании данного имени для характеризации как стилистического средства.

ПИ в любом употреблении является культурным знаком, нагруженным коннотациями, дифференциальными признаками референта, то есть всей информацией, которая актуализируется в памяти и сознании члена лингвокультурного сообщества при упоминании данного широко известного индивидуального имени.

Приведем пример фрагмента текста с использованием следующих ПИ разных типов:

(1) ПИ4 天下 *tianxia* ‘мир; Поднебесная; Китай; вся страна’. В примере в составе словесного клише 天下第一州 *tianxia di yi zhou* ‘первая область [из девяти областей] Древнего Китая’ данное ПИ также явно актуализирует ПИ4 九州 *jiu zhou* ‘1. девять областей древнего Китая [первоначально в мифологии — 9 островов, образовавшихся после всеобщего потопа] 2. весь Китай’.

(2) ПИ1 刘备 *Лю Бэй*

(3) ПИ1 张飞 *Чжан Фэй*

(4) ПИ1 赵匡胤 *Чжао Куаньинь*

(5) ПИ4 燕 *Yan* [*княжество*] *Янь* (было расположено на территории нынешней северной части провинции Хэбэй и южной части провинции Ляонин)

(6) ПИ4 赵 *Zhao* [*княжество*] *Чжао* (было расположено на территории нынешней северной части провинции Хэбэй и западной части провинции Шаньси).

荣安公司坐落于北京南六十公里，素有“天下第一州”之称的涿州，涿州古城历史悠久、人杰地灵、名人辈出，尤以刘备、张飞、赵匡胤的故里而闻名。

今天的荣安公司，以自身的实力和信念，迅速成为中国保温建材领域里的一面旗帜，并阔步走向国际化。未来的日子里，荣安人将以燕赵英豪独有的气魄，继续以真诚实干的崇高风尚和热情创新的进取精神，不断向前，一如既往地执著于打造世界品牌企业，为促进社会发展、振兴民族工业而再创辉煌明天！[9, 2].

Rong'an gongsi zuoluo yu Beijing nan liushi gongli, su you «tianxia di yi zhou» zhi cheng de Zhuozhou, Zhuozhou gu cheng lishi youjiu, ren jie di ling, mingren beichu, you yi Liu Bei, Zhang Fei, Zhao Kuangyin de guli er wenming.

Jintian de Rong'an gongsi, yi zishen de shili he xinnian, xunsu chengwei Zhongguo baowen jiancai lingyu li de yi mian qizhi, bing kuobu zou xiang guojihua. Weilai de rizi li, Rong'an ren jiang yi Yan Zhao yinghao duyou de qipo, jixu yi zhencheng shigan de chonggao fengshang he reqing chuangxin de jinqu jingshen, buduan xiang qian, yi ri ji wang de zhizhuo yu dazao shijie pinpai qiye, wei cujin shehui fazhan, zhenxing minzu gongye er zai chuang huihuang mingtian!

'Компания «Жун'ань» расположена в 60-ти километрах к югу от Пекина в городе Чжочжоу, который в Китае называют «Первой областью [из девяти областей — Н.В.] Древнего Китая». Город Чжочжоу является старинным городом с долгой и богатой на события историей. Здесь, что называется, люди герои — земля знаменита. Замечательные люди в этих краях появляются из поколения в поколение. Особенно славится эта земля тем, что здесь родились [прославленный император — Н.В.] Лю Бэй [основатель царства Шу-Хань в период Троецарствия — Н.В.], [бравый полководец и воин времён Троецарствия, популярный герой классических романов — Н.В.] Чжан Фэй и [император — Н.В.] Чжао Куанъинь [основатель династии Сун — Н.В.].

Сегодняшняя компания «Жун'ань» благодаря своей реальной мощи и неизменному кредо стремительно превратилась в знамя индустрии теплоизоляционных стройматериалов Китая и гигантскими шагами идет к интернационализации своей деятельности. В ближайшие годы наши люди из компании «Жун'ань» с размахом и масштабностью достойной героев этой древней земли [княжества — Н.В.] Янь и [княжества — Н.В.] Чжао продолжат работать честно и деловито. В соответствии с благородными традициями они будут с энтузиазмом выступать с новыми идеями, прокладывать новые пути и, устремляясь вперёд, последовательно и настойчиво строить предприятие с мировым брендом. Ра-

ди светлого будущего мы и дальше будем содействовать развитию общества и подъему национальной промышленности!’.

Как видно из примера, все ПИ в данном фрагменте текста употребляются как референции, то есть для указания на свои референты. Тем не менее, эффект характеризации возникает и здесь. Посредством упоминания ПИ авторы текста характеризуют свой родной край и находящуюся здесь компанию. Здесь идёт апелляция к героям древности, и посредством разнообразных лексических средств фактически происходит косвенная характеризация современных сотрудников и деятельности компании с помощью ПИ.

Прецедентное имя входит в ментальное пространство лингвокультурного сообщества. Что касается связи ПИ с языковым уровнем сознания, то необходимо отметить принадлежность ПИ к языковому уровню сознания, а знания и представления о ПИ, в свою очередь, относятся к концептуальному уровню сознания [1, 488]. Указанные знания и представления определенным образом структурированы, они хранятся в сознании в виде фреймов. По словам В. В. Красных, в структуру фрейма входят такие составляющие, как:

1) содержание, для ПИ — это совокупность дифференциальных признаков и атрибутов, которые и выделяют это имя из ряда других имён;

2) объективное окружение, т.е. либо текст-источник, либо реалия-источник;

3) субъективные ассоциации, связанные с данным ПИ;

4) условия употребления в дискурсе [4, 125—126].

Таким образом, структура фрейма включает как лингвистическую, так и экстралингвистическую информацию. Как подчеркивают В.В. Красных и Д.Б. Гудков, структура представления, стоящего за ПИ, характеризуется наличием ядра и периферии. Ядро включает дифференциальные признаки, периферия — атрибуты. К дифференциальным признакам ПИ относятся внешность, черты характера и прецедентные ситуации, лежащие в основе ПИ. Кроме указанных элементов, в состав структуры ПИ входят также и «потенциально возможные индивидуальные представления и знания» [5, 197—209]. Как отмечают исследователи, фрейм не является закрытой системой с раз и навсегда данным

содержанием, напротив, фрейм представляет собой динамическую, открытую систему, способную получать и перерабатывать новую информацию. Соответственно ПИ, за которым стоит фрейм, может обогащаться новыми значениями под влиянием внешних факторов, например, контекста.

Следует отметить тот факт, что структура и содержание фрейма, стоящего за ПИ, имеют национальную специфику и определяются теми правилами функционирования, которые релевантны для данного конкретного языка. Так, например, в высказывании 这几个孩子像孙悟空大闹天宫，把家里搞得一塌糊涂 [7, 41] *Zhe ji ge haizi xiang Sun Wukong da nao tian gong, ba jia li gao de yi ta hutu* ‘Эти дети, как Сунь Укун в Небесном Дворце, устроили в квартире ужасный бардак’, присутствует ПИ КД *Сунь Укун*, которое имеет сравнительно сложную структуру стоящего за ним представления. В своем словаре Чэнь Сяньчунь выделяет три аспекта значений этого ПИ, которые актуальны для современного китайца и составляют общенациональный инвариант восприятия данного ПИ.

Представим их в виде схемы:

ПИ *Сунь Укун*

● обладатель сверхъестественных способностей, владеющий семьюдесятью двумя приемами искусства перевоплощения;

● бесстрашный (дерзкий, непослушный), имеющий смелость устроить дебош даже в чертогах небожителей;

● боящийся, что монах *Тансэн* будет читать заклятие 紧箍咒 *jin gu zhou* ‘крепко сожми’ (заклятие, которое *Тансэн* читал, чтобы заставить *Сунь Укуна* повиноваться; при чтении заклятия железный обруч на голове *Сунь Укуна* сжимался и причинял ему нестерпимые боли).

Сунь Укун — главный персонаж классического романа «Путешествие на Запад» (написан в середине 16 века), один из трех учеников, сопровождавших монаха *Тансэна* в его путешествии за буддийскими сутрами.

Согласно подходу Ю. С. Степанова о необходимости этимологического анализа концепта [6] (в нашем случае ПИ), выявляем, что существо, обозначаемое в романе именем *Сунь Укун*, восходит к буддийской китайской мифологии, где оно — это рождённая небом каменная обезьяна, которая, постигнув истину путем настойчивого самосовершенствования, обрела сверхъестественные способности. Сделав один кувырок, она может пролететь 108 тысяч ли (ли — мера длины, равная 0,5 км). Она может незаметно появляться и исчезать, владеет 72-мя способами превращений. Ко всему этому, у нее есть железная дубинка весом 13 тысяч 500 цзиней (цзинь — мера веса, равная 0,5 кг), которую она может увеличивать или уменьшать по своему усмотрению. В общем, обезьяна эта очень сильна и могущественна, даже воины небесного императора трусят при одном только ее виде.

Согласно китайскому мифу, правитель неба Нефритовый император живет в Небесном Дворце. В главах с третьей по седьмую прецедентного текста (романа «Путешествие на Запад») описывается то, как *Сунь Укун* устраивает дебош в этом Небесном Дворце. *Сунь Укун* презирает феодальные правила Небесного Дворца, не подчиняется законам правителя, сам себя называет «великим святым всего неба», не совершает коленопреклонения перед Нефритовым императором и только распевает что-то вроде «да-да», «так точно», выражая, как бы, согласие. В конце концов, из-за того, что тайком съел персик бессмертия и выпил божественный нектар, учинил беспорядки на празднестве персика бессмертия и, поняв, что набедокурил, *Сунь Укун* спускается с небес.

Нефритовый император отправляет сто тысяч воинов на его задержание, а *Сунь Укун* ничуть не пугается, много раз разбивает небесное войско и, грозя наконечником копья Нефритовому императору, говорит: «Императорами становятся по очереди, завтра очередь дойдёт до меня. Я тебя все равно выживу, и Небесный Дворец станет моим, а если не уйдешь, то буду тебе досаждать, и никогда тебе не видать покоя!».

В восприятии китайцев эта бесстрашная, сильная духом героическая натура заставляет людей воспрянуть духом и поднять голову. Поэтому современные китайцы ча-

сто используют имя *Сунь Укуна* для обозначения таких смелых и дерзких людей, которые не боятся устроить беспорядки даже в Небесном Дворце. В данном высказывании актуализируются такие признаки, как дерзость и бесстрашие, которые составляют ядро представления о ПИ *Сунь Укун* и имеют надындивидуальный характер, т.е. понятны любому представителю китайского лингвокультурного сообщества.

Актуализируются и фоновые мифологические знания, общие для всех носителей китайского языка, но они носят второстепенный, вспомогательный характер. Что касается таких признаков, как «обладатель сверхъестественных способностей, владеющий 72-мя приемами искусства перевоплощения» и «боящийся, что монах *Тансэн* будет читать заклятие “крепко сожми”», то они оказываются нерелевантными для данной вербализации и остаются в тени. Другими словами, в каждой конкретной вербализации актуализируется, высвечивается только часть всей информации о том или ином ПИ, которая релевантна для данного употребления. Многие ПИ КД, подобно рассмотренному выше примеру, обладают неоднозначной структурой представлений, и это оказывает соответствующее влияние на их функционирование, что необходимо учитывать в процессе межкультурной коммуникации.

Как было сказано выше, структура представления, стоящего за ПИ, характеризуется наличием ядра и периферии. Ядро включает дифференциальные признаки, периферия —атрибуты. Кроме указанных элементов, в состав структуры представлений ПИ входят также и «потенциально возможные индивидуальные представления и знания» [5, 199]. Приведем пример возможной интерпретации ПИ *Гуань-гун* членами китайского лингвокультурного сообщества в анекдоте:

斩客祖宗

几位朋友到酒家小酌，店堂里供的关公像引起了他们的议论。

甲：现在许多酒家饭店和商店为什么都供着关公？

乙：关公是个福将，供他可以招福。

丙：关公过五关斩六将是个勇将，供奉他商家可以消灾避难。

甲：这个你们不懂了，开店做生意都会耍刀斩客，关公是舞大刀的祖宗，你们想想，不供他供谁…… (立早) [8, 5]

Zhanke zuzong

Ji wei pengyou dao jiujia xiaozhuo, diantang li gong de Guan Gong xiang yinqile tamen de yilun.

Jia: Xianzai xuduo jiujia fandian he shangdian weishenme dou gongzhe Guan Gong?

Yi: Guan Gong shi ge fu jiang, gong ta keyi zhao fu.

Bing: Guan Gong guo wu guan zhan liu jiang shi ge yong jiang, gongfeng ta shangjia keyi xiaomie binan.

Jia: Zhe ge nimen bu dongle, kai dian zuo shengyi dou hui shua dao zhan ke, Guan Gong shi wu da dao de zuzong, nimen xiang xiang, bu gong ta gong shui…

‘Прародитель головорезов

Несколько друзей зашли выпить в кабачок. Стоящий в зале портрет Гуань-гуна вызвал у них дискуссию.

А: Почему это сейчас во многих ресторанах и магазинах стали молиться на Гуань-гуна?

Б: Гуань-гун — баловень судьбы, счастливый полководец, от которого враг бежит, не принимая боя. Поэтому если ему поклоняться, то можно привлечь счастье и везение.

В: Гуань-гун — храбрый генерал, который пробился через пять застав и разбил шестерых полководцев Цао Цао. Обожествляя его, коммерсанты могут избежать беды.

А: Нет, вы не понимаете, в чем тут дело. В торговле и бизнесе дело часто доходит до поножовщины и убийства, а Гуань-гун — прародитель тех, кто мастерски работал кинжалом. Вот и подумайте, на кого еще молиться коммерсантам, как не на него…’

Для китайцев имя Гуань-гуна является символом храбрости и преданности. Гуань-гун — святой военный. Данный прецедентный персонаж также обозначается как Гуань-ди — возведенный в ранг бога войны легендарный полководец эпохи Троецарствия

(220—280 гг.) Гуань Юй (162? —219 гг.). В современном китайскоязычном дискурсе Гуань-гун — символ войны, торговли и богатства. Существует еще минимум четыре варианта наименования Гуань Юя.

Таким образом, можно отметить, что за ПИ стоят структуры сознания (фреймы), которые содержат всю возможную информацию о данном феномене (лингвистической и экстралингвистической природы), которая актуализируется посредством дифференциальных признаков и атрибутов. При конкретном употреблении актуализируется лишь релевантная для этого случая часть знаний и представлений, оставшаяся «невысвеченной» информация либо нерелевантна, либо носит вспомогательный характер.

Литература

1. Банникова С. В. Прецедентное имя и проблемы языкового сознания // Языки и транснациональные проблемы: Материалы I Международной научной конференции, 22—24 апреля 2004 года. Т. II / Отв. ред. Т. А. Фесенко. М. —Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. С. 487—492.

2. Воропаев Н. Н. Китайскоязычный прецедентикон. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013.

3. Захаренко И. В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1. **С**. 104—113.

4. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М.: Диалог-МГУ, 1998.

5. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК Гнозис, 2003.

6. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

7. Chen Xianchun 中国文化中的典型人物与事件 // 陈贤纯编著. 北京: 北京语言文化大学出版社, 1999 年. Zhongguo wenhuazhong de dianxing renwu yu shijian // Chen Xianchun bianzhu. Beijing: Beijing yuyan wenhua daxue chubanshe, 1999 nian. (Прецедентные персонажи и события в культуре Китая // Сост. Чэнь Сяньчунь. Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 1999)

8. Gushihui zazhi 故事会杂志 (讲述老百姓喜爱的故事). 2002年8月, 293期, Gushihui zazhi (jiangshu laobaixing xiai de gushi). (ежемесячный «Сборник рассказов» [излагает истории, которые нравятся простому народу], август 2002 г., вып. № 293).

9. Rong'an gongsi jianjie 涿州市荣安成套设备有限公司简介 2010年 Zhuozhou shi Rong'an chengtao shebei youxian gongsi jianjie 2010 nian (рекламный проспект с краткой информацией об обществе с ограниченной ответственностью г. Чжочжоу «Комплектное оборудование Жун'ань». Чжочжоу, 2010).

В. В. Дьячков (ИЯз РАН)

V. V. Dyachkov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

О некоторых проблемах терминологии, принятой в базе данных «Языки мира»

Towards some terminological problems of the database “Languages of the World”

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема представления признаков в базе данных «Языки мира», разрабатываемой на основе одноименной энциклопедии в секторе прикладного языкознания Института языкознания РАН. В статье кратко описываются теоретические проблемы, связанные с представлением некоторых признаков в базе. На примере представлений категории аспекта в базе предлагается решение проблем подобного типа, базирующееся на достижениях современной типологии.

This article considers the problem of representation of features in the database "Languages of the World", developed at the department of applied linguistics in the Institute of Linguistics (Russian Academy of Science) on the basis of the encyclopedia of the same name. The article briefly describes the theoretical problems associated with the representation of certain features in the database. A solution to problems of this type based on the achievements of modern typology is proposed illustrated by the example of the category of aspect presented in the database.

Ключевые слова

Типологические базы данных, аспектология, типология

Typology-oriented databases, theory of aspect, typology

Данная статья посвящена проблеме признакового пространства базы данных «Языки мира», а именно — вопросу его оптимального представления в новой версии. Эта проблема связана с работой по проверке признакового пространства, которая проводи-

лась в 2013—2018 гг. В ходе этой работы автором данной статьи было предложено большое количество изменений в названиях признаков, обусловленных как фактическими ошибками в признаковом пространстве, так и необходимостью смены многих терминологических установок, принятых в предыдущей версии базы данных (далее — БД).

Кратко опишем основные типы ошибок, встречающихся в базе данных. К ним мы относим: 1) терминологические ошибки; 2) признаки, о которых в статье, посвященной конкретному языку, нет никакой информации (или соответствующая статья не найдена в БД); 3) устаревшие термины, имеющие аналоги в самой БД; 4) опечатки. Данная классификация основана на нашем собственном исследовании языкового пространства (о проблеме корректности признаков в БД «Языки мира» см. также [1]).

Мы не будем касаться подробно вопроса опечаток, поскольку он не представляет собой теоретически нагруженной проблемы, в отличие от всех остальных. Точно так же не является интересной проблема признаков типа 2. Наличие признаков, о которых нет никакой информации в печатной версии энциклопедии, связано с тем, что информация о ряде языков вносилась вручную, на основании рукописей, и некоторые редкие признаки оказались связанными исключительно с этими языками. По нашему мнению, информация о таких языках должна быть либо удалена из базы, либо перепроверена вручную.

Что касается терминологических ошибок, их наличие может установить специалист, основываясь на понимании корректности соотнесения некоторого термина с обозначаемым им явлением. Ошибки подобного типа связаны с тем, что термины употребляются по отношению к явлению, которое нельзя описать данным термином. Приведем два примера. В базе данных было обнаружен признак «твердые/мягкие гласные» (с частотностью F = 1). Некорректность данного признака обусловлена, очевидно, тем, что гласные не могут быть твердыми или мягкими, и если в какой-то языковедческой традиции гласные делятся на два подкласса с такими названиями, эти названия не должны фигурировать в типологически ориентированной базе данных.

Второй пример связан с тем, что один из признаков содержит следующие противопоставления по долготе: «долгие/краткие/сверхкраткие/беглые гласные» (что характерно, частотность это признака F = 0). Признак также является некорректным, поскольку понятие беглого гласного, действительно принятое в некоторых языковедческих традициях, тем не менее, в общем случае не связано с понятием долготы: гласные, как известно, могут быть краткими или долгими, либо, в отдельных случаях, сверхкраткими или сверхдолгими.

Наибольшую сложность представляют собой признаки типа 3, который включает в себя термины, не используемые в современной типологии. О них мы поговорим ниже.

Стоит отметить, что полное удаление из базы данных «неправильных» признаков противоречило бы общей установке на максимальное сохранение информации в базе данных. Даже в том случае, если термин признается неверно употребленным и/или находящимся вне теоретических установок современной типологической науки, в ряде случаев сохранение этого термина может быть оправдано: так, термин «порода», употребляемый в арабистике по отношению к типам спряжения глагола, может быть переформулирован как более общий термин, например, как «тип спряжения». Вместе с тем, как представляется, оставить этот признак в базе данных представляется более целесообразным решением: во-первых, терминология, принятая в конкретных языковедческих традициях, может оказаться более точной и подходящей для данного языка, а во-вторых, проблема решается путем введения в глоссарий базы термина «порода» с его описанием.

Вместе с тем, как представляется, отдельные признаки и их значения, присутствующие в базе, нуждаются в значительной корректировке. В ходе нашей работы с признаковым пространством наиболее обширное расхождение терминологии базы с общепринятой типологической практикой мы выявили на примере представления категории аспекта. Более того, именно этот раздел базы, как нам представляется, является единственным разделом, нуждающимся в радикальной перестройке. Коротко резюмируя, представим набор основных значений признака «Основные видовые противопоставления» в том виде, в котором они сейчас представлены в базе:

1 Длительный/ недлительный

2 Законченный/ длительный

3 Однократный/ многократный

4 Однократный/ многократный/ итеративный/ результативный

5 Предельный/ непредельный

6 Пунктуальный/ курсивный

7 Результативный/ нерезультативный

8 Совершенный/ несовершенный

9 Совершенный/ несовершенный/ нейтральный

10 Совершенный/ несовершенный/ перфектный/ стативный

11 Длительный — недлительный/ результативный — нерезультативный/ хабитуальный — нехабитуальный

12 Кратный — некратный/ процессуальный - непроцессуальный/ совершенный — несовершенный

13 Однократный — постоянный — прерывистый/ результативный — нерезультативный/ совершенный — несовершенный

14 Конкретный — неконкретный/ совершенный — несовершенный

15 Длительный — недлительный/ однократный — многократный/ совершенный — несовершенный

16 Длительный — недлительный/ результативный —- нерезультативный

17 Длительный — недлительный/ совершенный — несовершенный

18 Законченный — длительный/ однократный — многократный/ совершенный — несовершенный

19 Законченный — длительный/ результативный — нерезультативный/ совершенный — несовершенный

20 Однократный — многократный/ результативный — нерезультативный/ совершен-

ный — несовершенный

21 Однократный — многократный/ совершенный — несовершенный

22 Результативный - нерезультативный/ совершенный - несовершенный

Таким образом, инвентарь принятых на данный момент терминов выглядит следующим образом: (*не*)*длительный*, *законченный*, *однократный*, *многократный*, *итеративный*, *результативный*, (*не*)*предельный,* (*не)результативный*, *пунктуальный*, *курсивный*, (*не*)*совершенный*, *нейтральный*, *перфектный*, *стативный*, (*не*)*длительный*, (*не*)*хабитуальный*, (*не*)*кратный*, (*не*)*процессуальный*, (*не*)*совершенный, постоянный*, *прерывистый*, (*не*)*конкретный.* Нетрудно увидеть, что подобные термины не соответствуют ни одному из принятых в современной аспектологии терминов (см., например, обобщающие исследования [5] и [6]). Из приведенного списка видно, что существующими значениями признака покрывается также семантическая зона множественности (см. классификацию ее типов в [3] и [4]). С учетом того факта, что указанные выше исследования носят обобщающий фундаментальный характер, каталогизируют факты многих языков мира и предлагают основания для межъязыкового сравнения аспекта и глагольной множественности, возникает вопрос об интеграции научных достижений типологии в теоретические основания базы данных «Языки мира».

Вместе с тем, как мы уже указали выше, есть некоторая общая необходимость сохранять информацию, представленную в базе, поэтому процесс изменения названия признаков не должен уменьшать ее количество. В связи с этим возникает вопрос, как увязать имеющиеся в базе признаки с предполагаемыми изменениями.

Самое простое решение вопроса заключается в том, чтобы априорно задать некоторую классификацию имеющихся в языках мира аспектуальных значений в терминах межкатегориальных типов Э. Даля (см. [6]). Такая классификация предполагает, что любая аспектуальная граммема в любом языке мира может быть сведена к некоторому межкатегориальному типу — перфекту, имперфекту, плюсквамперфекту и т.д. Наблюдение Даля состоит в том, что в языках мира множества выражаемых граммемами значений

имеют тенденцию к группировке, и эти тенденции повторяются из языка в язык: скажем, результативное значение часто группируется со значением недавно произошедшего события, экспериенциальным значением, и такие пучки значений можно выделять на большом множестве языков. Именно эти пучки называются межкатегориальными типами.

Если принять подход Даля, для каждого языка, имеющегося в базе, необходимо выделить набор аспектуальных граммем и понять, к какому межкатегориальному типу они относятся. При этом мы можем подвергнуть процессу классификации только т. н. внутренний аспект, в то время как другой вид аспекта, внешний, который мы здесь именуем множественностью, окажется неохваченным. Для присвоения ярлыков мы должны, таким образом, построить некоторую новую априорную классификацию показателей множественности. Подход обладает еще одним существенным недостатком: он предполагает, что в каждый из более трехсот рефератов, описывающих языки, требуется (в общей сложности 300 раз) вносить изменения, что является трудоемким процессом.

Стоит отметить, что в существующем варианте описания признака «Основные видовые противопоставления» принята некоторая характеризация аспектуальной системы языка в бинарных терминах, что обуславливает наличие в описаниях противопоставлений типа «длительный — недлительный», «кратный — некратный» и т. д. К сожалению, необходимо признать, что подобные бинарные оппозиции не используются в современной типологии, и нельзя сказать, что они исчерпывающим образом описывают имеющиеся в языках видовые противопоставления.

Кроме того, среди имеющихся терминов встречаются такие, которые следует, по-видимому, признать устаревшими или полностью/частично соответствующим другим терминам из списка. Так, термин *законченный* с большой долей вероятности соответствует термину *совершенный*, хотя, как представляется, термин *законченный* может обозначать и граммему комплетива. Термин *многократный* по определению должен быть отождествлен с термином *итеративный*, поскольку итеративный аспект по определению является способом выражения многократного события (см. [3]). Сомнительным представля-

ется также термин *кратный*, который, судя по его внутренней форме, также призван обозначать неоднократно происходящие события.

Не представляется оправданным употребление термина *курсивный*, аналога которому в современной типологии, по-видимому, нет. Описательными терминами, не соответствующими никаким сравнительным концептам современной типологии, являются также, по-видимому, термины *нейтральный*, *постоянный*, *прерывистый*, (*не*)*конкретный*.

Употребление некоторых терминов противоречит принятому в настоящее время разделению аспекта и акциональности, принятому в двухкомпонентных теориях вида (см. обсуждение данного вопроса в [2]). Исходя из этого понимания вида, следует отнести такие термины, как *(не)предельный*, к сфере акциональности и исключить из нашего списка. Это решение продиктовано соображением о том, что, хотя в языках мира есть граммемы, вводящие в структуру глагола именно предельность (предельность вводят, например, русские префиксы в словах типа *написать*, *зарезать* или *ужалить*), неверно считать, что именно противопоставление по предельности/непредельности глагола является центральным видовым противопоставлением. В русском языке таковым является противопоставление перфективного и имперфективного аспекта. Эта система является экзотической в сопоставлении с другими языками мира, однако в целом хорошо вписывается в теорию межкатегориальных типов (см. [6]).

Итак, если вычеркнуть из нашего списка все названные выше признаки, которые мы сочли некорректными или не укладывающимися в современные типологические представления, то список оставшихся признаков будет выглядеть следующим образом (мы некоторым образом классифицируем признаки в соответствии с нашим представлением об организации семантической зоны аспекта):

1) (*не*)*длительный*, (*не*)*процессуальный*
2) (*не*)*результативный*, (*не*)*совершенный*
3) *однократный*, *итеративный*, *пунктуальный*
4) *перфектный*, *стативный*

5) (*не*)*хабитуальный*

В данном списке вполне употребительными являются термины *хабитуальный*, *перфектный*, *итеративный* — они являются общепринятыми и могут быть оставлены в базе данных. Корректным является также термин *стативный*, поскольку в языках мира действительно встречается особый класс стативных глаголов, который по своим свойствам сильно отличается от нестативных глаголов.

Что касается остальных терминов, то они по-прежнему являются спорными. Термины класса 1, по-видимому, относятся к классу понятий, выражаемых межъязыковым категориальным типом Прогрессив (см. [6]), однако точное решение на этапе построения априорной классификации принято быть не может — необходимо дополнительное исследование языков, имеющих данный признак. Термины класса 2 имеют отношение к понятиям, описываемым межъязыковым категориальным типом Перфектив (манифестацией которого является в том числе и русский совершенный вид), а также к употребительному понятию результатива.

Термины класса 3 *однократный* и *пунктуальный* относятся, возможно, к сфере глагольной множественности, а точнее, к понятию семельфактива, который выделяет некоторый квант действия, обозначаемого т. н. мультипликативным глаголом (см. [6, 56—67]). Кроме того, под термином *пунктуальный* могут подразумеваться и т. н. пунктивные глаголы, то есть глаголы, обозначающие мгновенные события (*рухнуть*, *лопнуть*). Представляется, впрочем, что такие глаголы имеются в любом языке, и поэтому их выделение представляется неоправданным, в отличие от выделения специальных средств выражения семельфактивных значений, которые имеются не во всех языках.

Суммируя сказанное, мы предложим таблицу, в которой мы для каждого признака, имеющегося в базе, представим вариант его замещения на другой признак, соответствующий употребительному в области аспектологии термину. В качестве дополнения к нашей априорной классификации мы также введем в нее оставшиеся термины, используемые в указанных нами работах по аспекту и глагольной множественности и обозначаю-

щие другие сравнительные концепты. Для простоты мы указываем в таблице только признаки без префикса *не-*.

термин, используемый в базе данных	межъязыковой тип/сравнительный концепт, соответствующий термину
длительный	прогрессив/имперфектив
процессуальный	
законченный	перфектив/комплетив
предельный	
совершенный	
результативный	результатив
перфектный	перфект
однократный	семельфактив?
пунктуальный	семельфактив?
курсивный	-
кратный	итератив
многократный	
итеративный	
прерывистый	-
постоянный	хабитуалис?
конкретный	-
хабитуальный	хабитуалис
стативный	статив
нейтральный	-
-	конклюзив
-	экспериенциальный перфект
-	плюсквамперфект
-	мультипликатив

Получившийся список признаков, таким образом, является компромиссным вариантом, который, с одной стороны, позволяет сохранить основные имеющиеся в базе данных термины, а, с другой стороны, предлагает исчерпывающую классификацию типов явления. Стоит понимать, что наше предложение базируется на некотором наиболее общепринятом варианте классификации аспектуальных морфем и может не учитывать некоторые граммемы, имеющиеся в языках мира. Вместе с тем, оно учитывает общепринятое на данный момент выделение межкатегориальных типов, которые являются основанием для сравнения аспектуальных граммем в разноструктурных языках. Предполагается, что в новом варианте базы признак «Основные видовые противопоставления» будет иметь значения из правого столбца приведенной выше таблицы, и при этом часть противопоставлений будет конвертирована в новые признаки автоматически, в то время как другая часть должна быть заполнена специалистами с учетом данных по конкретным языкам.

Итак, в данной статье мы рассмотрели на примере аспектуальных противопоставлений проблемы, возникшие в ходе нашей работы над базой данных «Языки мира», и предложили решение для самой главной, на наш взгляд, проблемы — проблемы представления категории аспекта, которое представляется архаичным для актуального состояния типологической науки. Безусловно, выводы и рекомендации, сделанные на основе исследования, имеют предварительный характер, однако, на наш взгляд, они должны быть учтены в процессе модернизации признакового пространства базы данных.

Литература

1. Соловьев В. Д., Балалыкина Э. А., Байрашева В. Р. Анализ структуры базы данных «Языки мира». I. Словообразование // Труды школы по компьютерной и когнитивной лингвистике. Казань: Отечество. 2007.

2. Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М., Языки славянской культуры, 2015.

3. Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Храковский В. С. (ред.). Типология итеративных конструкций. Л., 1989. С. 5—53.

4. Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс… канд. филол. наук. М., 2005.

5. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar (Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World). Chicago and London, The University of Chicago Press, 2004.

6. Dahl, Ö. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.

А. К. Зотова (Институт языкознания РАН)

A. K. Zotova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Некоторые особенности современной лингвистической терминологии (на материале базы данных «Языки мира» Института языкознания РАН)

Highlights of today's linguistic terminology (the «Languages of the world» database by the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences)

Аннотация

В статье иллюстрируются особенности современной лингвистической терминологии на материале англо-русских соответствий, исследуемых при разработке синонимического терминологического указателя к лингвотипологической базе данных «Языки мира» ИЯз РАН. Результаты могут представлять интерес для специалистов в области прикладной лексикографии, а также использоваться в качестве источника лингвистической терминологии в дидактических целях.

Specificity of today's linguistic terminology is exemplified with English-Russian equivalents from Terminology index to the «Languages of the world» lingvotypological database developed by the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences. The research could be of interest for those dealing with applied lexicography as well as with linguistic terminology for didactic purposes.

Ключевые слова

База данных, лингвистическая терминология, лингводидактика, языки мира

Database, languages of the world, linguistic terminology, linguodidactics

База данных «Языки мира» ИЯз РАН[1] была задумана и создавалась в качестве специализированного информационного ресурса, содержащего лингвотипологическую информацию об отдельных языках, группах и семьях языков в виде унифицированных рефератов. Реферат имеет строгую иерархическую структуру, которая направляет поиск данных в нужное русло и делает его быстрым и комфортным. С точки зрения содержания, корпус сочетает в себе два типа информации — классифицирующую (инициальные и ближайшие к ним верхние строки позиций реферата) и фактографическую (смещающиеся вправо соподчиненные строки). Формально каждая из строк именует отдельный языковой факт или явление [1]. При разработке лексикографической модели указателя и формировании словника выделяются термины и термины-синонимы и устанавливаются их переводные эквиваленты. Отмечаются особые случаи использования терминологии, относящейся к обоим типам информации, то есть собственно термины и их синонимы, являющиеся конечными характеристиками языковых явлений, и терминологические элементы формулировок классифицирующей информации, которые используются в рефератах в виде инициальных строк. Предполагается, что соотношение общего числа строк модели реферата и строк, относящихся к каждому из этих типов информации, составляет приблизительно 1:10, но ни общие, ни относительные количественные показатели практически не релевантны при содержательном анализе терминосистемы БД, и особенно при разработке переводного синонимического терминологического указателя к ней.

Вертикальный контекст образуется из последовательности соподчиненных строк, смещающихся сверху вниз и слева направо по отношению к инициальным строкам, именующим классы языковых явлений, например:

1 2.1.1. ФОНЕМНЫЙ СОСТАВ

3 .гласные

5 ..подъем

6 ...верхн./верх. пониж./верх.-ср./нижн. ср/ср./нижний

[1] Далее — БД.

8 ...верхний/средний/нижний

12 ...верхний/средний откр./средний закр./нижний

Разработка указателя требует тщательного анализа всей терминосистемы БД, который показывает, что рубрикация данных по принципу «классифицирующие» и «фактографические» далеко не всегда вписывается в дихотомию «*термин – не-термин*». Особый интерес представляют некоторые тенденции возникновения, функционирования и развития словообразовательных моделей при сравнении терминов и терминологических словосочетаний на русском языке с их английскими эквивалентами.

Рассмотрим это на примере термина *penultima* 'пенультима'. Исторически этот термин восходит ко второй половине XVII века и этимологически представляет собой латинское прилагательное *paenultimus*, состоящее из двух основ — наречия *paene* 'почти' и прилагательного *ultimus* 'последний'. Более ранней версией этого термина считается форма *penult*, которая функционировала и как сокращенное прилагательное (1530-е гг.) и как субстантивированное существительное (1570-е гг.) в значении 'предпоследний слог' [OAD]. Как и многие другие термины, сохраняющие морфологическую структуру слова на исходном языке, в особенности на одном из классических языков, термин *пенультима* синтаксически статичен и имеет крайне ограниченный деривативный потенциал. Единственный производный термин *пенультим* в значении 'предпоследний слог', представляет собой скорее попытку адаптировать исходную латинскую форму прилагательного женского рода, определявшего существительное *syllaba* 'слог' женского рода, к форме русского существительного *слог* мужского рода. В английском языке термины *penultima* и *penult*, а также их производные *antepenultima* и *antepenult*, функционируют только в качестве субстантивов почти исключительно в области лингвистики, а прилагательное *penultimate* — в роли традиционного определения в препозиции к существительному в некоторых других областях знания (биологии, математике, радиотехнике и др.). От него не образуются другие части речи, и, в отличие от многих других прилагательных, оно не употребляется адвербиально. Таким образом, его комбинаторное поле весьма ограничено, а стилистическая помета *formal* [CED] еще больше сужает сферу его употребления. При-

нятыми эквивалентами *penultimate* в сфере общенаучной и научно-технической терминологии в русском языке являются прилагательные *предпоследний* / *предконечный* [НАРБС; АРНТС] в сочетании со следующим за ним обязательным определяемым компонентом. В русском языке это прилагательное не употребляется в качестве субстантива и, следовательно, его изолированное использование не в составе терминологических словосочетаний проблематично. Английскими эквивалентами прилагательного *ultimate* являются многокомпонентные варианты типа *the last but one*, *next to last* или *second to the last*. Трудно себе представить, что такие конструкты могут адекватно использоваться при терминообразовании вообще и в частности выступать в качестве английских эквивалентов терминологических элементов в составе классифицирующих формулировок реферата на английском языке (строки модели 466, 476 и др.).

В модели реферата БД «Языки мира» термины *пенультима и антепенультима* встречаются в составе позиции

438 2.1.2.ПРОСОДИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

440 .ударение

451 ..носитель ударения

456 ..фиксированность

459 ....начальный слог

466 ....конечный слог

470 ....пенультима

471 ....антепенультима

476 ....конечн. слог/слог с широк. гл./слог с долгим гл.

477 ....неконечный слог с опред. предшествующим слогом

В данном фрагменте форма терминов точно соответствует их положению в иерархической структуре модели реферата, и оба они имеют идеальный английский эквивалент в виде транслитерированного латинского субстантива. Аналогично ведут себя и многие другие термины — носители фактографической информации, например, наименования целого ряда падежей. Во многих случаях латинские или более поздние латини-

зированные названия выступают в качестве синонимов как к русским, так и к английским терминам, являясь своего рода общим знаменателем в ряду устанавливаемых межъязыковых соответствий. Примером могут служить такие пары как *локатив = местный падеж* и их английские эквиваленты *the locative = the locative case*. Эти термины появились в начале XIX века в качестве производных от английского глагола *to locate* по модели *the vocative = the vocative case* 'звательный падеж', который восходит к концу среднеанглийского периода и является дериватом на базе старофранцузского прилагательного *vocatif / -ive* или латинского *vocativus* (от *vocare* 'звать').

Ситуация оказывается значительно сложнее, когда речь идет о терминологических словосочетаниях в других позициях реферата. Наиболее наглядный пример — наименования собственно позиций реферата. Формально они занимают крайнее левое верхнее положение в иерархии модели реферата и выполняют классифицирующую функцию:

(438) 2.1.2.ПРОСОДИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

(1059) 2.2.3.МОРФОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ

(2520) 2.3.6.ДЕЙКТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

и т.п.

В русском варианте такие формулировки представляют собой словосочетания, в состав которых включены термины-прилагательные и даже термин-наречие. Однако английские эквиваленты этих и многих других подобных им словосочетаний могут выглядеть гораздо компактней и терминологичней — Prosodics (438), Morphological alterations (1059) и Deixis (2520), соответственно.

В этой связи интересно отметить функционально обусловленное закрепление относительно новой тенденции образовывать английские термины-существительные с помощью суффикса *–ics* со значением собирательности, в частности в лингвистике. Один из многочисленных примеров — пара *prosody* и *prosodics*. Появление термина *prosody* 'просодия' датируется концом XV века в качестве производного от латинского существи-

тельного *prosodia* 'accent of a syllable' [ODE], который, в свою очередь, восходит к более раннему греческому этимону.

Часто отраслевые и технические словари и созданные на их основе электронные лексикографические ресурсы некорректно или даже ошибочно интерпретируют термины такого типа. Так, термин *prosodics* трактуется как аналог термина *просодия* — 'наука об интонационных средствах речи' [НАРСР]. На самом деле считается, что существительное *prosodics* впервые появилось в 1940-х годах в «International Journal of American Linguistics» в качестве производного от существительного *prosodic*, восходящего к цепочке этимонов — прилагательных с суффиксами от греческого *–ikos* через латинский — *icus* до французского *–ique*, для обозначения совокупности супрасегментных фонологических признаков в языках — таких, как интонация, ритм, тон, ударение и др. [EOLD].

Интересно, что русский термин *просодика*, появившийся в 70-е годы XX века в связи с интересом к изучению текста, иногда используется в более узком контексте применительно к рассмотрению слога, тогда как *просодия,* как более широкое понятие, относится ко всем сегментным единицам речи. В данном случае нельзя не отметить неустойчивость и противоречия между внешним сходством английского оригинала с его русским эквивалентом, с одной стороны, и интерпретацией значения этих терминов в обоих языках, с другой.

Еще один пример — цепочка терминов *tone* — *tonicity* — *tonatics*. В первом случае имеет место классическая этимологическая последовательность происхождения термина от греческого существительного *tonos* через латинский *tonus*, затем старофранцузский *ton* и среднеанглийский *tone* в значении *tension* 'напряжение, натяжение, удлинение' [ODE]. В корпусе общенаучной лексики английский термин *tone* в значении 'тонус' используется в минимальном списке сложившихся дисциплин, например, в физиологии или медицине. В лингвистике, в частности в фонетике, *tone* присутствует при описании тона как: 1) структурной единицы тональных языков и 2) словесного и интонационного рисунка в речи при описании языков другого строя. Однако английский термин *tone*, так же

как и русский *тон*, обнаруживается в обширном списке изолированных употреблений и в составе терминологических словосочетаний десятков новейших отраслей науки и техники. Причем английский термин функционирует и как существительное, и как глагол, и как атрибутив, что, в свою очередь, приводит к появлению на его основе русских эквивалентов в форме терминов-существительных, терминов-глаголов и терминов-прилагательных — таких, как *тоновый / тональный*, *тембровый / тембральный*, *сигнал / сигнальный* и др.

Второе звено деривативного ряда — термин *tonicity* [EOLD]. Он характеризуется очень близким к паре *tone / тон* общим полем значений: ʻупругость / эластичность' в медицине; целый ряд акустических терминов типа *resonance* ʻрезонанс', *tonality* ʻтональность', *intonation* ʻинтонация', *inflection* ʻмодуляция', *pitch* ʻвысота тона / звука', *accent* ʻударение' и собственно *tone* ʻзвук / тон, музыкальное / тоновое ударение; ударный слог; интонация; модуляция' и т.д. С момента своего появления предположительно в 1800 году термин *tonicity* прошел путь до максимальной популярности в первой половине XX века и значительно меньшей частотности к настоящему времени. Но в целом можно констатировать, что в ряде случаев термины *tone* и *tonicity* являются квазисинонимами, общим эквивалентом которых в русском языке может служить существительное *тон* и его дериваты.

И, наконец, сравнительно недавно появившийся термин *tonetics*. Форма термина представляет собой образец использования структурной словообразовательной модели по принципу аналогии от прилагательного *tonetic*. Прилагательное-дериват от существительного *tone* с помощью суффикса *–etic* содержательно интерпретируется как ʻотносящийся к тонам в языке или тональным языкам, а также относящийся к средствам выражения интонации'. Английская пара *tonetic* → *tonetics* структурно воспроизводит модель phonetic → phonetics [WNIED]. Появление термина датируется 1921 годом, и он определяется как “the use or study of linguistic tones” — *использование или изучение тонов в языке*” [MW].

В условиях стремительного информационного обмена и развития инновационных и креативных тенденций в современном терминотворчестве, в случае с термином *tonetics* можно говорить об уподоблении двух терминов в составе названия лингвистического направления *Natural Phonetics and Tonetics* [5; 6]. Суффикс *-ics* в термине *phonetics* 'фонетика' восходит к греческому прилагательному *phonetikos* 'звуковой / голосовой' и является одним из наиболее продуктивных и распространенных средств в арсенале именного терминообразования. В условиях доминантного положения английского языка во многих сферах современной науки, технологии и телекоммуникации а также роста популярности его международного и медийного вариантов с определенного момента форма этого суффикса стала восприниматься не как реликтовая форма словообразовательных флексий классических языков, а как выражение множественного числа существительных, т.е. аналога словоизменительного суффикса *–s* / *-es* в новых европейских языках. Образованные по этой модели термины-существительные составляют в английском языке особую группу *singularia tantum*, трактуемую при этом как существительные множественного числа с пометой "functioning as singular". Ирония состоит в том, что в случае с парой *phonetics* → *tonetics* улавливается отголосок лондонского кокни со свойственной ему тягой к рифмам и ассонансам, поскольку один из пропагандистов этого терминологического неологизма Лучано Канепари (Luciano Canepari) является представителем современной британской фонетической школы, которая ориентируется на узус, прагматизм и доступность знаний о языке.

Тем не менее, продуктивность терминообразовательной модели с суффиксом *-ics* в отдельных областях науки и в общенаучной лексике в целом вполне очевидна, особенно в связи с интенсификацией научного обмена и расширением диапазона интердисциплинарных исследований. Более того, эта тенденция закрепляется в терминотворчестве в среде инновационных технологий и даже рекламе. Из множества примеров можно выбрать яркую параллель *Surgery* — *Surgetics*, где английский квазитермин с суффиксом *-ics* в значении собирательности используется для обозначения множества хирургических

манипуляций в пластической хирургии, которым противопоставляются неинвазивные косметические технологии.

Возвращаясь к проблеме терминологических соответствий между формулировками и именованиями строк модели реферата БД «Языки мира» на русском и английском языках, можно предположить, что термин *tonetics,* не получивший широкого применения, с полным основанием может претендовать на роль одного из современных синонимов английского термина *tone* в значении '*тон*' в качестве элемента классифицирующей информации с учетом его положения в строке 482 модели реферата.

438 2.1.2.ПРОСОДИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

439 .О

440 .ударение

…

482 .тон

483 ..число тонов

…

487 ..регистровые признаки

…

490 ..контурные признаки

… и т.д.

Включение в указатель не только унифицированной терминологии, принятой в БД, но и новейших терминов, а также традиционно используемых авторами, представляющими различные лингвистические школы, должно стать его отличительной особенностью. Крайне важно при этом использовать определения, характеризующие уникальные явления, свойственные отдельным языкам, в том числе редким, исчезающим и мертвым.

В заключение хочется отметить, что анализ лингвистической терминологии в связи с разработкой синонимического терминологического указателя к лингвотипологической базе данных «Языки мира» ИЯз РАН позволяет обнаружить ряд новых тенденций в развитии терминообразования в английском и русском языках. Наблюдаются черты сход-

ства и различия в частотности и продуктивности словообразовательных моделей в новейших научно-технических и гуманитарных областях знания. Некоторые из них были рассмотрены в предыдущих публикациях [3], но на данном этапе интересным представляется подтвердить наблюдения с помощью эксперимента на более репрезентативном сопоставительном материале — расширенном корпусе текстов по ряду естественнонаучных и гуманитарных специальностей. Результаты такого исследования могут найти практическое применение при обучении технике перевода научных текстов и развитии навыков устной речи на английском языке. Включение в указатель сведений о происхождении и истории терминов позволит расширить дидактические возможности указателя и базы данных в целом.

Список сокращений

АРНТС — Англо-русский научно-технический словарь (The English-Russian Scientific Dictionary): около 140 тыс. статей. 7-е изд., испр. и доп. © ABBYY Ltd, Масловский Е. К., 2008.

НАРБС — Новый англо-русский биологический словарь. © «РУССО», 2003, Чибисова О. И., Смирнов Н. Н. и др.

НАРСР — Новый англо-русский словарь по радиоэлектронике. © «Руссо», 2005, Лисовский Ф. В.

СЛЭТ — Словарь американской лингвистической терминологии / Э. Хэмп; пер. и доп. В. В. Иванова; под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1964.

ABBYY — ABBYY Linguo.Pro // http://lingvopro.abbyyonline.com.

Biology (Ru-En) (к версии ABBYY Lingvo x3)

CED — Collins English Dictionary // http://www. collinsdictionary.com.

EOLD — English Oxford Live Dictionaries // https://en.oxforddictionaries.com.

LU — LingvoUniversal (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x3) Англо-русский словарь общей лексики. © ABBYY, 2008.

LS — LingvoScience (Ru-En) (к версии ABBYY Lingvo x3)

LSD — LingvoScience (En-Ru) (к версии ABBYY Lingvo x3) Англо-русский научно-технический словарь (The English-Russian Scientific Dictionary): около 140 тыс. статей. 7-е изд., испр. и доп. © ABBYY Ltd, Масловский Е. К., 2008.

MD — Macmillan Dictionary // http://www.macmillandictionary.com.

MW — Merriam Webster. Explanatory English dictionary Merriam Webster. 2012.

OAD — OxfordAmericanDictionary (En-En) (к версии ABBYY Lingvo x3) New Oxford American Dictionary, 2nd Edition. © 2005 by Oxford University Press.

OALD — Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, 7th ed. Oxford, New York etc.: Oxford University Press, 2005.

OCDEE — Oxford Concise Dictionary of English Etymology. OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2003.

ODE — Oxford Dictionary of English, Revised Edition. © Oxford University Press, 2005

ODE — OxfordDictionary (En-En) (для ABBYY Lingvo x3).

OLD — Oxford Live Dictionaries // https://en.oxforddictionaries.com.

OED — Duglas Harper. Online Etymology Dictionary 2011—2015 // http://ww w. etymonline.com.

WNIED — Webster's New International English Dictionary. Webster, 2012.

DURH — Dictionary.com. Dictionary.com Unabridged. Random House, Inc. // http:// www. dictionary.com/browse/penultima.

Литература

1. Журинская М. А., Новиков А. И., Ярославцева Е. И. Энциклопедическое описание языков мира (теоретические и прикладные аспекты). М., 1986.

2. Зотова А. К. «Лингвотипологическая база данных «Языки мира»: Диахронные изменения в семьях и группах языков (Славянские языки)». 2012 г. // http://www.iling-ran.ru/zotova/2011_report.pdf.

3. Зотова А. К. Специализированные электронные ресурсы: терминосистема базы данных «Языки мира» и проблемы разработки русско-английского синонимического терминологического указателя // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 9, 2017 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/7.pdf. С. 180—191.

4. Ярославцева Е. И. База данных «Языки мира» как инструмент лингвистического исследования // Вопросы языкознания. М., 2003. № 3. (в соавт. с В. А. Виноградовым и А. И. Новиковым).

5. Canepari L. A Handbook of Pronunciation: Lincom Europa, 2005.

6. Canepari L. Natural Phonetics and Tonetics. München: Lincom Europa, 2007.

Е. Р. Иоанесян (Институт языкознания РАН)

E. R. Ioanesyan (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Вера, знание, бесстрашие — неверие, незнание, страх[1]

Faith, knowledge, fearlessness — unbelief, lack of knowledge, fear

Аннотация

В статье на материале нескольких языков рассматривается вопрос о соотношении концептов веры и страха. Исследование опирается на большой корпус толковых и этимологических словарей. Полученные результаты могут представлять интерес для воссоздания определенных фрагментов языковой картины мира.

Covering the material of several languages, the paper considers the problem of relationship between the notions “faith” and “fear”. The study is based on a large corpus of explanatory and etymological dictionaries. The data received may be of interest for the reconstruction of concrete fragments of the language picture of the world

Ключевые слова

Семантические переходы, языковая картина мира, семантическая типология, внутренняя форма слов, полисемия, фразеология

Semantic shifts, language picture of the world, semantic typology, inner form of words, polysemy, phraseology

I. Целью нашей работы является анализ соотношения концептов веры и страха в языке. Отдавая себе отчет в глубине и серьезности философской и богословской сторон этой проблемы, мы затронем только те аспекты, которые релевантны для нашего сугубо лингвистического исследования.

[1] Данная статья развивает идеи, изложенные в нашей работе [12], опубликованной в коллективной монографии «Понятие веры в разных языках и культурах», изданной по материалам конференции с тем же названием.

Традиционно различается два вида страха. Первый страх — страх Божий, продиктованный любовью к Богу, желанием выполнить Его волю, избежать неправильных действий. При этом страх Божий бывает «первоначальным» и «совершенным». Первоначальный страх испытывает тот, например, «кто исполняет волю Божию по страху мук, тот еще новоначальный, ибо он не делает добра для самого добра, но по страху наказания» (Преподобный Дорофей, авва Палестинский. Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка). Совершенным же страхом наполнена душа того, кто «исполняет волю Божию из любви к Богу, любя Его, собственно, для того, чтобы благоугодить Ему» (там же). «Бойся Бога из любви к Нему, а не по грозному имени» (Преп. Исаак Сирин «Благовест» 2013).

Второй страх — это «предвоображаемая беда; или, иначе, страх есть трепетное чувство сердца, тревожимое и сетующее от представления неведомых злоключений. Страх есть лишение твердой надежды» (Прп. Иоанн Лествичник. Лествица, 21.3.). Это — страх ««низшего и злого», который «лишь по темноте сознания может представляться страхом высшего» [4, 287], и «всюду и во всем духовной задачей человека остается победа над страхом, унижающим человека, неисчислимое количество насилий и жестокости в человеческой жизни есть порождение страха» [там же, с. 286]. Подобный страх несовместим с истинной верой: «Там, где есть страх, нет веры» [М. Ганди].

Отсутствие веры — страх, там, где есть вера, там нет страха: «Бог — спасение мое: уповаю на Него и не боюсь; ибо Господь — сила моя, и пение мое» (ВЗ, книга пророка Исаии, 12:2); «Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?» (НЗ, послание к Евреям, 13:6). Псалом 90 — одно из самых сильных проявлений веры и любви к Богу, что не оставляет места страху. О страхе как следствии недостатка веры говорит Христос ученикам Своим, испугавшимся бури: «что вы так боязливы, маловерные?» (Мф. 8: 26). «Не бойся, только веруй, и спасена будет» (Лк. 8: 50), с такими словами обратился Христос к начальнику синагоги Иаиру, когда тому сообщили о смерти его дочери. Для верующего человека, имеющего в себе страх Божий, страха нет: «Кто боится Господа, тот выше всякого страха, устранил от себя и далеко оставил за собою все ужасы

века сего. Далек он от всякой боязни, и никакой трепет не приблизится к нему, если боится он Бога и соблюдает все заповеди Его (прп. Ефрем Сирин, 34, 97). Труд 124. // Творения, Том 4»; «Кто боится Господа, тот подлинно вне всякого вражеского ухищрения, и избежал всех козней врага. В ком есть страх Божий, тот удобно спасается от умыслов злокозненного врага <Бога> одного нужно бояться, страшиться и трепетать, чтобы перед Его взором не сделать чего-либо преступного (свт. Иоанн Златоуст, 48, 668).

Итак, вера и страх как «предвоображаемая беда» в религиозном сознании несовместимы. Если ты веришь, то страха нет: «Бог мне прибежище и сила, скорый помощник в бедах, посему не убоюсь, хотя бы поколебалась земля, и горы двинулись в сердце морей [ВЗ, Псалтырь, 46: 1—2]; «Я не буду бояться зла, потому что Ты со мной, Господь, Твое Слово и Твой дух успокаивают меня» (ВЗ, Псалтырь, 22:4). **Вера и смелость, напротив, нераздельны**.

II. Таковы религиозные постулаты. Каково же соотношение понятий веры и страха в картине мира разных языков, т.е. отраженном в языке «определенном способе восприятия и организации (концептуализации) мира» [1, 350]?

Одним из признанных путей исследования языковой картины мира является изучение внутренней формы слова, поскольку «внутренняя форма указывает на способ построения концепта <…> В случае внутренней формы эпидигматического типа[2] эта связь осуществляется за счет действия силы притяжения между разными значениями многозначного слова (т.е. эпидигматических связей): концепт, сконструированный путем семантической деривации, хранит в себе следы этой конструкции. <…> Наличие между двумя концептами обусловленной таким образом близости является фактом картины мира данного языка» [9, 415—416]. «Источник семантического развития слова позволяет выявить некую связанную с ним общую абстрактную идею» [3, 843]. «Многие черты ЯКМ <…> можно выявить, изучая семантические переходы в языках мира. Такой подход удобен тем, что позволяет обнаружить и сопоставить различия в ЯКМ конкретных язы-

[2] «Внутренней формой эпидигматического типа обладают слова, имеющие прямое и «переносное» значение, при условии, что исходное значение у данного слова тоже актуально» [9, 49].

ков» [13, 19]. Поэтому мы в своей работе обратились к изучению семантической деривации слов, относящихся к лексическому полю веры и страха, использовав инвентарь семантических переходов. На основе анализа семантической деривации слов соответствующих классов в нескольких языках мы пришли к следующему выводу. В этих языках концепты веры и страха тоже противопоставлены и входят в разные логические цепочки.

При этом не только вера в Бога, но и вера в себя, в свои силы, вера, уверенность в определенном развитии событий противостоят страху. Идея нераздельности веры, уверенности в себе, с одной стороны, и смелости, решительности, с другой, лежит в основе семантической деривации ментальных предикатов.

III. ʻВера в себя, свои силы' — ʻсмелость'; ʻнеуверенность' — ʻстрах'

1. Немецкий глагол *trauen* имеет значение ʻверить, доверять (кому / чему-л.)' — людям, чьим-л. словам и т.п. Например: *Sie traute nämlich keinem mehr, weder ihren Sklaven noch ihren Verwandten* (Michael Ende. Momo (1973)). Она не доверяла никому: ни своим рабам, ни своим родственникам [НКРЯ].

С помощью этого глагола обозначается уверенность в себе, вера в себя, в свои силы:

(1) *по его серьезному, напряженному лицу видно было, что он* <u>*не верил в свои силы*</u> (А. П. Чехов. Дуэль (1891)). Seinem ernsthaften, angestrengten Gesicht sah man an, dass er <u>seinen Kräften nicht traute</u> [НКРЯ].

(2) *... и он стал бояться за каждое слово свое, за каждый жест, что было, конечно, стеснительно для человека, и без того* <u>*себе не доверявшего*</u> (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)). … und er fürchtete für jedes seiner Worte, für jede Gebärde, was für ihn, der <u>sich</u> auch ohnehin <u>nicht recht traute</u>, natürlich sehr lästig war [НКРЯ].

В прономинальной форме глагол имеет значение ʻосмеливаться, решаться': «осмеливаться; рисковать; решаться; ich traue mich nicht ins Haus — я боюсь (не рискую, не осмеливаюсь) войти в дом» [БНРС], «2. ⟨sich (nicht) trauen⟩ sich wagen, etw. zu tun» [DWDS]. Например:

(1) *Sie trauen sich nicht, auch nur die leiseste Bewegung zu machen* (Gustav Meyrink. Der Golem (1914)). Они не решаются сделать малейшее движение [НКРЯ].

(2) *Wer von euch traut sich, mit uns zusammen den Kampf gegen diese grauen Herren aufzunehmen?* (Michael Ende. Momo (1973)). У кого из вас хватит смелости вступить вместе с нами в борьбу против Серых господ? [НКРЯ].

2. Аналогичный переход демонстрирует глагол *sich getrauen*, у которого в словарях [БНРС] и [Allgemeines Lexikon] отмечаются значения: (а) ʻверить, доверять себе'; *ich getraue mich* (*mir*)*, damit fertig zu werden* — ʻя уверен, что справлюсь с этим' (≈ ʻя верю в свои силы — я справлюсь'); (б) ʻосмеливаться, решаться'; — *ich getraue mich nie hinein* — ʻя ни за что не осмелюсь туда войти'. Приведем два примера из художественной литературы:

(1) *Denn in einen Raum, in dem Gregor ganz allein die leeren Wände beherrschte, würde wohl kein Mensch außer Grete jemals einzutreten sich getrauen* (Franz Kafka. Die Verwandlung (1912)). Ведь в помещение, где были бы только Грегор да голые стены, вряд ли осмелился бы кто-либо, кроме Греты, войти [НКРЯ].

(2) *Sie gewährte eine tröstliche Vorstellung davon, wie stattlich dünne Fräuleins mit der Zeit bei guter Nahrung werden können; denn sie gab sich als die Frau Mutter der bewußten Cornelia zu erkennen, welche sich nicht getraue, schon wieder den Herrn Nachbar mit einer Unbequemlichkeit zu belästigen* (Gottfried Keller. Der grüne Heinrich (zweite Fassung) (1879—1880). Ее особа была живым и утешительным свидетельством того, чем понемногу могут сделаться статные девушки при хорошем питании. Ибо она отрекомендовалась матерью упомянутой Корнелии, которая не решается снова беспокоить просьбой уважаемого соседа [НКРЯ].

Надо заметить, что немецкие толковые словари фиксируют только значение ʻосмеливаться, отваживаться; иметь мужество, чтобы сделать что-л.': «etw. wagen. *er getraute sich nicht, es ihr zu sagen*» [DWDS], «Mut besitzen, etwas zu tun» [Duden].

3. У латинского глагола *fidĕre* отмечалось несколько значений, в частности:

(а) ʻдоверять кому-л., чему-л., рассчитывать, полагаться на кого-л., что-л.ʼ, [«se fier, se confier, avoir confiance [en, dans], compter sur. — *alicui, alicui rei fidens*: comptant sur qq, sur qqch. — *prudentiā fidens*, Cic. Off. 1, 81: comptant sur sa sagesse. — *aliquo, aliqua re fidere* : compter sur qqn, sur qqch. *Mario parum fidere*, Sall. J. 112, 2: ne pas avoir confiance en Marius» [JWH];

(б) ʻверить (в религиозном значении)ʼ: «avoir foi.— *fide in Deum*, Inscr.: aie foi en Dieu» [JWH];

(в) глагол выступал как путативный предикат, в значении ≈ ʻбыть уверенным в чем-л.ʼ: «croire avec confiance. — *fidere* + prop. inf.: croire avec confiance que. — Cic. Ac. 2, 43; Liv. 5, 26, 5; Hor. Ep. 1, 19, 44» [JWH], «*fisus cuncta sibi cessura pericula* Lcn будучи уверен, что все опасности исчезнут перед ним» [ЛРС].

Кроме того, мы нашли значение ʻосмеливаться, отваживаться': «se croire capable, oser <…> *fidit pugnam committere* Virg. il ose combattre» [DLFQ], ʻсчитать себя способным, осмеливаться'. В указанном толковании существенно, что проявление смелости связывается с чувством уверенности человека в себе (а не с верой в Бога или уверенностью в осуществлении какой-л. ситуации, что теоретически тоже могло бы иметь место).

Показательно, что другие словари, фиксируя многозначность *fidens* («confiant, courageux, hardi» [NDL]), призводного от *fidere*, тоже отмечают причинно-следственную цепочку ʻуверенность в себе' → ʻсмелость': «(propr., qui a confiance en soi-même, de là) courageux, intrépide, résolu, audacieux» [GDL], (≈ ʻсобственно говоря, тот, кто уверен в себе, отсюда ʻсмелый, решительный' и т.п.'); «(lit., trusting to one's self, self-confident; hence), confident, courageous, bold» [LSL].

Полисемия ʻуверенность в себе, смелость' отмечалась и у образованных от *fidens* существительного *fidentia* и наречия *fīdentĕr*. *Fidentia*: «уверенность в себе, *тж.* смелость, мужество, отвага» [ЛРС], «confiance en soi-même, assurance, courage, hardiesse, audace» [GDL]. *Fidenter*: «с полной уверенностью, смело, отважно» [ЛРС], «avec assurance, avec audace» [JWH].

Указанная полисемия представлена также в словах *confidentia*, *confīdens*, образованных от глагола с*onfidĕre*, и у наречия *confidenter*. *Confidĕre*: «твёрдо надеяться, полагаться» [ЛРС], «avoir confiance en, se fier à, compter sur; avoir confiance. — *confidere sibi*, Cic.: compter sur soi-même; — *confidere* + prop. inf.: se croire sûr que, avoir la certitude que» [JWH]. *Confidentia*: «уверенность в себе, отвага» [ЛРС]. *Confīdens*: «уверенный в себе, смелый, отважный» [ЛРС], «1. qui se fie en lui-même. 2. confiant, assuré, hardi, résolu, courageux» [JWH]. *Confidenter*: «смело, уверенно, отважно» [ЛРС].

4. Итальянский глагол *fidarsi* (от лат. *fidere*) имеет значение ʻрешаться, отваживаться' [БИРС], «(avere il coraggio) oser: *non mi fido a uscire di notte*: je n'ose pas sortir la nuit» [GDH]. Показательно, что словарь [VT] эксплицирует связь между уверенностью человека в том, что он способен что-л. сделать, и смелостью: «*Fidarsi di* (o *a*) *dire*, *fare*, ecc., avere il coraggio, la sicurezza di poter dire, fare, ecc.: *non mi fido a passare il fiume a nuoto*».

NB: Вообще говоря, уверенность в себе может иметь следствием не только смелость и отвагу, но и наглость, излишнюю самоуверенность, дерзость. В языке это находит отражение в полисемии ʻуверенность' — ʻдерзость / наглость'. См., например, рассмотренные выше латинские *confidentia*, *confīdens* и *confidenter*. Так, второе значение прилагательного *confīdens* — «самонадеянный, дерзкий, наглый (parasitus Ter; mendacium Ap)» [ЛРС]. Приведем также толкование этого прилагательного в [GDL]: «(propr., fermement confiant en qqche, de là avec un rapport exclusif à soi-même) qui est plein de confiance en soi, en bonne et (plus fréq.) en mauvaise part. a) en bonne part, hardi, courageux, résolu; b) en mauvaise part, impudent, audacieux, effronté».

5. Мы предполагаем, что и в основе значения ʻосмеливаться, отваживаться (на что-либо)' [ИСРС] у испанского глагола *atreverse* (от лат. *tribuere* ʻatribuir' ≈ ʻприписывать') и значения ʻсмелый' у прилагательного *atrevido* лежит смысл ʻуверенность в себе, в своих возможностях'. См., например, толкования в испанских словарях: «Del latín *tribuere sibi* (atribuirse la capacidad de hacer algo)» [DCD], ʻОт лат. *tribuere sibi* (приписывать себе способность сделать что-л.)', «El r. ATREVER-SE corresponde al

lat. *attribuire sibi*, arrogarse, atribuirse alguna jurisdiccion, facultad, etc.» [DFCL]. Возможно, однако, что имел место другой семантический переход: ʻбрать что-л. на себя’ — ‘осмеливаться’ (см. [11]).

6. Одним из значений латинского глагола *committere* было значение ʻдоверить что-либо кому-л.; поручить что-л. кому-л.’ [ЛРС; LSL и др.]: «Поручать, вверять (*alicui salutem suam QC*; *rem difficilem C*); *nihil his committendum existimavit Cs* (Цезарь) решил, что на них ни в чём положиться нельзя; *c. alicui portam V* доверить кому-л. (возложить на кого-л.) охрану дверей» [ЛРС]; «Confier. *Salutem suam Gallorum equitatui committere non audebat*, Cæs. BG. 1, 42, 5: il n’osait pas confier sa sécurité à la cavalerie gauloise» [JWH]. В прономинальной форме [ʻдовериться себе, положиться на себя’] этот глагол использовался в значении ʻотваживаться, осмеливаться’: «Risquer, hasarder» [DLFG]; «отваживаться, осмеливаться, решаться идти (*in aciem L*; *in senatum C*): *se publico non c. Su* не отваживаться показаться на людях» [ЛРС]; «*se publico* ~, to venture into the streets, Suet. Ner. 26» [LSL]; «*se committere in aciem*, Liv. 23, 11, 10: se hasarder dans la bataille» [JWH].

В то время как уверенность в себе ассоциируется со смелостью, неуверенность рождает страх. См., например, латинский глагол *diffidĕre* (от глагола *fidĕre*, см. выше) ʻне доверять, не верить’ [ЛРС], «*diffidere sibi*, Cic. Clu. 63 : ne pas compter sur soi» [JWH], ʻне верить в свои силы, не рассчитывать на свои силы’. Наречие *diffidenter* имело значение ʻнедоверчиво’ и ʻнеуверенно, боязливо’ [ЛРС], «avec timidité, avec défiance» [DLFG; JWH; GDL и др.].

Аналогичный пример представлен английским прилагательным *diffident*, восходящим к латинскому *diffidere*[3], которое употребляется в значениях ʻзастенчивый, робкий, несмелый, нерешительный’. При этом в качестве причины застенчивости или робости выступает неуверенность в себе, в своих силах или способностях [APCC]. См. также толкования этого прилагательного в других словарях: «Modest or shy because of a lack of self-confidence» [OD]; «lacking self-confidence; timid; shy» [CED].

IV. ʻУверенность, что имеет место Pʼ — ʻСмелость’

[3] [OED]: «Mid-15c., from Latin *diffidentem* (nominative diffidens), present participle of *diffidere*».

Уверенности в определенном развитии событий сопутствует решительность и смелость.

1. Латинский глагол *praesumere* в одном из своих употреблений являлся путативным предикатом, означавшим, как представляется, уверенность в том, что имеет место / будет иметь место определенная ситуация действительности. См., например, следующие толкования: «*To presume*, *take for granted*, *suppose*, *believe*, *assume*» [LSL] (разрядка наша — Е. И.), «*praesumptum habere* — admettre une hypothèse, tenir pour certain» [NDL] (разрядка наша — Е. И.).

У глагола отмечалось также значение ≈ ‘быть слишком самонадеянным, самоуверенным’: «trop présumer de[4]» [DLFG], ‘слишком надеяться на что-л.’, которое унаследовало прилагательное *praesumptiosus* ‘самонадеянный’ [ЛРС; JWH и др.]. От значения — ‘твердая уверенность в чем-л.’, как представляется, имел место переход к значению ‘осме́ливаться, отваживаться’: «avoir l’audace de» [DLFG]; «oser, avoir de la hardiesse. — *transire præsumpserant*, Sex. Ruf. Brev. 7: ils avaient eu l’audace de passer. — *illicita præsumens*, Sulp. Sev. Hist. Sacr. 1, 47: osant faire une chose interdite» [JWH].

2. Значение английского глагола *to presume* («полагать; считать доказанным» [НБАРС]), восходящего к лат. *praesumere*[5], в толковых словарях определяется следующим образом: «to take as a matter of fact without questioning or without proof; take for granted» [WED], «To take (something) as true or as a fact without direct proof but with some feeling of being certain» [LD], «to expect or assume especially with confidence» [MWD], «To take for granted that something is true or factual» [AHD]. Из этих толкований — «to take as a matter of fact», «take for granted», «with some feeling of being certain», «with confidence» — следует, что данный глагол обозначает уверенное мнение о чем-либо. Это, на наш взгляд,

---

[4] *Présumer de*: «compter trop sur. *«Il n’est jamais trop tard pour apprendre* [...] *à moins présumer de soi»* (Rousseau) *Il a trop présumé de ses forces*» [PR]; *Tu as trop présumé de tes moyens* (Sand, George / Consuelo. Tome III). Слишком ты понадеялась на свои силы [https://www.lingvolive.com].

[5] [OED]: «Presume: late 14c., “to take upon oneself, to take liberty”, also “to take for granted, presuppose”, especially overconfidently, from Old French presumer (12c.) and directly from Latin praesumere “anticipate”» (разрядка наша — Е. И.).

определило появление у глагола значения ‘осмеливаться, брать на себя смелость’ [НБАРС], «to undertake with unwarrantable boldness» [RHU], «to venture, dare (to do something)» [OUD]. Приведем примеры из художественной литературы:

(1) … *nor did Pnin, as a teacher, ever presume to approach the lofty halls of modern scientific linguistics* (Vladimir Nabokov. Pnin (1957)). … еще менее мог Пнин как преподаватель дерзать приблизиться к высоким залам новейшей ученой лингвистики [НКРЯ].

(2) … *reminded him that he was nothing more than his paid servant, and that he must not presume to dictate to him*. [Arthur Conan Doyle. A Study in Scarlet (1887)). … и заявил, что Стэнджерсон, мол, всего лишь наемный слуга и не смеет ему указывать [НКРЯ].

3. Обратный семантический переход — от отсутствия страха, как проявления душевного покоя, к уверенности — представлен во французском прилагательном *sûr*, от латинского *securus*. Латинское прилагательное обладало следующими, релевантными для нашего исследования значениями:

(а) ‘спокойный’ [ЛРС], в частности, ‘не испытывающий страха’: «exempt de soucis, exempt de crainte, tranquille. — *securus proficiscitur*, Cic. Flac. 46: il part sans inquiétude» [JWH], «*non securus ne* subj. Liv. *39*, *16*, *6*, craignant que <…> *vota secura repulsae* Ov. M. *12*, *199*, voeux qui ne craignent pas un refus» [DLFG];

(б) ‘безопасный, ограждённый от опасностей’[6]: «exempt de danger, où l’on n’a rien à craindre, sûr, en sécurité. — *locus securus*, Liv. 39, 1, 6: lieu sûr. — domus secura, Plin. Pan. 62, 7: maison où l’on est en sûreté» [JWH].

Аналогичная полисемия представлена в латинском существительном *securitas* (от *securus*): «1. tranquillité de l’âme. — *securitas mortis*, Plin. 7, 184: quiétude devant la mort. 3 — sûreté, sécurité. — *securitas itinĕrum*, Plin. 28, 21: la sécurité des voyages, sûreté des routes» [JWH].

Французское прилагательное *sûr* развило новое значение — ‘твердая уверенность в чем-либо’: «Qui envisage les évènements avec une confiance tranquille, sereine; qui tient

[6] А там, где безопасно, там нет страха — Е. И.

pour assuré un évènement. *Être sûr du résultat, du succès* <…> Qui sait avec certitude <…> *Je crois, je suis sûr que beaucoup d'hommes n'engagent jamais leur être* (Bernanos)» [PR].

V. 'Вера / уверенность' — 'знание'

Вера во что-л., уверенность в чем-л., в отличие от страха, одним из самых сильных активаторов которого является неизвестность, незнание (см. подробнее ниже), в определенном отношении сопоставима со знанием: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» [Новый Завет, Послание к Евреям святого апостола Павла, 11].

Как отмечает Ю. Д. Апресян, «есть случаи, когда знание и вера сближаются» [1, 412], хотя они различаются очень важным свойством: «Вера не предполагает никакого внешнего источника истинной информации. Это ментальное состояние человека, мотивированное не столько фактами, сколько имеющейся в его сознании цельной картины мира, в которой предмет его веры просто не может не существовать» [там же]. Кроме того, «субъект знания пассивен, знание не зависит от воли, субъект веры активен, вера является результатом свободного выбора» [7, 403].

1. Отражение связи веры, уверенности и знания мы видим, например, в функционировании русского глагола *знать*, «когда его значение оказывается смещенным в сторону понимания, уверенности, веры, <…> и когда, следовательно, *знать* входит в синонимические отношения с соответствующими глаголами. <…> УВЕРЕННОСТЬ: (в контексте высказываний о конкретных будущих событиях, планируемых или предвидимых): <…> *Он знал, что солдаты беззаветно верят ему, знал, что они выполнят любой его приказ* (Б. Полевой). ВЕРА, УБЕЖДЕНИЕ (в контексте высказываний о будущих событиях или общих суждений об устройстве мира): *Она знала одно — что ему ничего не стоит обречь ее на нищету* (И. Бунин)» [1, 417—419].

2. Еще один пример: — глагол *вѣдѣти*: *Церк.* вѣдать, знать [СЛЦСЯ] и прилагательное *извѣстный*, имевшее значения 'знаемый, ведомый' и 'уверенный': «церк. Увѣренный. *Извѣстенъ бывъ, яко, еже обѣща, силенъ есть и сотворити* (Римл. IV. 21.3)» [СЛЦСЯ]. И будучи вполне уверен, что Он силен и исполнит обещанное. Приве-

дем толкование этих строк святителем Феофаном Затворником: «Известен быв, πληροφορηθείς, — нося или держа убеждение, убежден будучи. Непоколебимое убеждение есть существо веры». В значении ‘уверенный’ мы видим прилагательное *извѣстный* во Втором послании святого Апостола Павла к святому Тимофею: воспомина́ніе прі́емля w су́щей въ тебѣ̀ нелицемѣ́рнѣй вѣ́рѣ, я́же всели́ся пре́жде въ ба́бу твою̀ лwі́ду и въ ма́терь твою̀ єѵнікі́ю: извѣ́стенъ же є́смь, я́кw и въ тебѐ [Библия. 2 Тимофею][7]. См. толкование приведенного отрывка у блаженного Феофилакта Болгарского: «Так как доблести предков, если и мы таковы, прославляют нас; если же нет, служат скорее к нашему осуждению. Поэтому апостол говорит: я убежден в том, что вера предков твоих есть и в тебе. Итак, ты имеешь веру нелицемерную, еще от предков утвержденную и не могущую колебаться».

3. Смысл ‘уверенность’ содержал и глагол *извѣщеватися*: «Удостоверяться, становиться уверенным. *Было сомнѣние о нихъ, яко добро ли содѣлаша… но извѣщевахуся в душахъ вси, яко добро, понеже всечинно и подобно*. Евфр. Отразит. пис., 109. 1691» [СРЯ 6].

Таким образом, семантическое развитие рассмотренных выше слов позволяет, как представляется, выявить общий источник их развития — идею нераздельности веры / уверенности, знания и бесстрашия.

VI. Для неверующего человека одной из составляющих картины мира является представление о мире, полном опасностей, о будущем, таящем в себе угрозу, о страхе перед неизвестностью, смертью, темнотой и т.д. — веры нет, или она недостаточно сильная: «Страх неразрывно связан с временем, с тем, что будет будущее, что есть угроза от изменения во времени» [4, 286]», «Боязливость есть уклонение от веры, в ожидании нечаянных бед» [Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица или скрижали духовные: Слово 21 О малодушной боязливости, или страховании].

---

[7] Воспоминание приемля о сущей в тебе нелицемерней вере, яже вселися прежде в бабу твою Лоиду и в матерь твою Евникию: известен же есмь, яко и в тебе [Гл.1 стих 5]. «Приемля на память нелицемерную веру твою, которая прежде обитала в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике; уверен, что она и в тебе».

1. ‘Неизвестность’ — ‘страх’

Неизвестность — один из самых сильных активаторов страха, «Fear is the lengthened shadow of ignorance» [Arnold Glasow]. И, как показывает изучение языковых фактов, в частности, игноративных предикатов в аргументативном дискурсе, незнание о реальном положении дел склоняет человека к выводу о негативном сценарии развития событий. Так, в контексте частного косвенного вопроса фразы типа *Неизвестно, когда P* направлены на вывод ‘P может произойти не скоро’, *Неизвестно, сколько стоит P* ориентируют на вывод ‘P может быть дорогим’, *Неизвестно, какой P* — на вывод ‘P может быть плохим’ и т.п. В общем случае, можно, по-видимому, говорить, что подобные фразы ориентируют на вывод о возможности «плохого» исхода для заинтересованного лица (см. [10]). А представление о возможности «плохого исхода» — прямой путь к страху[8].

Связь страха и незнания находит отражение в семантике предикатных единиц разных языков. См., например, определение глаголов синонимического ряда *беспокоиться*, *тревожиться*, *волноваться* у Ю. Д. Апресяна [2, 7]: «Испытывать неприятное чувство, какое обычно бывает, когда человеку неизвестно что-то важное о ситуации, которая его касается, и когда он опасается, что ситуация изменилась или может измениться к худшему»[9].

Приведем примеры другого рода.

1. Основное значение латинского глагола *metuere* — ‘бояться’. В частности, значение латинского глагола соответствует русскому *бояться 2* (в классификации Анны А. Зализняк [9, 353]): «*metuo ne veniat*: je crains qu’il ne vienne. *Cic. Tusc. 1, 106; Plaut. Cas. 306.*» [JWH]. Но, в отличие от русского предиката, латинский глагол мог управлять не только пропозициональным дополнением, но и косвенным вопросом. Например: (a) *Met-*

[8] Здесь уместно, вслед за Анной А. Зализняк, процитировать Спинозу: «если мы полагаем, что могущая наступить вещь дурна, то возникает форма души, которую мы называем страхом» (цит. по [9, 534]).

[9] Разрядка наша — ЕИ.

uo quid agam, я колеблюсь (не знаю), что мне делать [ЛРС]; «je m'inquiète de ce que je dois faire» [JWH]. (б) «*Metuo quid sit*: Terent. Je ne scay que ce peult estre» [EDL].

Можно предположить, что в контексте косвенного вопроса глагол *metuere* сочетал смыслы 'страх' и 'незнание' приблизительно так же, как русские *беспокоиться 1*, *тревожиться*, *волноваться 1*, которые мы упомянули выше: *metuo quid sit* ≈ 'мне неизвестно, что это, и это вызывает у меня страх'. Ср., например, толкование фразы *metuo, quid agam* в [ALD], которое одновременно содержит указание и на страх («mir ist bange»), и на незнание («ich weiß nicht»): «*metuo, quid agam* — mir ist bange (= ich weiß nicht), was ich machen soll». Таким образом, здесь имеет место «сплав» страха и незнания: незнание рождает страх[10].

2. Латинский глагол *timere* (как и глагол *metuere*), управляющий пропозициональным дополнением, использовался в значении, соответствующем русскому *бояться 2*: «*timeo, ne sustineas C*: боюсь, что ты не выдержишь» [ЛРС]; «*rem frumentariam, ut satis commode supportari posset, timere*, Caes. G. 1, 39, 6, craindre que le blé ne fût pas bien facile à transporter» [DLFG].

Этот глагол так же, как *metuere*, мог вводить частный косвенный вопрос, и в этом случае значение глагола тоже содержало семы 'страх' и 'незнание': (а) «*Haec quo sint eruptura timeo.* Cic. Att. 2, 20, 5: je me demande avec crainte ce qu'il en sortira» [JWH] ('я со страхом спрашиваю себя, что из этого получится'); (б) «*misera timeo, quid hoc sit negotii.* Plaut. Poen. 1249: malheureuse, je me demande avec crainte de quoi il s'agit.» [JWH]; (в) «*Timeo quidnam eloqui possim*, Cic. Caecil. 42: je me demande avec inquiétude ce que je puis dire» [DLFG]; в [ЛРС] указанная фраза переводится как «недоумеваю (= право, не знаю), что мне сказать».

2. 'Сомнение' — 'страх'

---

[10] При присоединении отрицания к глаголу *metuere* в указанном значении конструкция «*non metuo* + пропозиция P» означает просто уверенное знание, что пропозиция P истинна: «*Non metuo quin meae uxori latae suppetiae sint.* Plautus. Je *scay certainement que*, etc.» [EDL].

Сомнение является антиподом уверенности[11] и содержит в себе элемент ‘незнание’. *Я сомневаюсь, что P* ≈ ‘Я считаю, что возможно не P’. А незнание того, имеет ли место некоторая ситуация P или нет, как отмечается в работах по аргументации, ориентировано на вывод «P не имеет места». Фактически, произнося слова типа *Я сомневаюсь, что Петя придет*, говорящий высказывает мнение, что Петя не придет. А поскольку подчиненная пропозиция при глаголе *сомневаться* оценивается положительно[12], то, соответственно, ситуация ‘Петя не придет’ получает негативную оценку. Иными словами, и незнание, и сомнение могут ассоциироваться с неблагоприятными ситуациями, а, следовательно, со страхом. Этим объясняются, на наш взгляд, семантические переходы ‘сомнение’ — ‘страх’.

1. Французский глагол *douter*, восходящий к латинскому глаголу *dubitare* ‘сомневаться; не решаться, колебаться’, в старофранцузский период имел значение ‘бояться’ (затем он это значение утратил), а прилагательное *douteux* — значение ‘боязливый, робкий’ (средние века), тоже впоследствии утраченное [PR; BW].

Отметим, что английский глагол *to doubt* (от ст.фр. глагола *doter*) тоже имел значение ‘бояться’: «To dread, fear, be afraid ME» [OUD], «Early 13c., “to dread, fear”, from Old French doter “doubt, be doubtful; be afraid”» [OED]. В настоящее время оно сохранилось только в устной речи и в диалектах [НБАРС].

2. Полисемия ‘сомнение’ — ‘страх’ отмечается у и у итальянского глагола *dubitare* (от лат. *dubitare*): «dal lat. dubitare] 1. a. Essere in dubbio, avere dubbî intorno a qualche [...] spirito (T. Tasso). <…> *dubito molto che abbia intenzione di mantenere l’impegno* (сдержит обещание) (Leopardi). b. In qualche caso, temere che ..., ritenere che non ... (la differenza tra i due sign. è data in genere dal tono con cui si pronuncia la frase): *dubito che sia tardi*» [VT]; «1.

---

[11] Сомнение и уверенность как ментальные состояния имеют противоположные оценки: «<…> собственным признаком оценки обладают некоторые ментальные состояния; так, *уверенность* имеет признак «хорошо» (вообще говоря, независимо от оценки ситуации-объекта), а *сомнение* — «плохо»» [9, 513—514).

[12] О различиях оценок объекта внутреннего состояния — оценки, содержащейся в семантической структуре предиката внутреннего состояния, и оценки, входящей в семантику подчиненного ему актанта, см. в [9, 514].

Essere in dubbio, essere incerto: *dubito se accettare o no*; *d. dei fatti, della verità di un'affermazione.* 2. Temere, sospettare: *dubitava che lo tradissero*; *dubito che ormai sia troppo tardi*» [GDH]. Приведем пример из художественной литературы: *La palla gli era passata poco lontano. — Scendi! — gridò l'ufficiale, imperioso e irritato. — Scendo subito, — rispose il ragazzo. — Ma l'albero mi ripara, non dubiti* (Edmondo De Amicis. Cuore (1886)). Пуля действительно пролетела совсем близко от него. — Вниз! — отрывисто и сердито крикнул командир. — Сейчас, — отвечал мальчик. — Дерево закрывает меня, не бойтесь. [НКРЯ].

3. Глагол *dottare*, восходящий к лат. *dubitare*, объединил в своем значении страх и сомнение, см. толкование этого глагола в [VT]: «Dubitare, esitare per timore; temere: *fu molto dottato e temuto nel paese*» [VT]; «Dubitare con sospètto pauroso» [NDU]; «Dubitare, esitare per paura, per timore» [GDH]. А у существительного *dotta*, образованного от указанного глагола, фиксировалось уже только значение 'страх': «[der. di *dottare*], ant. — Paura, sgomento: *Tanta fu la viltà*, *tanta la dotta* (Ariosto)» [VT]; «(ant.) paura*: tant'era pien di dotta e di terrore* / *che non sapea più star né mover passi* (LEOPARDI. Appressamento della morte)» [Sapere]; «Paura» [GDH].

4. У испанского глагола *dudar* в словарях отмечены значения 'сомнение' и 'страх' (см., например, [ИСРС] или [DRAE]), однако в [ИСРС] значение 'страх' сопровождается пометой «уст», в [DRAE] — пометой «Ant.». У португальского глагола *duvidar* фиксируется аналогичная полисемия 'сомнение' — 'страх': «1. Ter (alguma coisa) em dúvida. 2. Não estar convencido de. 3. Estar em dúvida. 4. Temer, recear. 5. Desconfiar, nutrir suspeitas» [DA].

3. 'Сомнение' — 'опасность'

Косвенным свидетельством связи сомнения и страха является то, что в некоторых лексемах значение 'сомнение' сочетается со значением 'опасность', 'опасный'.

1. Лат. прилагательное *dubius* имело значения: а) 'сомневающийся, нерешительный, колеблющийся' [ЛРС], «*dubius sum quid faciam* Hor. *S. 1*, *9,40*, j'hésite sur le parti à prendre» [DLFG]; б) 'критический; опасный': «mons ascensu d. *Prp* гора с опасным подъёмом (опасная для восхождения); *res dubiae* критические обстоятельства» [ЛРС], «*Dubius*

vitae, dont la vie est en péril, Ov. Trist. 3, 3, 25» [GDL], ‘чья жизнь находится в опасности’, «~ *vitae* en danger de mort» [WA].

Лат. *dubium* сочетало значения ‘сомнение’ и ‘опасность’: «*in dubium devocare Cs* подвергнуть опасности» [ЛРС], «dubium: 1. doute. — *res in dubium venire non potest*, Cic. Quinct. 67: la chose ne peut être mise en doute. — *sine dubio*, Cic. Cat. 2, 1, etc.: sans doute. 3. péril, situation critique. — *in dubio esse*, Sall. C. 52, 6: être en danger» [JWH].

2. Ит. *forse* (субстантивированное наречие *forse* ‘может быть, возможно’) в конструкциях с глаголами *essere* и *mettere* — *essere / mettere in forse* — имеет значения ‘сомнение’ и ‘риск, опасность’:

(а) ‘сомнение’: «*essere in forse*: esitare, essere in dubbio, indugiare, tentennare, titubare» [SCT]; «*mettere in f.*, mettere in dubbio: *metteresti in f. la mia parola*» [VT]; «*senza forse* ≈ certamente, con certezza, di certo, senza dubbio» [SCT];

(б) ‘опасность’: «*essere*, *mettere in f.*, in pericolo: *la sua vita è in f.*; *ha messo più volte in f. la propria vita*» [VT].

4. ‘Недоверие’ — ‘страх’, ‘подозрение — ‘страх’

Недоверие бывает двух типов. Оно может относиться к истинности, достоверности какой-либо информации: «Сомнение в правдивости, достоверности. *Слухи были встречены общим недоверием*» [УШ]. Оно может означать «подозрительное отношение к кому-л. или чему-л.» [УШ; ЕФР], подразумевать негативную оценку развития событий. Негативная оценка содержится и в подозрении[13]. Следовательно, и сомнение, и подозрение могут быть сопряжены с чувством страха.

1. Примером полисемии ‘недоверие’ — ‘страх’ является французский прономинальный глагол *se méfier*: «не доверя́ть; опаса́ться, остерега́ться» [ГТ]; «SE MÉFIER DE:

[13] См., например, о наличии отрицательной оценки в составе значения рус. глагола *подозревать* (*подозревать 1*) в [9, 577], а также толкование прилагательных НЕДОВЕРЧИВЫЙ 1,ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ 2.1., МНИТЕЛЬНЫЙ в [5, 220]: «такой, которому свойственно преувеличивать возможность плохих поступков со стороны других людей или возможность плохого развития событий».

ne pas se fier (à qqn); se tenir en garde (contre les intentions de qqn)» [PR]. Для иллюстрации значения ‘опасаться’ приведем несколько примеров из литературы:

(1) *Il s’était relevé avec lenteur, serrant les poings du Frère, se méfiant d’un mauvais coup* (Zola, Emile / La Faute de l’Abbe Mouret). И он медленно приподнялся, все еще крепко держа монаха за руки: он опасался с его стороны какого-нибудь нового подвоха [lingvolive.com].

(2) *Можете кушать легкий бульон, зелень; только берегитесь: теперь холера почти везде бродит, так надо осторожнее* (И. А. Гончаров. Обломов (1848—1859)). Vous pouvez manger du bouillon léger, des légumes. Mais méfiez-vous du choléra qui sévit partout aujourd'hui. Il faut faire très attention [НКРЯ].

(3) — *Смотри, Петр Павлович, Толбухин тебя съест, — и Гетманов показал на свои ручные часы* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3 (1960)). — Méfie-toi, dit Guetmanov en montrant sa montre, Tolboukhine va te bouffer tout cru [НКРЯ][14].

2. Французский прономинальный глагол *se défier* («de *fier*, d’apr. lat. *diffidere*» [PR], «*se défier de*, 1448, a été fait d’après le latin *diffidere*» [BW]) имеет значение ‘относи́ться с недове́рием к кому-л.’, ‘не доверять кому-л.’, в частности, ‘не верить в себя’: «*Se défier de soi-même*, *de ses forces*, *se défier de sa capacité*, Avoir peu de confiance en soi-même, en ses propres forces, en sa capacité» [AD 1935].

Кроме того, у него отмечается значение ‘опаса́ться; остерега́ться’ [ГТ]; «être, se mettre en garde contre. ⇒ se garder, se méfier» [PR]; «Prévoir, soupçonner quelque chose de fâcheux. *Défie-toi que le mauvais temps ne te surprenne en route*» [AD 1935]; «Défie-toi des souffles, défie-toi des rayons (HUGO, *Quatre-vingt-treize,* 1874, p. 246)» [TR]. Приведем один пример из романа В. Гюго: *Démolir peut être utile; mais je me défie d’une démolition compliquée de colère* (Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)). Разрушение может оказаться полезным, но я боюсь разрушения, когда оно сопровождается гневом [НКРЯ].

---

[14] *Смотри* ≈ ‘берегись’.

В толкованиях производного существительного *défiance* содержатся прямые указания на компонент ‘страх’ в его значении: «Sentiment d’une personne qui craint d’être trompée» [PR], «Crainte méfiante envers quelqu’un ou quelque chose dont on n’est pas sûr ou qui semble présenter un risque, un danger» [TR].

NB: Возможно значение ‘опаса́ться; остерега́ться’ у глагола *se défier* является результатом другого семантического перехода ‘неуверенность (в себе)’ — ‘страх’, см. выше.

3. Английское прилагательное *leery* сочетает в своем значении смыслы ‘недоверие / подозрение’ и ‘осторожность’: «suspicious or mistrustful; wary (usu. fol. by of). *I am leery of accepting favors from strangers*. Similar words: mistrustful, shy» [WED]; «Cautious or wary due to realistic suspicions» [OD]; «If you are leery of something, you are cautious and suspicious about it and try to avoid it» [CED].

4. Смысл ‘страх, опасение’ в неявном виде присутствует в значении русского прилагательного *подозрительный*: «подозрительный человек <…> склонен считать, что всякое внешнее благополучие обманчиво, во всем видеть признаки опасности, <…> подозрительный человек во всякой ситуации выискивает и находит неблагоприятные признаки, и заранее старается составить себе представление о возможной опасности для с е б я или д р у г и х людей, чтобы принять меры предосторожности [5, с.220].

Отметим, что Е. В. Урысон в словарной статье «СТРАХ 1, БОЯЗНЬ, ИСПУГ, УЖАС 1, ПАНИКА» [15, 412] в качестве аналогов заглавных слов приводит слово *подозрение*.

5. Испанский глагол *recelar* и существительное *recelo* полисемичны, сочетая значения ‘бояться’ и ‘не доверять’. Словарь [DPD] отмечает, что разным значениям глагола соответствуют разные модели управления. Так, в значении ‘бояться’ подчиненная пропозиция при глаголе выражается инфинитивом или конструкцией «que+Prop», а в значении ‘не доверять’ глагол является непереходным и требует предлога: «Se construye como transitivo cuando equivale a temer, en el sentido de ‘pensar que [algo malo] sucede, ha sucedido o sucederá’: «Acudió lo mejor de aquella colectividad enco-petada, que ahora recelaba perder su

influencia» (Faner Flor [Esp. 1986]). En cambio, es intransitivo y lleva un complemento introducido por de cuando equivale a desconfiar: «El público [...] recela de lo que se le muestra» (Miralles Motín [Esp. 2002])». Ниже приводится несколько примеров из литературы:

(1) *El ingeniero, recelando que su fechoría se descubriese, estando él presente, quiso marcharse, lo cual disgustó mucho a las Troyas* (Benito Pérez Galdós. Doña Perfecta (1876)). Пепе, опасаясь, как бы его преступление не раскрылось в его присутствии, собрался уходить, чем очень огорчил сестер [НКРЯ].

(2) *Moscú parte con ventaja, ya que más de la mitad de Ucrania, precisamente las regiones orientales, que son las más industriales, habla ruso y recela de Kiev* (Óscar Gantes. Ucrania, el dilema de Occidente [www.onemagazine.es] (2011.11.19)). Москва обладает преимуществом, поскольку больше половины населения Украины, а именно восточные районы, наиболее развитые в промышленном отношении, говорит по-русски и с недоверием относится к киевским властям [НКРЯ].

(3) *… y los pueblos que lloran de júbilo y entusiasmo al ver entrar en su recinto un batallón victorioso, gimen de espanto y tiemblan de recelo cuando ven libres y sueltos a los señores soldados* (Benito Pérez Galdós. Doña Perfecta (1876)). … и люди, которые плачут от радости и восторга при виде входящего в их город победоносного батальона, стонут от ужаса и дрожат от страха при виде того, как господа солдаты разгуливают на свободе [НКРЯ].

(4) *La gente debería recelar mucho de las promesas políticas*. Il convient d'être extrêmement méfiants vis-à-vis des promesses politiques. (Parlement européen) [http://context.reverso.net/traduction/espagnol-francais].

5. 'Темнота' — 'опасность' / 'страх'

Как считается в психологии, страх перед темнотой также является проявлением страха перед неизвестностью. В языке это находит отражение в семантических переходах 'темный' — 'неизвестный', 'темный' — 'опасный', 'темный' — 'подозрительный (вызывающий подозрения)', 'темный' — 'страх'. Например:

1. Английское прилагательное *murky* сочетает значения ʻтемный’ (*murky cave*)[15] и ʻподозрительный’: *murky past*; *he became involved in the murky world of international drug-dealing* [CAL].

Русское прилагательное *темный* имеет переносное значение ʻвызывающий недоверие; подозрительный, сомнительный’ [ЕФР][16].

2. Испанское существительное *sombra* имеет значения — ʻтемнота, мрак’ / ʻтень’[17], «Oscuridad, falta de luz, más o menos completa» [DRAE]. Слово *asombro* среди прочих имеет значение ʻиспуг, страх’ [ИСРС]; «m. Susto, espanto» [DLE; DRAE]. Глагол *asombrar*(*se*) используется в значении ʻпугать(ся), ужасать(ся)’ [ИСРС]; «Causar susto a alguien» [DRAE]; «Asustar, espantar» [DLE][18].

3. Одно из значений французского существительного *ombrage* — ʻопасение, беспокойство, страх’: «опасéние (*crainte*)» [ГТ]; «[Le suj. désigne un animal] *Prendre ombrage.* S’effaroucher, prendre peur. *Tel un coursier rétif qui soudain prend ombrage, Ta mémoire recule, ô spectre épouvanté* (MORÉAS, *Ériphyle,* 1894, p. 209)» [TR].

Указанный семантический переход в словарях объясняется следующим образом: «l’ombre excitant la défiance et l’inquiétude, particult. chez les chevaux» [EL; PR]. В современном языке слово *ombrage* имеет значение ʻтень’, но у него имелось также значение ʻтемнота, мрак’: «Obscurcissement, absence de lumière» [EL]. Нам представляется, что переход произошел от значения ʻтемнота’. В пользу нашего предположения свидетельствует тот факт, что [TR] в словарной статье прилагательного *ombrageux* указывает, что значение ʻпугливый (о лошади)’ и ʻподозрительный, недоверчивый (о человеке)’, производно от смысла ʻтемный’: «Dér. à l’aide du suff. *-eux* de l’anc. adj. *ombrage* att. du XIIe au XVIe

---

[15] [OED]: «Murky: 14c., from *murk* + *-y*»; «murk: c. 1300, myrke, from Old Norse myrkr “darkness”».

[16] Подозрительный: «Внушающий подозрения, опасения, недоверие» [УШ].

[17] Словарь [ИСРС] приводит также значение ʻсмутное беспокойство, нехорошие предчувствия ’, но в испанских толковых словарях мы это значение не встретили.

[18] У этого глагола также есть значение ʻудивлять, изумлять’ [ИСРС; DCD; DRAE и др.].

s. au sens de «sombre, obscur», «(d'une personne) sombre, mélancolique, soupçonneux», «(d'un cheval) facile à effaroucher»».

Другая точка зрения представлена, например, в словаре [EL], согласно которой левым термом семантического перехода является значение 'тень': «Il se dit, au propre, des chevaux, des mulets, etc. qui sont sujets à avoir peur quand ils voient leur ombre ou quelque objet qui les surprend. *On mène un coursier ombrageux à l'objet qui l'effraie, afin qu'il n'en soit plus effrayé* (J. J. ROUSS. Hél. IV, 14)».

6. 'Смерть' — 'страх'

Страх смерти, страх перед небытием, тоже есть проявление недостаточной веры, отхода от Бога. По данным ассоциативного эксперимента В. Е. Грековой [8], в числе самых частых реакций на стимул страх (и в русскоязычной, и в англоязычной аудитории) являются смерть и темнота. Примером семантического перехода 'смерть' — 'страх' является, на наш взгляд, слово *transe*, представленное во французском и португальском языках.

1. Французское существительное *transe* образовано от глагола *transir* 'умереть': ««mourir» v. 1140» [PR; TR]; «D'abord «passer de vie à trépas»» [BW]. Первоначально оно означало смерть и смертельную агонию: «Passage de la vie à la mort, état intermédiaire entre la vie et la mort, agonie» [DMF 2015]. В данном значении слово использовалось еще в 17 в.: «Dér. XIe s. au sens de 'trépas', encore usité au XVIIe s.» [BW]. С середины 15 в. за словом закрепился смысл 'сильный страх': «le sens moderne de 'crainte très grande' paraît être du XVe s.» [там же].

2. Значения 'агония' и 'страх, беспокойство' наличествуют и у португальского *transe*: «1. Grande apreensão de mal que se crê próximo. 2. Agonia» [DA]. В [INF] отмечены также значения 'смерть' и 'опасная ситуация, опасность': «2. situação perigosa ou difícil; crise; perigo; 3. morte».

VII. Заключение

Для религиозного сознания страх и вера несовместимы. Исследование семантической деривации слов соответствующих классов в нескольких языках дало нам основания

для следующего вывода. В этих языках концепты веры и страха тоже противопоставлены и образуют разные логические цепочки: вера — знание — бесстрашие W неверие — незнание — страх, и это является одним из фрагментов картины мира данных языков. См. цитату из работы Анны А. Зализняк: «Концепт, сконструированный путем семантической деривации, хранит в себе следы этой конструкции. Дело именно в этом: в том, что производное значение многозначного слова так или иначе остается связанным с исходным <…> Наличие между двумя концептами обусловленной таким образом близости является фактом картины мира данного языка» [9, 416].

В заключение отметим, что представление о непредсказуемости будущего, которое является «одной из ключевых для русской языковой картины мира идей» [9, 256], не связывается у нас со страхом: «будущее предвидеть нельзя; поэтому нельзя ни полностью застраховаться от неприятностей, ни исключить, что вопреки всякому вероятию произойдет что-то хорошее» [там же]. «Установка на беспечность, выраженная в слове *авось*, вытекает из того соображения, что, поскольку всего не предусмотришь, нет никакого смысла в том, чтобы защищаться от возможных неприятностей, лучше, не суетясь попусту, просто надеяться на благоприятный исход событий» [16, 290]. Вера в чудо, по мнению представителей культурной антропологии, одно из свойств русского характера [9, 256].

Список сокращений

АРСС — Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др.; Под рук. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна. М.: Рус. яз. 1979.

БИРС — Большой итальянско-русский словарь: Около 300000 слов и словосочетаний / Г. Ф. Зорько, Б. Н. Майзель, Н. А. Скворцова. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999.

БНРС — Большой немецко-русский словарь // Под рук. О. Москальской В 2 томах. М.: Русский язык, 1980.

ГТ — Французско-русский словарь активного типа / В. Г. Гак, Ж. Триомф, Г. Г. Соколова и др.: Под ред. В. Г. Гака и Ж. Триомфа. 2-е изд., испр. М., 1998.

ЕФР — Ефремова Т. Ф. «Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006.

ИСРС — Испанско-русский словарь / Н. В. Загорская, Н. Н. Курчаткина, Б. П. Нарумов и др. Под ред. Б. П. Нарумова. М.: Русский язык, 1988.

ЛРС — Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, перерработ. и доп. М., Русский язык, 1976.

НБАРС — Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др. Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1993—1994.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // http://www.ruscorpora.ru.

СЛЦСЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академией наук. В 4-х тт. СПб, 1847 //http://etymolog. ruslang.ru.

СРЯ 6 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. Главный редактор С. Г. Бархударов. М., Наука 1979 //:// http://etymolog.ruslang.ru.

УШ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова— М., Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940.

AD 1935 — Dictionnaire de l'Académie française. La 8e édition (1932-1935) // http://french_ academie. fracademic.com.

AHD — The American Heritage Dictionary of the English Language, 5th edition Copyright © 2013 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company // http://education.yahoo.com/reference/dictionary.

ALD — Karl Ernst Georges: Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Hannover 81913 (Nachdruck Darmstadt 1998), Band 1// http://www.zeno.org/Georges-1913.

BW — Bloch O., Wartburg W. Dictionnaire étymologique de la langue française. P.: Presses Universitaires de France. 7 ème édition, 1932.

CAL — Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press // http://dictionary.cambridge.org.

CED — Collins English Dictionary. Copyright © Harper Collins Publishers // http://www.collinsdictionary.com.

DA — Dicionário Aurélio (Dicionário da Língua Portuguesa, de Aurélio Buarque de Holanda Ferreira). Brasil. 2010 // http://dicionariodoaurelio.com.

DCD — Diccionario Clave: Diccionario de uso del español actual (con sinónimos y antónimos) 9th Edition. © Ediciones SM, 2012 // http://clave.smdiccionarios.com.

DFCL — Diccionario filológico-comparado de la lengua castellana par Matías Calandrelli (1880-1916). Tomo secundo. Buenos Aires, 1880.

DLE — Diccionario de la Lengua Española General Ilustrado Alkona, Innovación de Productos y Servicios SL, 1995 // http://www.diclib.com.

DLFG — Gaffiot F. Dictionnaire latin-français. P., 1934. //http://www.lexilogos.com.

DLFQ — Quicherat L., Daveluy A. Dictionnaire latin français. Revisée, corrigée et augmentée par Chatelain É. 46e édition. P., 1910 //(http://www.lexilogos.com.) [http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5833461r]

DMF 2015 — Dictionnaire du Moyen Français (1330-1500). Laboratoire ATILF du CNRS (“Analyse et Traitement Informatique de la Langue Française”) et de l'Université de Lorraine //http://www.atilf.fr/dmf.

DPD — Diccionario panhispánico de dudas. Real Academia Española. 2013 // http:// panhispanico.esacademic.com.

DRAE — Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Madrid, 2015 // http:// lema.rae.es/drae. или http://dle.rae.es

Duden — Wörterbuchzugang Duden online // http://www.duden.de/woerterbuch.

DWDS — Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts //https://www.dwds.de.

EDL — R. Estienne. Dictionarium latinogallicum. P., 1522 // http://ru.scribd.com.

EL — Littré E. Dictionnaire de la langue française (1872—77) // http://artflx.uchicago.edu.

GDH — Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. Copyright © Hoepli 2011// http://dizionari.repubblica.it.

GDL — Grand dictionnaire de la langue latine, sur un nouveau plan par le Dr Guill. Freund. Traduit en français, revu sur les textes et considérablement augmenté par N. Theil. Paris: Librairie de Firmin-Didot et Cie, 1929 // http://gallica.bnf.fr/ark.

INF— Infopedia. Dicionários Porto Editora // http://www.infopedia.pt/dicionarios /lingua-portuguesa.

JWH — Jeanneau G., Woitrain J.-P., Hassid J.-C. Dictionnaire Latin-Français // http://www. prima -elementa.fr.

LD — Longman Dictionary of Contemporary English. Словарь современного английского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1992.

LSL — Lewis & Short. A Latin Dictionary (1879) // http://short_latin_la_en. enacademic.com.

MWD — Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition //http://www.m.-w.com.

NDL — Nouveau dictionnaire latin-français par Edouard de Suckau. P., 1865 // https://books.google.fr/books.

NDU — Nòvo dizionàrio universale della lingua italiana complato da P. Petrocchi. Volume I. Milano, 1912 // https://archive.org/stream/nvodizionrio00petr.

OD — Oxford Dictionary of English. Oxford University Press, 2016 //https:// en.oxforddictionaries.com.

OED — Duglas Harper. Online Etymology Dictionary 2011—2015 //http://ww w. etymonline.com.

OUD — The Oxford Universal Dictionary on historical principles. Third edition, revised with addenda. Oxford University Press, Amen House, London E.C., 1955.

PR — Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française par Paul Robert. P.: Dictionnaire LE ROBERT, 1970.

RHU — Random House Unabridged Dictionary, Copyright © 1997, by Random House, Inc // http://dictionary.infoplease.com.

SCT — Il Treccani, Dizionario dei Sinonimi e Contrari. Istituto dell'Enciclopedia Italiana // http://www.treccani.it/vocabolario.

TR — Le Trésor de la langue française informatisé // http://atilf.atilf.fr.

VT — Vocabolario Treccani. Istituto dell'Enciclopedia Italiana. 2013 // http: //www.treccani.it/vocabolario.

WA — Wailly Alfred de Nouveau dictionnaire latin—français. Paris, 1861 // http://gallica.bnf.fr/ark

WED — The Wordsmyth English Dictionary-Thesaurus //http://www.wordsmyth.net.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

2. Апресян Ю. Д. Беспокоиться, тревожиться, волноваться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 1997.

3. Бабаева Е. Э. Современная лексикография о структуре многозначности прилагательного простой // Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др. Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 761—844.

4. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993.

5. Богуславская О.Ю. Недоверчивый, подозрительный, мнительный // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 220—222.

6. Богуславская О. Ю. Интеллектуальные способности и деятельность человека в зеркале прилагательных // Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др. Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 471—512.

7. Булыгина Т. В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997.

8. Грекова В. Е. Обозначение эмоций в языке: национально-культурный аспект. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2012.

9. Зализняк Анна. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

10. Иоанесян Е. Р. Аргументативные значения языковых единиц (на материале русского и французского языков). М.: Институт языкознания РАН: Советский писатель, 2011.

11. Иоанесян Е. Р. Способы номинации страха в языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 7, 2015 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2015_07/5.pdf. С. 98—223.

12. Иоанесян Е. Р. Вера и страх // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис, 2018. С. 71—83.

13. Руссо М. М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов. Электронное научное издание. М., 2012. Вып. 4. // http: //www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/9.pdf. С. 148—176.

14. Селезнев М. Г. Вера сквозь призму языка // Логический анализ языка. Избранное. 1988—1995. М.: Индрик.2003. С. 121 — 128.

15. Урысон Е. В. Страх 1, боязнь, испуг, ужас 1, паника // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 406—412.

16. Шмелев А.Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 286—295.

А. В. Калашников (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

A. V. Kalashnikov (National Research University Higher School of Economics)

Фамилия Shakespeare в англоязычном мире

Shakespeare's Name in the Anglosphere

Аннотация

В статье рассматривается написание фамилии Уильяма Шекспира в разные эпохи. Отмечается заметность её морфологического состава на фоне антропонимов других английских писателей рубежа XVI—XVII вв. и приводятся примеры обыгрывания этой неординарной фамилии современниками Шекспира. На основе сопоставления вариантов фамилии было установлено, что общепринятое в настоящее время написание *Shakespeare* утвердилось в Великобритании и США в середине XIX в. В более широком контексте ономастических исследований в статье показано, что имена собственные развиваются в соответствии с языковой нормой, что еще больше их сближает с другими лексическими единицами.

The article deals with the spelling of Shakespeare's surname at different times. The paper shows that the morphemes in the name stick out among the last names of the other men of letters who wrote in the early 17th century and provided examples of puns with this specific name coined by Shakespeare's contemporaries. On the basis of comparison, it was justified that the common spelling for Shakespeare got settled in the UK and the US in the mid-19th century. In a wider context of onomastic studies, the paper showed that proper names develop in compliance with linguistic norm, which makes them more resembling other lexical units.

Ключевые слова

Шекспировская ономастика, антропоним, лингвистика, этимология, орфография

Shakespearean onomastics, anthroponyms, linguistics, etymology, orthography

Антропоним Шекспир представляет собой достаточно заметный образец интерпретации фамилии выдающейся личности. В России при большом интересе к авторству произведений Шекспира, так называемому Шекспировскому вопросу [5; 6], изучение правописания в английском языке антропонима *Shakespeare* до сих пор систематизировано не было, и достаточного освещения эта дискуссия в отечественном шекспироведении не получила, чем и обусловлен выбор темы статьи. В качестве гипотезы будет утверждаться, что общепризнанная сейчас форма *Shakespeare* установилась в Великобритании и США в середине XIX в. Относительно изучения имен собственных в целом варианты написания антропонима английского поэта и драматурга могут служить свидетельством того, что онимы развиваются в соответствии с языковой нормой и, следовательно, представляют собой неотъемлемую часть языка.

В статье будут рассмотрены формы фамилии Уильяма Шекспира, ее морфологический состав, варианты написания в разные эпохи в Великобритании и США и использование характеристического ресурса этого антропонима [4] в английской литературе. В качестве материала приводятся цитаты известных шекспироведов по данной теме и фрагменты произведений, содержащие каламбуры с этой фамилией.

О важности формы этого антропонима литературовед начала XX века Джон Луис Хейни (1877—1960) писал: «Мы можем как угодно писать фамилии Лили, Уиклиф и еще с десяток фамилий, но пока хотя бы один из критиков или авторитетных филологов будет настаивать на том или ином варианте написания фамилии нашего величайшего поэта, покоя в литературных кругах не наступит» [15, 7]. Следует признать, что она своей образной формой отличается от антропонимов писателей современников У. Шекспира:

Б Джонсон (Jonson), К. Марло (Marlowe), Т. Нэш (Nashe), Г. Харви (Harvey). Мало кто из них обладал столь выразительным двухкомпонентным антропонимом. Состоящая из двух частей — *shake spear* (‘трясти копьем’) — фамилия выдающегося английского драматурга воспринималась как аргумент в споре об авторе великих произведений, родившегося и скончавшегося в один и тот же день — 23 апреля. К тому же фамилия, хотя и существовавшая ранее, не была распространенной, а подписи драматурга идентичной форме *Shakespeare* не обнаружено. Помимо прочего, сам драматург пользовался приемом имен-характеристик в своих произведениях, что указывает на интерес У. Шекспира к художественно-стилистическому потенциалу имен собственных.

Написание фамилии *Shakespeare* впервые встречается на экземпляре поэмы «Венера и Адонис» (*Venus and Adonis*) 1593 г., принадлежавшего чиновнику Ричарду Стоунли (Richard Stonley) [13, 126]. В 1594 г. в стихах, предваряющих поэму «Обесчещенная Лукреция» (*The Rape of Lucrece*), упоминается написание через дефис: «Tarquyne plukt his glistering grape and Shake-speare paints poore Lucrece rape» [цит. по 13, 59].

В 1596 году драматург, добившись потомственного дворянства для себя и своего отца, получил право на собственный герб. По свидетельству шекспироведа М. М. Морозова, герб представлял собой изображение «белого сокола, державшего в когтях золотое с серебряным острием копье» [7, 55]. Это обстоятельство позволяет предположить, что фамилия интерпретировалась на основе внутренней формы самим драматургом и его современниками. К тому же по одной из версий эпитет Паллада греческой богини Афины происходит от «родительного падежа Palládos, возможно, от pállo — потрясаю (копьем)» [3, 120]. Относительно фамилии важна этимология древнегерманского личного имени *William*, состоящего из: «*willo* — воля, желание + *helm* — шлем, защита» [9, 195]. В Англии это имя появилось после нормандского завоевания в XI веке и ассоциируется с королём Вильгельмом Завоевателем. Таким образом, компоненты имени и фамилии — ‘шлем’ и ‘копье’ — образуют семантическое поле ‘воин’. Представить обстоятельства, при которых такая характеристика могла стать устойчивой и превратиться в основу для именования, возможно. Литературовед Джон Луис Хейни с ссылкой на автора XVII века

Захария Богана (Zachary Bogan), отождествляет такую характеристику с солдатом, поскольку в античности существовала традиция прежде, чем нападать, потрясти копьем [15, 4].

Если развить предположение о трактовке имени и фамилии в древнегреческой традиции, то шлем и копье относятся к атрибутам Аполлона и Афины. Этот факт примечателен, поскольку писатели-елизаветинцы, вероятно, были хорошо знакомы с XXVIII (так называемым гомеровым) гимном «К Афине» из поэтического собрания, написанного в стиле «Илиады» и «Одиссеи». Нижеприведенный отрывок описывает рождение богини:

Пред Зевсом эгидодержавным

Прыгнула быстро на землю она из главы его вечной,

Острым копьем потрясая [10, 131].

В английском переводе гимна последняя строка содержит компоненты фамилии драматурга: *shaking a sharp spear* [20, 12]. К воинской тематике добавляется 23 апреля, день рождения и день смерти У. Шекспира, а также день святого Георгия Победоносца — покровителя Великобритании, который изображается, пронзающим копьем змея.

На рубеже XIX—XX вв. более смелая гипотеза была выдвинута Зигмундом Фрейдом, ссылавшегося на некоего итальянского профессора— Джентилли из Нерви (Gentilli of Nervi; Нерви — пригород Генуи). З. Фрейд, исследуя одно из возможных изображений Шекспира — Чандосовский портрет, — утверждал, что поэт и драматург был по происхождению французом, а фамилия образована от личного имени *Jacques-Pierre* [29, 185]. Поскольку о первоисточнике мнения профессора Джентилли из Нерви известно только из писем Фрейда, вполне возможно, что версия была создана самим австрийским психоаналитиком.

Среди ученых, интерес к фамилии впервые проявил английский историк Уильям Кэмден (1551—1623) еще при жизни драматурга. В книге 1605 г. «Дополнения к большому сочинению о Британии» (*Remaines concerning Britain*) он утверждал, что некоторые мужчины брали себе фамилии, происходившие от названия их оружия: *Long-sword*

(длинный меч), *Broad-speare* (широкое копье) [см. 11, 137]. Среди именований упоминается и написанная через дефис фамилия *Shake-speare*. Английский священник и историк Томас Фуллер (Thomas Fuller) (1608—1661) в книге «Достойные люди Англии» (*Worthies of England*) писал, что эта фамилия обладает воинственным звучанием, «(откуда можно предположить ее военное происхождение) Hasti-Vibrans, то есть Shake-speare ("потрясающий копьем")» [1].

Литературовед и критик Дж. Л. Хейни, изучая формы фамилии, писал, что фамилия Шекспир впервые упоминается по отношению к *William Shakespeare* или *Sakspere*, обвиненному в 1248 году в грабеже и повешенному. Это же именование относится к *John Shakespeare*, жившему в Фрейндоне (Freyndon) в 1279 году [15, 1]. В церковных книгах 1533 года фамилия Ричарда Шекспира, деда по отцовской линии Уильяма, указана как *Shakstaff*, что семантически аналогично *Shakespeare*. Вполне возможно, что компоненты фамилии *spear* и *staff* — посох, жезл, воспринимались как синонимы [см. 17].

На рубеже XIX — XX веков написанию антропонима *Shakespeare* было посвящено несколько монографий [15; 18; 31]. В частности, американский исследователь Джордж Уайз в своей работе собрал 400 вариантов написания этой фамилии и предложил еще 4000 вариантов вплоть до абсурдных: *Schaiksspaerr*, *Schaquespyrre*, S*cheyquesspeirre*, *Shayxspirr* [31, 17—32]. Английский биограф и литературный критик сэр Сидни Ли (1859—1926) опубликовал изображения подписей Шекспира. Были даны следующие варианты написания: *Willm Shakp*, *William Shaksper*, *Wm Shakspe*, *William Shakspere*, *Willm Shakspere*, *William Shakspeare* [18]. Примечательно, что ни в одном из случаев не содержится дефис. Согласно монографии Ли сохранилось шесть подписей Шекспира, зафиксированных в четырех юридических документах: письменном показании под присягой от 11 мая 1612 года по делу Белотт — Маунтджой (*Willm Shakp*), купчей на дом в Лондоне в районе Блэкфрайарз от 10 марта 1613 года (*William Shaksper*), закладной на тот же дом от 11 мая 1613 (*Wm Shakspe*) и завещании с тремя подписями на каждой странице от 25 марта 1616 года (*William Shakspere*, *Willm Shakspere*, *William Shakspeare*) [18].

На изданиях произведений встречались варианты написания антропонима через дефис: *Shake-speare* или *Shak-speare*. Дефисное написание используется как аргумент в пользу псевдонима, учитывая, что такой способ записи часто встречался при создании описательного образа вымышленных театральных персонажей, а также литературных псевдонимов [см. 22, 393]. Возможность замены фамилии на псевдоним представляется допустимой, поскольку в то время труд драматурга считался неподобающим представителям знати. Высказывались мнения, что имеются два различных имени: *Шекспер* (уроженец Стратфорда) и *Шекспир* («потрясатель копья» — литературный псевдоним) [см. 12, 20]. Об отсутствии единообразия в написании фамилии свидетельствует и то, что даже в Стратфорде-на-Эйвоне на могиле Шекспира в церкви Святой Троицы указан вариант *Shakspeare* [28], а рядом, на надгробии Энн Хэтэуэй значится, что она жена *William Shakespeare* [23, 616]. Нынешняя форма *Shakespeare* используется во многих изданиях его пьес в XVII веке: «Венецианский купец», «Виндзорские насмешницы», «Отелло», «Гамлет» и др. [15, 27—30].

Относительно расхождений в написаниях антропонима при жизни Шекспира исследователи М. М. Морозов [7, 231], А. Т. Парфенов [8, 21], Р. Черчилль [12] утверждают, что такие изменения не были редкостью. Даже когда драматург был автором «Комедии ошибок», «Венецианского купца», «Меры за меру» и «Отелло», один из чиновников написал его фамилию *Shaxbird* [2, 7]. Шекспироведы приводят варианты с написания фамилий других известных людей того времени: У. Рэли, Т. Деккера, К. Марло. В частности, британский литературовед Р. Черчилль пишет: «Фамилия сэра Уолтера Рэли писалась современниками: Raleigh, Raliegh, Ralegh, Raghley, Rawley, Rawly, Rawlie, Rawleigh, Raulighe, Raughlie, Rayly. Фамилия драматурга Томаса Деккера имела формы: Dekker, Decker, Deckar, Deckers, Dicker, Dickers, Dyckers, и, что интересно, Dickens» [12, 20].

Первый библиограф У. Шекспира Николас Роу в начале XVIII в. использовал форму *Shakespear* [19, 1]. В конце XVIII в., когда известный ирландский шекспировед Эдмонд Мэлон (Edmond Malone) (1741—1812) нашел архивы Шекспира, фамилия стала писаться *Shakspeare*, то есть как на могиле писателя [15, 42]. Английский палеограф Фре-

дерик Мэдден (Frederic Madden) (1801—1873) настаивал на форме *Shakspere* [15, 42] и в XIX веке она стала общепринятой. Написание антропонима стало даже объектом сатирических статей известных в свое время английских публицистов У. Смита и Дж. Холивелла-Филлипса [см. 15, 57, 58; 30, 40]. В частности, У. Смит сравнивает правила написания фамилии Шекспир с постоянно меняющейся погодой [30, 40].

У английских писателей единый вариант написания фамилии великого предшественника также отсутствовал, хотя следует предположить, что норма написания фамилии могла быть основана на предпочитаемых ими вариантах. Лексикограф и редактор издания пьес Шекспира С. Джонсон (1709—1784) распространил вариант, который был дан в Первом фолио и принятый сейчас *Shakespeare* [16, 50], поэт А. Поуп (1688—1744) предпочитал форму *Shakespear* [15, 41], С. Т. Кольридж (1772—1834) использовал два варианта: *Shakspere* и *Shakspeare* [15, 42], драматург Б. Шоу (1856—1950) — сторонник реформы английской орфографии — настаивал на варианте *Shakespear* [15, 42].

Современное написание фамилии на английском языке появилось после выхода в свет авторитетных изданий собраний сочинений в середине XIX века. В период между 1863 и 1866 годами вышло собрание сочинений Шекспира «The Works of William Shakespeare» в 9 томах [26, 1863] под редакцией филологов Тринити-колледжа Кембриджского университета, известное как «Кембриджский Шекспир» (*The Cambridge Shakespeare*). В 1864 году было выпущено *The Globe Edition* [27, 1864], которое стало основой для многих последующих изданий.

В ходе исследования автор статьи получил информацию из одной из крупнейших библиотек, специализирующейся на творчестве Шекспира — Шекспировской Библиотеки Фолджера в Вашингтоне, о написании фамилии драматурга в американских изданиях. Представитель библиотеки доктор Джорджанна Циглер (Georgianna Ziegler) сообщила, что в первом американском издании произведений, вышедшем в Филадельфии в 1795 году, указано *Shakspeare* [24]. Такое написание было типичным для начала XIX в. В некоторых изданиях была дана форма *Shakspere* — более распространенная на тот момент в Великобритании. Этот же вариант содержится в названии Шекспировского общества Фи-

ладельфии (*The Shakspere Society of Philadelphia*), основанного в 1851 году и существующего до сих пор. С середины XIX века вошла в обиход привычная сейчас форма *Shakespeare*, принятая, в том числе в Библиотеке Фолджера.

Характеристика, содержащаяся в антропониме, стала использоваться в стилистических целях в произведениях, посвященных Шекспиру. Первые, ставшие классическими, интерпретации этой фамилии принадлежат писателям XVII века Б. Джонсону и Р. Грину. Так, Б. Джонсон обыгрывает её в стихотворении «To the memory of my beloved, The AUTHOR, Mr. William Shakespeare: And what he hath left us» [25, 41], написанном для Первого фолио:

And such wert thou. Look how the father's face

Lives in his issue, even so, the race

Of Shakespeare's mind, and manners brightly shines

In his well-turned and true-filed lines:

In each of which, he seems to shake a lance,

As brandished at the eyes of ignorance [25, 41].

Джонсон пишет, что Шекспир в своих произведениях защищает правду копьем: *he seems to shake a lance*. Компонент *lance* представляет собой синоним *spear*.

Классическим каламбуром, ассоциирующимся с фамилией драматурга [6], стали слова современника Шекспира — Роберта Грина (Robert Greene) (ок. 1558—1592) из книги воспоминаний 1592 г. «На грош ума, купленного за миллион раскаяний» (*Groats-worth of Witte, bought with a million of Repentance*). Р. Грин, оказавший влияние на творчество Шекспира, в своих воспоминаниях упоминает актера, которого язвительно именует *Shake-scene*, то есть *потрясателем сцены*:

«...for there is an upstart Crow, beautified with our feathers, that with his Tygers hart wrapt in a Players hyde, supposes he is as well able to bombast out a blanke verse as the best of you: and being an absolute Johannes factotum, is in his owne conceit the onely Shake-scene in a country» [цит. по 21, 151].

Учёные расходятся во мнении относительно точного смысла этих слов, но принято считать, что Грин относит их к Шекспиру, обвиняя того в попытках сравняться с высокообразованными писателями «университетскими умами», такими как Кристофер Марло, Томас Нэш и сам Роберт Грин.

Подводя итоги статьи, следует отметить, что современное правописание фамилии *Shakespeare* в англоязычном мире установилось в середине XIX века на основе авторитетных собраний сочинений Шекспира под редакцией ученых Кембриджского университета. При этом в США ныне принятое обозначение фамилии драматурга было указано в 1795 г. уже в первом издании полного собрания сочинений У. Шекспира в Америке. Вопрос об основной форме фамилии драматурга остается открытым, но, вероятно, единой формы просто не было. Можно говорить об инварианте, который в письменной речи имел различия, о чем свидетельствует многообразие вариантов, в том числе у литературоведов и писателей. Тем не менее, при расхождении в написании эта фамилия воспринималась как экспрессивная и обладающая потенциалом для образной характеристики. В рамках ономастических исследований многообразие в написании *Shakespeare* свидетельствует о том, что имя собственное, как и любой знак, развивается в языке и речи в соответствии с нормами характерными для определенного периода. Таким образом, имена представляют собой неотъемлемую часть лексики, и не могут пониматься как единицы, окончательно сформировавшиеся и не способные подвергаться изменениям под влиянием системы и языковой нормы.

Литература

1. Аникст А. А. Шекспир. М., 1964 // http://www.lib.ru/SHAKESPEARE/anikst_shakspeare.txt.

2. Аникст А. А. Вступительная статья // Шенбаум С. Краткая документальная биография Шекспира. М.: Прогресс, 1985. С. 3—18.

3. БСЭ — Большая советская энциклопедия: В 30-ти т. // Под ред. А. М. Прохорова. Том 19. Отоми – Пластырь. М.: Советская энциклопедия, 1975.

4. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М.: URSS, 2009.

5. Гилилов И. М. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна великого феникса. М.: Международные отношения, 2000.

6. Литвинова М. Ф. Оправдание Шекспира. М.: Вагриус, 2008.

7. Морозов М. М. Шекспир. М.: Молодая гвардия, 1947.

8. Парфенов А. Т. Кристофер Марло. М.: Художественная литература, 1964.

9. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен: 4000 имен. М.: Астрель, АСТ, 2000.

10. Эллинские поэты. В переводе В. В. Вересаева // Под. ред. С. Апта. М.: Художественная литература, 1963.

11. Camden, W. Remaines concerning Britain. Lnd.: John Russell Smith, 1870.

12. Churchill, R. C. Shakespeare and his betters: A history and a criticism of the attempts which have been made to prove that Shakespeare's works were written by others. Lnd: Max Reinhardt, 1958.

13. Dawkins, P. The Shakespeare enigma. Lnd.: Polair Publishing, 2004.

14. Freud, S. The complete correspondence of Sigmund Freud and Ernest Jones, 1908—1939. Harvard: Harvard University Press, 1993.

15. Haney, J. L. The name of William Shakespeare; a study in orthography. Philadelphia: Egerton Press, 1906.

16. Jarvis, S. Scholars and gentlemen: Shakespearian textual criticism and representations of scholarly labour, 1725-1765, Oxford: OUP, 1995.

17. Kathman, D. The spelling and pronunciation of Shakespeare’s name // http:// shakespeareauthorship.com/name1.html.

18. Lee, S. Shakespeare's handwriting: facsimiles of the five authentic autograph signature of the poet. Smith, Elder, 1899.

19. Rowe, N. Some account of the life of Mr. William Shakespear. The Augustan Reprint Society, 1948 //http://www.gutenberg.org/files/16275/16275-h/16275-h.htm.

20. Schefold, K, Guiliani, L. Gods and heroes in late archaic Greek art. Cambridge: CUP, 1992.

21. Schoenbaum, S. William Shakespeare: A compact documentary life. Oxford: OUP, 1977.

22. Schoenbaum, S. Shakespeare's lives. Oxford: OUP, 1991.

23. Shakespeare, W. The plays and poems of William Shakspeare, Volume 2. Lnd.: Baldwin, 1790.

24. Shakespeare, W. The plays and poems. Ed. Samuel Johnson. Philadelphia: Bioren and Madan, 1795.

25. Shakespeare, W. Poems by William Shakespeare, Volume 1. Lnd., 1804.

26. Shakespeare, W. The works of William Shakespeare. Cambridge: CUP, 1863.

27. Shakespeare, W. The complete works of William Shakespeare with the complete temple notes and a comprehensive glossary. The Globe Edition, 1864.

28. Shakespeare's funerary monument // http://en.wikipedia.org/wiki/Shakespeare's_ funerary_monument.

29. Shapiro, J. Contested will: Who wrote Shakespeare? Lnd.: Faber Limited, 2010.

30. Smith, A., Leech, J. The Month, a view of passing subjects and manners. Lnd.: Office of "The Month", 1851.

31. Wise, G. The autograph of William Shakespeare. Philadelphia: Peter E. Abel, 1879.

Н. К. Рябцева (Институт языкознания РАН)

N. K. Riabtseva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Метакогнитивная рефлексия и коммуникация[1]

Metacognitive awareness and communication

Аннотация

В статье показана роль рефлексии в выделении метакогнитивных состояний и процессов, их содержания, структуры, взаимосвязей и особенностей их вербализации. Отмечается, что исходным и прототипическим когнитивным противопоставлением выступает соотношение «знать — не знать», что производные от него метакогнитивные состояния и процессы отражают континуум ментальных состояний, которые находят в языке многообразное выражение, описание, характеризацию и градацию. Особое внимание уделяется роли метакогнитивных процессов в коммуникации вообще и в ее «проспективизации», в частности. Показано, что именно в коммуникации проявляется асимметрия в оппозиции «знаю» — «не знаю» и в связанных с ней психологических состояниях, а также в их вербализации. Она объясняется связью состояния «не знаю» с неуверенностью, сомнениями и др. состояниями «психологической и эмоциональной нестабильности», тогда как состояние «знания» придает говорящему уверенность в своих словах, делах и поступках. В заключение подчеркивается, что именно язык является важнейшим средством изучения ментальных процессов, в том числе происходящих в процессе коммуникации.

The paper shows that reflextion helps identify metacognitive states and processes, their contents, structure, interconnections and ways of verbalization. It argues that the cognitive opposition «to know – not to know» is a fundamental and prototypical one, generates a continuum of derivative metacognitive states that have multiple ways of expression, description, characterization, and gradation in language and speech. Special attention is paid to the role that metacognition plays in communication, and, in particular, in its prospecting. It is shown that there is

[1] Работа выполнена частично при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-012-00736 А.

a communicative asymmetry in this respect between the psychological states connected with the metacognitive states of «knowing» and «not knowing (what to do)» and their verbalization. Thus, the latter tends to provoke doubt, hesitation and similar states of psychological and emotional instability, while knowledge makes the speaker sure of what he says and does. In conclusion, it is noted that human language is a most informative means of detecting mental processes, particularly connected with communication.

Ключевые слова

Метакогнитивная рефлексия, коммуникативная асимметрия, «проспективизация» коммуникации, интеграция рационального и эмоционального в коммуникации

Metacognitive reflection, communicative asymmetry, prospecting communication, integrating the rational and the emotional in communication

Н. Д. Арутюнова в своей работе «Речеповеденческие акты и истинность» подчеркивала, что истинностная оценка очень важна для практического мышления, является ключевым понятием для знания, тесно связана с коммуникативным поведением и превращает иррациональное понимание — в рациональное, а «интуицию — в **рефлексию**» [3, 3].

Исходные положения

Рефлексия, когнитивные состояния и коммуникация

1. Рефлексия занимает гораздо более важное место в мыслительной и коммуникативной деятельности, чем это принято считать. Кроме того, она позволяет выделять метакогнитивные состояния и процессы, противопоставлять их собственно когнитивным и устанавливать их роль в речемыслительной и коммуникативной деятельности.

2. Рефлексия над собственной мыслительной деятельностью заключается в следующих процедурах: (1) осознание «*текущего*» когнитивного состояния; (2) явная, *эксплицитная характеристика* текущего когнитивного состояния, а также его проверка, оценка, намеренное изменение и т.п. Ср. «Meta-awareness is our ability to take *explicit note* of the

current contents of consciousness… and an *ongoing* attempt to plan, check, monitor, select, revise, evaluate, etc. thinking processes» [26, 323] (Выделено нами — Н. Р.).

3. Рефлексия над собственной мыслительной деятельностью позволяет: (1) отличать метакогнитивные процессы и состояния от собственно когнитивных; (2) разделить метакогнитивные процессы и состояния на прототипические и производные; (3) установить роль, которую играют метакогнитивные процессы и состояния в языке, коммуникации и познании; (4) показать связь когнитивных состояний с психологическими, эмоциональными и коммуникативными, которая непосредственным образом проявляется в прагматическом и дискурсивном контексте. Ср. осознание и выражение сомнения и неуверенности: *не думаю* (*что у меня получится*) — *сомневаюсь* — *не решаюсь* — *даже не знаю, как поступить!* и др.; (5) выявить асимметрию метакогнитивных состояний.

При этом естественный язык является «естественным» и наиболее информативным средством изучения рефлексии.

Рефлексия и метакогниция в психологии

Рефлексия всегда привлекала внимание мыслителей еще со времен античной философии, в частности, Аристотель определял рефлексию как «мышление, направленное на мышление». Этот феномен человеческого сознания изучается философией, психологией, логикой, педагогикой и т.д. Рефлексия (от позднелат. *reflexio* — ‘обращение назад’) — это одна из разновидностей актов сознания человека, а именно акт сознания, обращенного на свое *знание*, а также *мышление* и связанные с ними явления. Так, по Дж. Локку, это «наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность».

В современных психологических направлениях различается более тридцати типов, видов и уровней рефлексии [18], между которыми нет четких различий. Ср. «Метакогнитивные способности — это интеллектуальные качества, ответственные за непроизвольную и произвольную саморегуляцию интеллектуальной деятельности» [16, 714]. «Метакогнитивная» проблематика стала впервые разрабатываться в когнитивной психологии. Так, в [20; 21] были введены понятия метакогнитивных аспектов решения проблем, в [17]

— понятия контроля над своими знаниями, управления познанием и др. В целом изучение метакогнитивных состояний и умений связано с комплексом теорий, понятий и явлений: theory of mind (understanding the mind and the «mental world»), metamind-wandering, metacognitive monitoring capacity и др. (см., например, [22; 25]). В них раскрываются способности человека идентифицировать свои и чужие ментальные состояния. В настоящее время в когнитивной психологии в центре внимания стоят проблемы изучения метакогнитивных состояний при нарушении функций сознания, особенно у детей: аутизм, афазия и т.п. [24; 7].

В отличие от психологии, лингвистика обладает инструментом раскрытия и противопоставления содержания понятий — толкованием, которое позволяет сравнивать различные явления и процессы, в том числе рефлексию, порождаемые ею метакогнитивные процессы и т.д. Так, субъект речи осознает свое мыслительное состояние (т.е. находится в состоянии рефлексии), когда говорит: *Я знаю, помню, не представляю, не понимаю, сомневаюсь* и т.п., каждое из которых при его экспликации — вербализации — становится «метакогнитивным». Помимо автореферентных высказываний, языковые средства вербализации метакогнитивных состояний включают целый ряд смежных и сходных конструкций.

Метакогнитивные процессы и языковые средства их вербализации

Метакогнитивные состояния, процессы, операции и т.д. отличаются от собственно когнитивных в трех существенных отношениях: (1) они носят рефлексивный характер; (2) разделяются на прототипические и производные, (3) играют особую роль в языке, познании и коммуникации, что объясняется их интенциональным характером [12]. Языковые средства экспликации и вербализации метакогнитивных состояний отличаются многообразием и включают следующие коммуникативными значимые модели и конструкции:

1. Средства апелляции к собственным ментальным состояниям, ср. ***Помню*** *древние ворота И конец пути – Там со мною шедший кто-то Мне сказал: Прости* (А. Ахматова).

2. Средства апелляции к текущим когнитивным состояниям собеседника: ***Ты не знаешь*** (***не видел***), *куда пошел Ваня?* ***Вспомни****, где ты был вчера!; Когда ты это* ***понял****? Что* ***думаешь*** *об этом?* Примеры: *Да я полагаю, что у него и удостоверения никакого не было! Как* ***ты думаешь****? — обратился Коровьев к Бегемоту* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Как вы* ***думаете****, Максим Максимыч! — сказал он мне, показывая подарки, — устоит ли азиатская красавица против такой батареи?* (М. Лермонтов. Герой нашего времени).

3. Языковые средства идентификации, описания, квалификации и интерпретации проявления метакогнитивных состояний в поведении, выражении лица, в речи и коммуникации: *отсутствующий взгляд*, *внимательно следить*, *отказываться признавать* и мн. др. Чаще всего их идентификацию и интерпретацию производит наблюдатель, ср. *Я отказываюсь признавать* (*свою ошибку*) vs. *Он отказывается признавать* (*свою ошибку*). Примеры: *Секретарь перестал записывать и исподтишка бросил* ***удивленный взгляд****, но не на арестованного, а на прокуратора; Пилат…* ***послал*** *Иешуа в своем* ***взгляде*** *какую-то* ***мысль****, которую как бы хотел внушить арестанту* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Прототипическое — производное в метакогнитивных состояниях

Естественный язык показывает, что рефлексия субъекта над своими мыслительными состояниями и умственной деятельностью отличает метакогнитивные процессы и состояния от собственно когнитивных. Исходным объектом рефлексии при этом выступают простые, наиболее значимые и потому прототипические когнитивные состояния. В отличие от всех прочих когнитивных характеристик субъекта познания, его исходные метакогнитивные состояния содержат в своей структуре противопоставление, которое, собственно, и является объектом рефлексии. Так, маркерами исходных, прототипических метакогнитивных состояний служат следующие эксплицитно и прямо выражающие текущую «когнитивную рефлексию» выражения-противопоставления:

знаю — не знаю (ср. название статьи: *Knowing what you know and what you don't: further research on metacognitive knowledge monitoring* [27]);

помню — не помню (ср. «Только благодаря памяти возможна целенаправленная деятельность человека» [8]) и др.

Элементарным, главным и фундаментальным объектом рефлексии выступает состояние «знать». Вместе с противоположным ему — «не знать» — и смежными состояниями оно отражается при помощи прямо, косвенно, производно или синкретично присутствующих смыслов в значении большого количества лексических и даже грамматических единиц и выражений самого разнообразного качества, ср. *помню — не припомню*, *думаю— не задумывался* и т.п.

Рефлексия и смысл «знать»

Смысл ‘знать’ принадлежит к числу фундаментальных смыслов, формирующих большую часть лексической системы языка [2]. Помимо глагола *знать* — его прототипического представителя — он входит в состав следующих групп лексем: глаголов восприятия (*увидеть, услышать*), приобретения знания (*выучить*, *выяснить*), передачи информации (*сообщить*, *уведомить*, *известить*), обнаружения ч.-л. (*найти*, *наткнуться*, *открыть* (заговор ≈ ‘в результате поисков начать знать’), сохранения / восстановления знания (*вспомнить*), информирования (*объявить*), установления / измерения (*выяснить* еще некоторые факты (≈ ‘начать знать еще некоторые факты’), *определить*, *взвесить*), ожидания (*ждать*), утраты (*потерять* — «не знать, где находится», *забыть*), потери пути (*заблудиться*), непреднамеренной ошибки (*заблуждаться*), предвидения (*предугадывать*), введения в заблуждение (*обманывать*, *лгать*) и мн. др., а также в состав лексики всех других частей речи с соответствующим значением, ср. «не знать» — *вопрос*, *секрет*, *тайна*; «сообщать» — *донесение*, *новость*, *сообщение*, *известие*, *известно*, *интересно*, *любознательный*; *где*, *когда*, *почему* и т.д., наречия типа *кто-то*, *что-то*, *какой-то*, *где-то*, *куда-то*, *когда-то*, *зачем-то*, *почему-то* и мн. др.: *Он куда-то уехал* ≈ ‘Он уехал; говорящий не *знает точно*, куда он уехал’ и др. Лексема *знать* имеет элементарное значение и не толкуется; она указывает на то, что человек имеет истинную информацию об объекте или явлении, полученную из определенного источника [2]. (Элементарным значением обладают, видимо, также лексемы *быть*, *делать*, *иметь* и др.).

Множество дискурсивных моделей и выражений с глаголом *знать* свидетельствует о том, что в подобных конструкциях глагол *знать* превращается в частицу или образует клише: *Знаешь что*, давай не шутить на эти темы; *Знай*, что она тебя любит; *Так знай же*, что не будет тебе отныне покоя! Ты спрашиваешь, можно ли ему доверять? *Не знаю*, *не знаю*…; разг. *А он знай себе* заливается*; Знать*, любить не рука / Мужику-вахлаку да дворянскую дочь. Ср. *знать* отрицательного отношения (недоверия) говорящего к объекту: ↓*Знаю я его*, ↓*Знаю я вас; Знаю я это Горелово*. О, медвежий угол! (М. Булгаков); ср. нарративное *знать*: Эти племена не *знали* лука и стрел; Наша наука *знала* времена подъема и упадка, не *знать* колебаний, не *знать* поражений, История *знает* немало случаев такого рода [2].

О значении состояния «знать» в жизни человека и его осознания говорит тот факт, что соответствующий корень имеет также огромное словообразовательное гнездо: *узнать*, *прознать*, *признать*, *прознать*, *разузнать*, *обознаться*, *признаться* и т.п. Также в языке много устойчивых словосочетаний, выражений и фразеологизмов, показывающих роль рефлексии в обыденном сознании и общении: *знать заранее, точно, наверняка, не понаслышке*, *Знать не знаю, ведать не ведаю!*, *Точно не знаю!*, *Знаю я тебя! Знаю без тебя!*, *Я тебя хорошо знаю!* Примеры: *«–Знаю, братец,* ***знаю без тебя****! - сказал штабс-капитан»*; *О, я тебя хорошо* ***знаю****!* (М. Лермонтов. Герой нашего времени).

При этом в коммуникации особое значение приобретает смысл «не знать», поэтому в речи оппозиция «знаю — не знаю» носит асимметричный характер (см. об этом ниже).

Производные метакогнитивные состояния

Производные от прототипических представлений субъекта о своих (и чужих) метакогнитивных состояниях отражают оппозицию «знание — мнение». Важнейшей чертой противопоставления *знаю* vs. *считаю, что P* выступает то, что между ними существует континуум переходных случаев, которые находят в языке многообразное выражение, описание, характеризацию и градацию: *наверняка / едва знаю*, *абсолютно уверен*, *сильно сомневаюсь*, *совсем не представляю*, *просто не верю*, *искренне надеюсь* и т. п.

Их отличительной чертой выступает «соединение», «интеграция» знания и мнения (оценки, интерпретации), а также то, что способы объективации и вербализации соответствующей комбинации чрезвычайно разнообразны, поскольку способны выражать еще целый комплекс дополнительных психологически и эмоционально связанных смыслов: *с трудом представить / понять*, *терзаться сомнениями*, *мучительно вспоминать*, *искренне заблуждаться*, *наивно считать / полагать*, *обмануться* и т. п. Примеры: *I am* ***very ignorant*** *about politics* (Longman); *Набожная, а откровеннее сказать – суеверная, Анфиса так напрямик и заявила очень расстроенной Анне Францевне, что это колдовство и что она* ***прекрасно знает****, кто утащил и жильца и милиционера, только к ночи не хочет говорить* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)*; Бешмет всегда изорванный, в заплатках, а оружие в серебре. А лошадь его славилась в целой Кабарде, — и точно,* ***лучше*** *этой лошади ничего* ***выдумать невозможно*** (М. Лермонтов. Герой нашего времени).

Взаимосвязь метакогнитивных состояний

Взаимосвязь между сходными и смежными (мета)когнитивными состояниями, а также «континуальность» самих ментальных состояний и операций проявляется, в частности, в случаях, когда одно многозначное слово в различных контекстах отражает и тем самым интегрирует различные (мета)когнитивные состояния, как, например, англ. *mind* [13], ср.:

absent-*minded* — «forgetful»,

keep / bear smth in *mind* — «in memory»,

pay sb / smth no *mind* — «attention»,

to set / change one's *mind* — «opinion»,

be in two *minds* about smth — «be doubtful»,

On reflexion you will change your *mind* — «thinking»,

You are always on my *mind* — «in my thoughts».

Приведенные примеры показывают, что все метакогнитивные состояния и процессы, как прототипические, так и производные, тесно между собой связаны, предопределяют друг друга и прямо или косвенно связаны с исходным противопоставлением «знаю —

не знаю», а также подразумевают определенные психологические состояния, ср. «You are *always* on my *mind*».

Так, *знать* и *помнить* — почти одно и тоже, ср. *знал, но забыл*. Для того, чтобы запомнить, часто специально предпринимают усилия и сосредотачивают на этом внимание, ср. *постараюсь запомнить*, *надо запомнить*, *не забудь*, *как бы не забыть*. Это объясняется тем, что разумная деятельность человека, его поведение и отношение к другим людям основано на том, что он знает и помнит: кто он, кто окружающие его люди, как следует себя вести с ними, что он может, должен, намерен сделать и т.п. В речи часто используется синкретичный способ репрезентации соответствующего состояния, который, помимо собственно метакогнитивного значения, может выражать еще и разнообразные стилистические, аксиологические, модальные, функциональные, интенциональные, коммуникативные и др. смыслы: *И неотвязчивый лорнет Он обращает поминутно На ту, чей вид* ***напомнил смутно*** *Ему* ***забытые*** *черты* (А. Пушкин). Ср. «субъективно-поэтическую» интерпретацию внутренних состояний человека: *Поэта* ***память*** *пронеслась Как дым по небу голубому* (А. Пушкин).

Рефлексия и толкование «метакогнитивных» имен и предикатов

Показательно, что в толковании выражений с англ. *mind* содержатся компоненты, явно отражающие рефлексию субъекта над своими состояниями сознания [13]. Так, в толковании выражения get sb / smth out of your *mind* — «to stop yourself thinking about sb / smth» — рефлексия эксплицитно выражена при помощи фрагмента «stop yourself (thinking)»; в толковании выражения put smth out of your *mind* — «to deliberately try to forget about smth» — при помощи фрагмента «to deliberately try»; в толковании выражения take your *mind* off smth — «make yourself stop thinking about smth» — при помощи фрагмента «make yourself stop» (Longman).

Вербализация метакогнитивных состояний в речи и тексте

Вербализация метакогнитивных состояний и референция к ним в речи является неотъемлемым компонентом почти всех видов коммуникации и выполняет в них разнообразные функции:

— осознание, регуляция, контроль, прогнозирование, экспликация и т.п. текущих ментальных состояний, а также экстраполирование своих ментальных состояний на состояния другого участника коммуникации. Ср. *Не* ***удивляйся****: моя специальность — метаморфозы* (Бродский); *Скажите, — обратился он ко мне, — ну что вы об этом* ***думаете****?*

— осознание своих когнитивных состояний в прошлом, т.е. их ретроспективная интерпретация: *Я* ***тогда*** *и* ***подумать*** *не мог об этом.* Показательно, что некоторые состояния осознаются только ретроспективно*: Я искренне* ***заблуждался****, напрасно* ***надеялся****.* Пример: *А бывало, мы его* ***вздумаем*** *дразнить, так глаза кровью и нальются, и сейчас за кинжал*; *Я, для* ***развлечения, вздумал*** *записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле*; *Я, глупец,* ***подумал****, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбою* (Лермонтов. Герой нашего времени).

Отражая осознание субъектом (речи, знания и познания) своего текущего когнитивного состояния, языковые средства, содержащие в своем составе смысл «знать» или «считать (что Р)», позволяют ему, в частности, экстраполировать свои (мета)знания и мнения на когнитивные состояния другого участника коммуникации (ср. [19]), и, в частности, вынуждать производить его операции осознания (рефлексии) своих ментальных состояний. Ср. *Ты* ***забыл****, что обещал позвонить* и т.п. Примеры: *Он* ***знал*** *довольно полатыни, Чтоб эпиграфы разбирать* (А. Пушкин); *Когда-то я* ***знал*** *на память все краски спектра; И для меня ты был богом, поскольку ты* ***знал*** *о прошлом больше, нежели я* (И. Бродский); *Я* ***знаю****: он с болью своей не сладит, С горькой болью первой любви; Когда б вы* ***знали****, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда; Беда случилась — ты ее познал; Теперь ты* ***знаешь****, что ни с чем на свете Ее нельзя сравнить и утолить* (А. Ахматова).

Субъект сознания способен при этом осознавать степень полноты имеющихся у него знаний и необходимость их получения, а также субъективность своего мнения: *Что ты о нем* ***знаешь****? Ты о нем что-нибудь* ***знаешь****? Я о нем кое-что* ***знаю****.* Выражения типа *Точно* ***не знаю***; ***Думаю****, что ты прав, это* ***интересно***; *Я так* ***не считаю*** и мн. др. — часто и естественно используются в речи и диалоге при обсуждении самых разных проблем

и свидетельствуют о том, что субъект речи постоянно обращается к операциям характеризации своих и чужих ментальных состояний. В художественном и поэтическом тексте апелляция к своим и чужим когнитивным состояниям является столь же естественной, как и в других видах коммуникации**.** При этом:

— формируются разнообразные коммуникативные модели и конструкции с заданной иллокутивной силой, ср. *«Скажи мне, князь, не* ***знаешь*** *ты, Кто там в малиновом берете С послом испанским говорит?»* (А. Пушкин. Евгений Онегин). *Когда б вы* ***знали****, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда* (А. Ахматова);

— появляется возможность выразить разнообразные эмоции и чувства: ***Сладко вспомнить*** *за обедом Старый пламенный Париж* (А. Блок). Так, *знаю* часто используется как «усилительное» вместо *чувствую, уверен, думаю, надеюсь* и др.: *Я* ***знаю****, ты мне послан богом*; *Я* ***знаю****: век уж мой измерен*; *Теперь, я* ***знаю****, в вашей воле Меня презреньем наказать* (А. Пушкин. Евгений Онегин).

Знать, думать, понимать **в повести «Герой нашего времени»**

Диалогический режим

Из трех глаголов: *знать*, *думать*, *понимать* в повести М. Лермонтова «Герой нашего времени» *знать* в личной форме встретился 129 раз; *думать* — 132 раза: он самый частотный; *понимать* — всего 21 раз, половина из них — под отрицанием. Наименьшая частотность *понимать*, в частности, указывает, что «понимание» представляет собой серьезный умственный процесс, требующий усилий, объяснений и т.п.: **«**Понимание — это трижды знание — полученное в прошлом, имеющееся в настоящем и проецируемое в будущее; ср. *X понимает, что P* ≈ ‘X знает, что P; X знает это, потому что раньше он наблюдал подобные ситуации; X знает или представляет, что может произойти в связи с тем, что P’. Ср. *Я понимаю, что ничего изменить нельзя.* (При этом ни в одном толковом словаре нет толкования *понимать*; есть лишь перефразировки его значения через синонимы типа *постигать*, *осознавать*, *уяснить*, *уразуметь* и даже *обладать пониманием*)» [2]. Примеры:

Автору этой книги… было весело рисовать современного человека, каким он его ***понимает***; *Все трое принялись вытаскивать что-то из лодки; груз был так велик, что я* ***до сих пор не понимаю****, как она не потонула*; *Только* ***не понимаю****, право, в чем дело и как вы решите спор? Мы стали спускаться.* ***Не понимаю, как*** *я не сломил себе шеи*; *«Доктор, наконец я торжествую: вы меня* ***не понимаете****!»*; *Женщины! кто их* ***поймет****? То они в минуту постигают и угадывают самую потаенную нашу мысль, то* ***не понимают*** *самых ясных намеков*; *Между тем княжне мое равнодушие было досадно, как я мог догадаться по одному сердитому, блестящему взгляду. О, я* ***удивительно понимаю*** *этот разговор немой, но выразительный, краткий, но сильный! «Ты дурак!» — сказал он Грушницкому довольно громко, — ничего* ***не понимаешь****! Два казака… подняли раненого, но он был уже при последнем издыхании и сказал только два слова: «Он прав!». Я один* ***понимал*** *темное значение этих слов: они относились ко мне.*

Метакогнитивные процессы и состояния могут быть выражены в языке не только прямо, номинативно, лексически, но и различными косвенными, свернутыми, имплицитными, формальными, грамматическими и т.д. средствами [9], а также образовывать конструкции с заданной иллокутивной силой. Так, диалогические конструкции с самым частотным глаголом — *думать* в «Герое нашего времени» могут выражать угрозу (1), уверенность (2), предвосхищение последующей реплики и ее выделение, например, в виде вопроса (3), предупреждение в виде отрицательной конструкции (4), упрека в виде противопоставления (5) и др.:

(1) *Али* ***думаешь****, что мы с тобой не совладаем?*

(2) *Вы, я* ***думаю****, привыкли к этим великолепным картинам? — сказал я ему.*

(3) *Раз, для смеха, Григорий Александрович обещался ему дать червонец, коли он ему украдет лучшего козла из отцовского стада; и что ж вы* ***думаете****? на другую же ночь притащил его за рога.*

(4) *Не* ***думайте****, однако… чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков.*

(5) *Я* ***думал****, что ты мужчина, а ты еще ребенок.*

Апелляция к текущим ментальным состояниям собеседника, а также их интерпретация и квалификация более чем характерна для диалогов разного типа (6, 7), а также для характеристики внутренних состояний собеседников (8, 9, 10):

(6) *Как ты* ***думаешь****, любит ли она тебя?*

(7) *Как вы* ***думаете****? Должны ли мы показать им, что* ***догадались****?*

(8) *Максим Максимович… примолвил, несколько* ***подумав****: – Да, жаль беднягу.*

(9) *Тут он начал щипать левый ус, повесил голову и* ***призадумался****.*

(10) *Она* ***призадумалась****, не спуская с него черных глаз своих.*

Глагол *думать* в нарративном режиме

Примеры из повести М. Лермонтова «Герой нашего времени»

В нарративном режиме характеристика метакогнитивных состояний действующих лиц и персонажей (в том числе животных!) выступает важным средством когезии текста, экспликации причинно-следственных отношений в нем (11—13), мотивации поступков (14), а также предположений относительно развития событий (15). Глагол *думать* при этом употребляется в целом ряде форм и конструкций, а также в сочетании со смежными метакогнитивными глаголами:

(11) *Вдруг передо мною рытвина глубокая;* ***скакун*** *мой* ***призадумался*** *— и прыгнул.*

(12) *В этот вечер Казбич был угрюмее, чем когда-нибудь, и я* ***заметил****, что у него под бешметом надета кольчуга. «Недаром на нем эта кольчуга, —* ***подумал*** *я, — уж он, верно, что-нибудь* ***замышляет****».*

(13) *Мне* ***вздумалось*** *завернуть под навес, где стояли наши лошади, посмотреть, есть ли у них корм…*

(14) *Казаки все это видели, только ни один не спустился меня искать: они, верно,* ***думали****, что я убился до смерти.*

(15) *«Будет потеха!» —* ***подумал*** *я и кинулся в конюшню.*

Предыдущие и последующие примеры показывают, что обдумывание, а также придумывание, «задумывание» и т.п. представляют собой важные типы действий и де-

ятельности. Они органично вписываются как в ситуацию общения и ее интерпретацию, так и в решения что-то делать (16—19), а также выступают обязательным компонентом рассуждения (20—25):

(16) *Никогда себе не прощу одного: черт меня дернул, приехав в крепость, пересказать Григорию Александровичу все, что я слышал, сидя за забором; он посмеялся, — такой хитрый! — а сам* ***задумал*** *кое-что.*

(17) *Я вчера целый день* ***думала****, — отвечала она сквозь слезы, —* ***придумывала*** *разные несчастья: то казалось мне, что его ранил дикий кабан, то чеченец утащил в горы... А нынче мне уж кажется, что он меня не любит.*

(18) *Право, милая, ты хуже ничего не могла* ***придумать****!*

(19) *Она заплакала,* ***думал****,* ***думал****, чем ее утешить, и ничего не* ***придумал****.*

(20) ***Думая*** *так, я с невольным биением сердца глядел на бедную лодку.*

(21) *Я на минуту* ***задумался****.*

(22) *Он отвечал* ***подумавши****: — В вашей галиматье, однако ж, есть идея.*

(23) *Вы, может,* ***думаете****, что я пьян?*

(24) *"Это шутки Грушницкого!" —* ***подумал*** *я.*

(25) *Славно* ***придумано****!*

Можно отметить, что один из случаев употребления *думать* в повести «Герой нашего времени» не имеет однозначной интерпретации: — *Ты будешь танцевать? — спросил он. —* ***Не думаю****.* Хотя ясно, что в подобных случаях имеет место не только выражение сомнения, скепсиса и. п., но и уклонение от ответа и т.д. В целом можно сказать, что различные формы и конструкции с глаголом *думать*, равно как и с другими аналогичными глаголами и их производными, выступают важным инструментом «мониторинга», организации и «проспективизации» [23] коммуникативной, диалогической и «нарративной», деятельности.

Рефлексия и квалификация когнитивных состояний

Таким образом, рефлексия, которая носит сознательный характер и более всего свойственна таким специфическим «когнитивным» типам одновременно коммуникатив-

ной и интеллектуальной (познавательной) деятельности, как образование, наука и др. [13], свойственна и всем прочим видам коммуникации: социальной, межперсональной, художественной, поэтической и т.п. В этих сферах коммуникации лингвистические средства объективации рефлексии выполняют разнообразные дискурсивные и коммуникативные функции:

— целеполагания, ср. *не знать — задать вопрос* [10];

— характеризации, ср. *желание знать — любознательный* [11]. Примеры: *И ты сидел на скамейке, издали* ***напоминая*** *Обычного гражданина, измученного государством* (И. Бродский); *Дорога туда, естественно, лежала сквозь облака,* ***Напоминавшие*** *цветом то гипс, то мрамор* (И. Бродский);

— приглашения или вынуждения к сотрудничеству: ***Сознайся****, — тихо по-гречески спросил Пилат, — ты великий врач?* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

— предположения или опровержения: — *Нет, Григорий Данилович, не скажи, это очень тонкий шаг. Тут вся соль в разоблачении. —* ***Не знаю, не знаю****, никакой тут соли нет* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

— управления общением или развертывания сообщения, ср. ***Помню*** *древние ворота И конец пути — Там со мною шедший кто-то Мне сказал: Прости…* (А. Ахматова), и мн. др.

При этом рефлексия объективируется в языке и речи при помощи самых разнообразных лингвистических средств и часто задействует различные когнитивные механизмы концептуализации: метафоризацию, метонимию и т.п., которые более всего проявляются во фразеологии. Последнюю, в свою очередь, отличает экспрессивность, стилистическая маркированность, аксиологичность, модализованность и др.: ***знать****, как свои пять пальцев, вдоль и поперек, от А до Я*; *ловить на лету*, ***узнать*** *из первых рук*; ***ясно****, как день*; ***запомнить*** *намертво*, *вбить* (*себе*) *в* ***голову***, *дырявая* ***голова****, делать из мухи слона*, *брать с потолка*, *сгущать краски*, *короткая* ***память***, *смотреть сквозь пальцы* («не замечать») и мн. др. Они отражают «субъективное представление об объективном явле-

нии», ср. также: *забыть* vs. *вылететь / выбросить из головы*, *помнить* vs. *зарубить себе на носу*.

В целом можно сказать, что рефлексия субъекта над своими когнитивными состояниями носит метауровневый характер, позволяет отличать метакогнитивные процессы и состояния от собственно когнитивных, включает как прототипические состояния, связанные с противопоставлением знания — незнания, запоминания — забывания и др., так и производный, более сложный характер, связанный с противопоставлением знания и мнения / интерпретации (точнее, с переходом от одного к другому и с их сочетанием и интеграцией). В языке и речи репрезентация как исходных, так и производных метакогнитивных состояний носит чаще всего синкретичный характер, что позволяет использовать соответствующие лингвистические средства в самых разных коммуникативных целях, ситуациях и сферах коммуникации. При этом различные конструкции, отражающие метакогнитивную рефлексию субъекта речи, выступают важным инструментом «мониторинга», организации и «проспективизации» [28] его коммуникативной, диалогической и «нарративной», деятельности.

Проспективность метакогнитивных состояний:

Асимметрия в оппозиции «знать» vs. «не знать»

Человек, воспринимая объекты, явления, события мира и другие его факты, пропускает их через «сознательный процесс рефлексии», в который «включаются эмоции и чувства человека» [6, 15]. Так что рациональные состояния сознания — знание, мнение, память и т.п., и их осознание — рефлексия — непосредственным образом связаны с эмоциональной сферой человека, с его коммуникативной деятельностью, межличностными отношениями, поведением, проявлением внутреннего мира человека и его характера в коммуникации. Пример: ***Сомненья нет****: увы! Евгений В Татьяну как дитя влюблен!* vs. *Кто ты, мой ангел ли хранитель, Или коварный искуситель: Мои* ***сомненья разреши!*** (А. Пушкин. Евгений Онегин). В этом отношении главным коммуникативным свойством метакогнитивных состояний выступает их способность задавать коммуникативную пер-

спективу высказывания: *Я* ***помню*** *чудное мгновенье Передо мной явилась ты* (А. Пушкин).

При этом состояния «знать» и «не знать» асимметричны относительно их связи с внутренними психологическими и эмоциональными состояниями, а также относительно экспрессивности содержащих их высказываний и развертывания последующего «текста»: осознание (рефлексия) текущего когнитивного состояния — особенно незнания, «отсутствия в памяти» и т.д. часто сопровождается эмоциональными переживаниями, и, соответственно, неуверенностью, ср. *не могу вспомнить*, *почти не знаю*, *почти не помню*, *не могу ничего вспомнить*, *никак не могу понять*, *как это произошло* (*почему так вышло*); *Не знаю, что и думать (как об этом сказать),* и мн. др. Поэтому выражения типа *Даже не знаю, что делать / как поступить* и т.п. составляют особые речевые действия — просьбу о помощи, обращение за советом, оправдание и т.п. Ср. — *И что же будет дальше? —* ***Я не знаю****. Я только знаю, что хочу домой. Хочу, чтоб обо мне заботились.* (Довлатов).

Таким образом, непосредственное отношение знания к эмоциональной сфере человека связано не столько с собственно знанием, сколько с незнанием — с отсутствием знания, с его неполнотой, неточностью, с осознанием «пробелов», проблем и т.п. Так, в результате осознания своего незнания говорящий может потерять эмоциональное равновесие, контроль над своим поведением, испытывать беспокойство и т.п., что может привести к усугублению эмоциональных переживаний различной «тяжести» — от аффекта до агрессии [15]. Соответствующая эмоциональная нестабильность может быть выражена и эксплицирована речевыми маркерами (ср. *говорить неуверенно, дрожащим голосом* и т.п.), названа (ср. *to hesitate*, *колебаться*) и описана. Она проявляется в экспрессивности и эмоциональности речи, может быть охарактеризована адресатом или наблюдателем, а также идентифицирована и квалифицирована ими или самим субъектом, часто ретроспективно, ср. *Жеманный кот, на печке сидя, Мурлыча, лапкой рыльце мыл: То* ***несомненный*** *знак ей был, Что едут гости* **vs.** *Ее* ***сомнения смущают****: «Пойду ль вперед, пойду ль назад?..* (А. Пушкин. Евгений Онегин).

Таким образом, исходные метакогнитивные состояния «знаю — не знаю» образуют бинарную оппозицию, где семантически «сильную» позицию занимает состояние «знаю» — благодаря своей прототипичности и значимости. Однако в коммуникативном отношении состояние «не знаю», помимо собственно рационального компонента, подразумевает целый спектр психологических и эмоциональных состояний и явлений: неуверенность, сомнение, растерянность, волнение, колебания, стресс, панику и т.п., т.е. эмоциональное *переживание* незнания и, тем самым, его связь с эмоциями. Примеры:

Положение наше ***печально*** *и* ***затруднительно****, и я* ***не знаю****, как быть!* ***Не зная****, как ответить на это, секретарь счел нужным повторить улыбку Пилата*; *Ни какая это была дама, ни который сейчас час, ни какое число и какого месяца — Степа* ***решительно не знал*** *и, что хуже всего, не мог понять, где он находится;* ***Не зная****, как поступают в таких случаях, Степа поднялся на* ***трясущиеся*** *ноги и пошел по молу к берегу; Увидев, что кто-то вошел, Анна Ричардовна вскочила, кинулась к бухгалтеру, вцепилась в лацканы его пиджака, стала трясти бухгалтера и кричать: — Слава Богу! Нашелся хоть один храбрый! Все разбежались, все предали! Идемте, идемте к нему, я* ***не знаю****, что делать! — и, продолжая* ***рыдать****, она потащила бухгалтера в кабинет* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Тогда как знание внушает уверенность, эмоциональную стабильность, уравновешенность и даже «повышенную активность» [ср. 15], коммуникативное «доминирование» и т.п.: *Все нормально. Я такие вещи* ***знаю*** *по себе* (Довлатов); — *Правду говорить легко и приятно, — заметил арестант. — Мне* ***не нужно знать****, — придушенным,* ***злым*** *голосом отозвался Пилат, — приятно или неприятно тебе говорить правду* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Асимметрия исходных элементарных смыслов «знаю» — «не знаю» проявляется естественным образом и в лексике, содержащей соответствующие смыслы: *помнить — забыть*, *подумать — раздумать, решительность — нерешительность, быть уверенным — колебаться, сомневаться, недоумевать* и мн. др. Так, в английском языке конструкции с эмотивными предикатами типа *looking doubtingly*, *hesitatingly replied*, *much troubled*,

replied doubtfully, *puzzled*, *he hesitates*, *she felt undecided, less certain*, *gasped in astonishment*, *was not sure* и т.п. указывают на «характер речевых поступков» и являются средствами выражения ситуации неуверенности**,** эмоциональной нестабильности и тревоги. При этом предикат *to hesitate*, например, репрезентирует внешнего наблюдателя в ситуации неуверенности, которым может быть как адресат, так и третье лицо, фиксирующее и интерпретирующее состояние говорящего субъекта: «Внешние, наблюдаемые признаки неуверенности свидетельствуют о двойственности ментального состояния» субъекта коммуникации [14, 215].

Именно подобные ситуации более всего привлекают исследователей в области современной когнитивной психологии в виду их большой практической значимости, так как отрицательная корреляционная связь метакогнитивных процессов с тревожностью иллюстрирует довольно известный факт негативного влияния тревожности на познавательную деятельность вообще, а также на прогностические и метакогнитивные характеристики личности в особенности [1].

Заключение

Интеграция рационального и эмоционального в коммуникации

В заключение следует отметить, что проблема изучения рефлексии является актуальной в целом ряде наук: психологии, когнитивных науках, педагогике и др. Ср. «Выявление и объяснение содержания взаимосвязи двух наиболее сложных процессов психики — мышления и рефлексии в целом, а также закономерностей рефлексивной регуляции мышления в особенности, является одной из фундаментальных общепсихологических проблем» [5, 306].

В фокусе современных когнитивных лингвистических исследований находятся вопросы о том, каким образом выражается внутренний мир человека в языке и чем обусловлен выбор тех или иных коммуникативных средств его языковой и неязыковой репрезентации. Так, материал проведенного лингвистического исследования показывает, что человек постоянно и в любых ситуациях обращается к «содержанию» своего знания, памяти и сознания. Состояния рефлексии субъекта речи к своим и чужим внутренним —

мыслительным, психологическим и эмоциональным — состояниям показывают, что эти состояния тесно между собой связаны; отражают естественную и даже обязательную и неотъемлемую для человека интерпретацию своих и чужих внутренних состояний; связаны не только с осознанием текущего внутреннего рационального и эмоционального состояния, но и с коммуникативным поведением.

«Метакогнитивная рефлексия» представляет собой естественный семантически и коммуникативно значимый процесс, маркерами которого выступают личные формы глаголов *знать*, *помнить*, *думать*, *понимать* и мн. др., а также их фразеологические «аналоги». Метакогнитивная рефлексия находит отражение в толковании соответствующих выражений и конструкций, что отражает ее объективный характер. В коммуникации она выступает средством задания перспективы высказывания. Исходные метакогнитивные состояния «знаю — не знаю» образуют противопоставление, где семантически «сильную» позицию занимает состояние «знаю» благодаря своей прототипичности и значимости. В коммуникативном отношении состояние «не знаю» асимметрично ему, так как, помимо собственно рационального компонента, подразумевает целый спектр психологических и эмоциональных состояний, связанных с *переживанием* незнания.

Таким образом, основные положения проведенного исследования можно кратко сформулировать следующим образом: 1. Рефлексия позволяет выделить и разграничить исходные и производные метакогнитивные состояния. 2. Исходным метакогнитивным противопоставлением выступает оппозиция «знаю — не знаю». 3. Рефлексия может быть отражена в толкованиях метакогнитивных предикатов. 4. В коммуникации рефлексия задает перспективу высказывания. 5. Оппозиция «знаю — не знаю» характеризуется коммуникативной асимметрией и показывает особенности интеграции рационального и эмоционального в коммуникации.

Н. Д. Арутюнова, сопоставляя различные виды модуса в книге «Язык и мир человека» [4, 432—338], особо отмечает «коммуникативную выделенность» модуса «знания», в частности, в его отношении к неопределенности, его способность выражать смысл «помнить» и «замещать» смысл «думать», его принципиальное отличие от модуса «не-

знания» и мн. др. Приведенный выше материал дополняет эти положения и показывает, что способы вербализации когнитивной сферы человека представляют собой важный в семантическом и коммуникативном отношении объект изучения.

Литература

1. Айке Д. Страх, тревога и тревожность. СПб. Питер. 2001.

2. Апресян Ю. Д. Смыслы ‘знать’ и ‘понимать’ в русской лексике. МГУ, 2018 // http://tipl.philol.msu.ru/application/files/8715/1990/2652/colloquium_Apresian.pdf.

3. Арутюнова Н. Д. «Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1993. С. 3—34.

4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

5. Карпов А. В. Продуктивные и контрпродуктивные эффекты рефлексии в структуре мышления // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20—24 июня 2016 г. Отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 306–307 // https://cogconf.ru/materialy-konferentsii/Abstracts%202016.pdf.

6. Малинович М. В. Универсальные концепты и категории: проблема иерархии и взаимодействия в пространстве языка // Концепты. Категории: Языковая реальность: коллект. моногр. к юбилею профессора М. В. Малинович. Иркутск, 2011. С. 10—42.

7. Сиповская Я. И. Концептуальные, метакогнитивные и интенциональные дескрипторы интеллектуальной компетентности в старшем подростковом возрасте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 4. С. 22—31.

8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Издательство Питер. 2000 // http://www.studfiles.ru/preview/326597.

9. Рябцева Н. К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка. Ментальные действия. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., Наука, 1993. С. 51—57.

10. Рябцева Н. К. Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1999. С. 119—137.

11. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М., Academia. 2005.

12. Рябцева Н. К. Метакогнитивные состояния в языке, речи и познании // Научный диалог. 2017, № 5. С. 83—95.

13. Рябцева Н. К. Язык и метазнание: когнитивно-дискурсивный аспект // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXII. В поисках смыслов языка: сб. науч. тр. в честь 90-летия Е. С. Кубряковой. Отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: ИЯз РАН; Тамбов: ИД ТГУ им. Г. Р. Державина. 2018. С. 110—117.

14. Топка Л. В. Эмотивный предикат как средство репрезентации константы внутреннего мира человека // Вестник ЛГУ им. Пушкина. Серия Филология. Санкт-Петербург: ЛГУ, 2015, № 3. Т. 1. С. 210–217.

15. Топка Л. В. Трехаспектная вербализация эмоциональной нестабильности субъекта речи // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIX. Тамбов, 2017. С. 724—731.

16. Холодная М. А. Понятийные, метакогнитивные и интенциональные способности как ресурс интеллектуального развития // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20—24 июня 2016 г. Отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 714—715.

17. Brown, A. L. Metacognition, executive control, self-regulation and other more mysterious mechanisms // Metacognition, Motivation, and Understanding. Ed. by F. E. Weinert, R. H. Kluwe. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1987. P. 65–116.

18. Emelin, A. A. Resource function of conceptual and metacognitive abilities in adolescents with different forms of dysontogenesis // Psychology in Russia: State of Art. 2015. № 4. P. 8–21.

19. Engel, D.; Woolley, A. W., Jing, L. X., Chabris, C. F., Malone, T. W. Reading the Mind in the Eyes or Reading between the Lines? Theory of Mind Predicts Collective Intelligence Equally Well Online and Face-To-Face. PLoS ONE. 2014. № 9 (12): e115212.

20. Flavell, J. H. Metacognitive aspects of problem solving // The Nature of Intelligence. Ed. by L. B. Resnick. N.Y., Hillsdale, 1976.

21. Flavell, J. H. Metacognition and cognitive monitoring: A new era of cognitive developmental inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34 (10). P. 906–911.

22. Hartman, H. J. Metacognition in Learning and Instruction: Theory, Research, and Practice. Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, The Netherlands, 2001.

23. Linnel, P. Perspectives, implicitness and recontextualization // Perspective and Perspectivation in Discourse. Ed. by C. F. Graumann, W. Kallmeyer. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 41–57.

24. Metcalfe, J. Evolution of metacognition // J. Dunlosky, R. Bjork (Eds.). Handbook of Metamemory and Memory. N. Y.: Psychology Press. 2008.

25. Papaleontiou-Louca, E. Metacognition and Theory of Mind. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. 2008.

26. Schooler, J. W., Smallwood, J., Christoff, K, Handy, T. C., Reichle, E. D., & Sayette, M. A. Meta-awareness, perceptual decoupling and the wandering mind // Trends in Cognitive Science. 2011. 15, P. 319–326.

27. Tobias, S., Everson, H. T. Knowing what you know and what you don't: further research on metacognitive knowledge monitoring // College Board Research Report 2002–3, New York, 2002.

28. Verhagen, A. Construal and perspectivisation // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 48–81.

М. М. Сизов (Институт языкознания РАН)

M. M. Sizov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Устный перевод с листа на русский язык научно-технического текста на английском языке в условиях непонимания

At-Sight Translation of Research Texts from English into Russian in the Conditions of Incomprehension

Аннотация

Часто перевод с одного языка на другой (и устный, и письменный) осуществляется в условиях частичного или полного непонимания текста переводчиком. На материале переводов в учебных группах аспирантов в статье рассматриваются факторы, способствующие или затрудняющие перевод с листа научно-технических текстов с английского языка на русский в условиях частичного или полного непонимания текста.

Quite often translation from one language into another is done in the conditions of partial or complete incomprehension of the text on the part of the translator. Drawing on the experience of translation in groups of PhD students, we try to analyse the factors which impede or facilitate translation of research texts from English into Russian in the conditions of complete or partial incomprehension.

Ключевые слова

Научно-технические тексты, перевод с листа, факторы перевода, условия непонимания

Research texts, at-sight translation, translation factors, conditions of incomprehension

Насколько мы понимаем при чтении текст на родном языке? Ответ прост — всё зависит от степени нашей готовности к восприятию этого текста. Если это художественная литература, то в ней мы понимаем многое. А если филолог возьмётся читать специальный текст по физике? Наверное, всё-таки кое-что поймёт — это воздействует на это, и

получается нечто. Иными словами, при чтении любого текста даже на родном языке не всегда можно говорить о том, что мы понимаем его полностью, а лишь частично — с большей или меньшей степенью полноты. Ещё в меньшей степени мы понимаем тексты на иностранном языке. А что же тогда происходит при переводе?

«Золотое правило» перевода — понять и перевести! Но, как показывает практика, очень часто переводчику приходится работать в условиях частичного, а иногда и полного непонимания текста, и при этом перевод всё-таки осуществляется вполне успешно [5].

Проблематика перевода в условиях непонимания тесно связана с общей проблемой понимания текста — перевода языковых знаков на язык значений и смыслов.

В данной статье мы рассмотрим устный перевод с листа письменных научно-технических текстов с английского языка на русский без предварительной подготовки в условиях частичного или полного непонимания. Такой вид перевода широко распространён на практике и может использоваться также в целях контроля при обучении аспирантов Российской академии наук чтению (т.е. пониманию) текстов по их специальности, когда преподаватели и некоторые аспиранты из учебной группы не являются специалистами в области переводимого текста. Как показывает практика, достаточный уровень знания английского языка и, прежде всего, его грамматики, некоторой терминологии и общенаучной лексики в значительной мере обеспечивает успех такого перевода.

В научно-технических текстах иногда встречаются короткие предложения, которые легко охватить глазом и перевести. Такой перевод можно рассматривать как последовательный перевод с листа. Но в научной литературе предпочтение отдаётся длинным и нередко сложным структурам в несколько строк, которые сразу глазом не охватить. В таком случае переводящий (аспирант или преподаватель) может переводить предложение по мере его прочтения, прибегая к переводу «слово за слово» в надежде, что смысл предложения сложится сам собой. Такой перевод можно рассматривать как синхронный перевод с листа. Однако при таком подходе могут возникнуть смысловые ошибки в результате нарушения коммуникативной структуры предложения, неправильного понимания зна-

чения отдельно взятых языковых форм, вызываемого явлением грамматической омонимии, нарушения правил сочетаемости и некоторых стилистических норм русского языка. В учебной ситуации такие ошибки исправляются при более внимательном анализе всего предложения и текста.

Проблемы синхронного перевода с листа в значительной степени совпадают с проблемами синхронного перевода на слух и уже рассматривались подробно в других работах [3]. В данной статье мы сосредоточим своё внимание на переводе текста с листа в условиях непонимания, когда вся структура предложения может быть видна от начала до конца: прочитал — перевёл, когда переводящий может вернуться к предшествующей части предложения и текста и изменить свой прогноз относительно семантической интерпретации предложения и текста и, если необходимо, исправить свой перевод.

Что же облегчает и что затрудняет перевод с листа в условиях непонимания?

Облегчает перевод, прежде всего, заданность области исследования и темы текста, что в некоторой степени ограничивает значения терминов и общенаучной лексики.

Большое значение при любом переводе, и особенно в условиях непонимания, играет фиксированный порядок слов в английском языке: подлежащее — сказуемое — дополнения — обстоятельства и другие возможные члены предложения, что в значительной мере облегчает первоначальные прогнозы о структуре предложения.

Особое значение для понимания структуры предложения в научно-технической литературе имеют запятые, которые в английском языке используются значительно реже, чем в русском, а потому имеют большую коммуникативную значимость и служат для того, чтобы помочь читающему правильно понять структуру предложения, а не для того, чтобы соблюсти грамматическую традицию. Однако расстановка запятых в английском языке в значительной мере зависит от воли автора, и в одном случае запятая может стоять, а в другом, аналогичном случае отсутствовать, если автор считает, что и так всё понятно. Ситуация со знаками препинания осложняется ещё и тем, что сегодня много научных работ пишутся теми, для кого английский язык не является родным.

При чтении английского научно-технического текста необходимо помнить, что запятая в английском языке имеет две основные функции — разделения (separation, одна запятая) и обособления отдельных частей предложения (enclosure, две запятые или запятая и другой знак препинания, например, точка в конце предложения) [6]. Приведём не типичный для английского научно-технического текста пример короткого предложения с четырьмя(!) запятыми: *In contrast, graphene, a single atomic layer of graphitic carbon, has been gated to carrier densities up to* $3x10^{13}$ cm^{-2}, *which corresponds to* E_F=0.9 eV^{17}. В этом предложении первая запятая выполняет функцию разделения, две следующие запятые — обособления и, наконец, последняя запятая и точка — тоже обособления.

Для понимания английского научно-технического текста большое значение имеет разделяющая запятая, которая, как правило, ставится перед подлежащим главного предложения, если перед ним стоит отдельное слово, словосочетание различной структуры и значения или даже придаточное предложение. Такие вводящие элементы в начале предложения обычно состоят из небольшого количества слов, имеют известную семантику и отделяются от подлежащего главного предложения запятой. Так что распознавание таких элементов в начале предложения обычно не представляет особого труда. Например: *Still*, *First*, *Notably*, *Unfortunately*, *However*, Moreover, *Analogously*, *Indeed*, *In particular*, *Of course*, *In addition*, *For one thing*, *In other words*, *According to the theory*, *In view of the criticism*, *From our perspective*, *In general*, *More important*, *In practice*, *During the tests*, *At the same time*, *In this way*, *The data having been analysed*, *Given the unexpected results*, *Hoping for a better understanding of the mechanism*, *To achieve a speedy progress in our research*, *For the initiative to make an impact on the environment*, *After the paper was published*, *Although most cosmologists assume a bang*, *Because the universe is not inflating*, *As we have discussed* и др. В художественной литературе такая запятая может часто отсутствовать.

Обособляющие запятые используются для выделения тех частей предложения, которые могут рассматриваться как более-менее самостоятельные в структурно-семантическом плане и, в качестве эксперимента, могут быть изъяты из предложения без

нарушения его основной структуры и значения. Например: *But, as we will explain, the Planck data, added to theoretical problems, have shaken the foundations of this assertion*.

В этом примере первая пара запятых обособляет вводное предложение, а вторая — определительный причастный оборот, не имеющий ограничительного значения.

Иногда можно найти примеры, когда одна запятая ставится после подлежащего перед сказуемым, если подлежащее имеет сложную и распространённую структуру. Например: *The definition of how the transform function varies over this contour, requires solutions to the stability equations for each point to be evaluated on the contour* (авторы H. I. Lee и D. S. Stewart).

В отличие от русского языка, запятые отсутствуют перед придаточным дополнительным (изъяснительным) и, как правило, перед придаточным определительным, стоящим сразу за определяемым словом, если определение имеет ограничительное значение.

Важно обращать внимание на запятую перед придаточным определительным предложением, которая может означать, что придаточное предложение не определяет существительное слева от запятой, а относится к существительному, стоящему дальше слева, или ко всему предложению слева от запятой, или имеет неограничительное значение. Например: *Initial balance equations are transformed in a suitable system of first-order ordinary differential equations, which is being explicitly solved for initial-value problems by the Runge-Kutta method*. В данном примере запятая вместе с формой единственного числа сказуемого *is being solved* указывает на то, что придаточное определительное предложение не относится к существительному *equations*, стоящему слева от запятой, а относится к существительному *system*.

Запятые используются для обособления вводных слов, словосочетаний и предложений, при перечислении и в других целях.

Таким образом, следует помнить, что запятые в английском научно-техническом тексте имеют большое значение для правильного разбиения текста на структурно-семантические составляющие.

Если предложение начинается с языковых форм, которые могут выполнять функцию подлежащего (чаще всего в виде именного словосочетания), или подлежащее главного предложения найдено после запятой, то за подлежащим следует поискать сказуемое, которое в английском языке всегда имеет в своём составе глагольную форму. И если сказуемое найдено, то дальнейшее понимание структуры предложения обычно не вызывает больших затруднений, т.к. мы знаем, что порядок слов в английском предложении, как правило, фиксирован (подлежащее — сказуемое — дополнения — обстоятельства и др.), а информационное развёртывание предложения идёт, как правило, по линии уточнения и введения дополнительной информации.

При переводе в узкоспециальной области мы сталкиваемся со специальной терминологией, которая носит интернациональный характер, понятна всем специалистам в данной области и которая при переводе обычно транслитерируется. Например: *laser* — лазер, *maser* — *мазер*, *quaser* — *квазар*, *nadir* — *надир* и др. Многочисленные примеры таких транслитерированных терминологических соответствий можно найти в переводах текстов по медицине. Терминология такого характера в русском языке обычно отмечается в областях науки, которые развивались в условиях активного международного сотрудничества на базе латинского, древнегреческого и английского языков, что привело к её заимствованию в русский язык. К таким областям можно отнести генетику (*теломеры*, *хромосомы*, *гены*, *сиквинирование* и др.), новые области медицины (*томография*, *стенты*, *неинвазивная хирургия* и др.), астрофизику (*пульсары*, *мазеры*, *квазары*, *кварки*), компьютерные технологии (*интернет*, *сайт*, *браузер*, *домен*, *курсор*, *сервер*, *провайдер* и др.). Приём транслитерации при переводе в условиях непонимания можно широко использовать при переводе незнакомой терминологии, т.к. это не нарушает общей структуры высказывания, и, скорее всего, транслитерированный термин будет понятен специалисту.

Определённую часть терминологии составляют общеупотребимые слова, которые в научных текстах приобретают терминологические значения. Не зная этих терминов, мы

можем предложить их перевод на основе их общеязыковых значений, что будет понятно специалисту и не нарушит коммуникации. Например: *window* — *окно*, *shield* — *щит*, *blanket* — *одеяло* вместо *иллюминатора*, *экрана* и *обшивки* на космическом корабле; *core* — *ядро*, *coolant* — *охладитель* вместо *активной зоны* и *теплоносителя* в атомной энергетике; *well* — *колодец* вместо *ямы* в квантовой электронике; *gate* — *ворота*, а не *затвор* в электрофизике; *decay* — *затухание* вместо печатного варианта *релаксация люминесценции при оптическом возбуждении* в оптической физике и др.

Особую трудность при переводе представляют собой терминологические словосочетания, не имеющие калек в русском языке. Такие терминологические соответствия нужно просто знать. Например: *apparent contact angle* — *краевой угол смачивания* в химфизике, *staggered grids* — *сетки со сдвинутыми узлами* в компьютерном моделировании и др.

Вероятной причиной такого расхождения в терминологии является некоторая самостоятельность развития данной области знания, что и привело к созданию специфичной для русского языка терминологии.

Определённую трудность при переводе в условиях непонимания может создавать грамматическая омонимия, например, лексемы, которые могут выступать как в функции существительного, так и глагола. Примерами таких лексем могут быть *approach*, *attempt*, *challenge*, *check*, *claim*, *concern*, *demand*, *estimate*, *gain*, *impact*, *shift*, *spin*, *tilt* и многие другие. Значительно проще переводить однокоренные лексемы, относящиеся к разным частям речи и отличающиеся друг от друга суффиксами. Например: *achieve* — *achievement*, *assume* — *assumption*, *develop* — *development* и др.

Некоторую «путаницу» при переводе могут создавать причастия настоящего времени и герундий, причастия прошедшего времени и глаголы в простом прошедшем времени, существительные во множественном числе с окончанием *-s* и глаголы в простом настоящем времени третьего лица единственного числа, *one* как числительное и как неопределённо-личное местоимение, *that* как указательное местоимение в функции слова-

заменителя и *that* как относительное местоимение *который* и др. Например, при переводе с листа предложения *Both enhanced hydrophobicity and reduced contaminant adhesion produce the lotus self-cleaning effect, often referred (to) as the "lotus effect"* аспиранты сначала определили *Both* как подлежащее, а *enhanced* и *reduced* как однородные сказуемые. Однако глагол-сказуемое *produce* заставил их пересмотреть свою интерпретацию начала предложения и изменить статус *enhanced* и *reduced* на причастия прошедшего времени в функции определения. И ещё пример: *Note again that transconductance scales with channel area rather than channel width, due to the geometry of the transistor*. При переводе данного предложения первоначально *scales* интерпретировалось как существительное *масштабы*, однако в таком случае придаточное предложение остаётся без сказуемого, и поэтому статус *scales* был изменён на глагольное сказуемое *масштабироваться*.

Возможность возникновения таких ошибок повышается, когда перевод осуществляется в условиях неполного понимания.

Особую трудность при переводе в условиях непонимания представляют собой цепочки препозитивных определений перед существительным, которые неспециалистом и без знания текста могут интерпретироваться по-разному. Например, *effective land-use planning* может означать 'эффективное планирование землепользования' или 'планирование эффективного землепользовани'.

Точный перевод некоторых из таких словосочетаний в тексте может дать только специалист, хорошо знающий английскую грамматику и свою специальность. При всём при этом в построении таких препозитивных цепочек отмечаются некоторые закономерности, знание которых позволяет правильно переводить такие словосочетания, часто не понимая их значения.

Основным правилом при понимании и переводе таких структур является то, что главным определяемым в них является последнее слово, и, например, словосочетание *problem solution* должно переводиться как *решение проблемы*, *решение проблем* или *проблемное решение*, а не *проблема решения*.

Ещё одним важным правилом является то, что при переводе цепочки определений, состоящей только из существительных, мы переводим (а, точнее, должны понимать) справа налево, нанизывая определения в родительном падеже. Интересным и понятным всем примером может быть следующий: *London Portrait Gallery internet shop telephone number* — 'номер телефона магазина интернета галереи портретов Лондона', что в переводе должно дать *Телефонный номер интернет-магазина Лондонской портретной галереи*.

Ещё одно правило понимания цепочки препозитивных определений гласит о том, что первое определение, выраженное прилагательным, относится, как правило, к главному определяемому, т.е. последнему слову в цепочке. Однако, это не всегда так. И есть примеры, в которых первое определение, выраженное прилагательным, относится к первому слову справа, что может знать только специалист в данной области. Например, в словосочетании *a light water reactor* первое прилагательное относится к слову *water*, а не к *reactor*, и всё словосочетание должно переводиться как *легководный реактор* на атомной электростанции.

Словосочетания непростой структуры с препозитивными определениями часто встречаются в научно-технической литературе, и их перевод может представлять определённые трудности как для специалиста, так и для неспециалиста. Приведём некоторые примеры из текстов по атомной энергетике:

— *a low-temperature nanofluid-based direct absorption solar collector*;

— a carbon particle thermochemical high temperature reactor;

— high-temperature evacuated tubular solar collectors;

— *a light water reactor (LWR) subchannel safety analysis*.

Использование в таких словосочетаниях дефисов помогает установить связи между определениями и облегчает их понимание и перевод.

Стилисты английского языка считают, что в препозиции не должно быть более трёх определений. Однако на практике в научно-технических текстах эта рекомендация часто не соблюдается.

Более полное рассмотрение правил построения и понимания таких определительных структур можно найти в многочисленных грамматиках английского языка [2; 4].

Нередко при переводе с листа слово за слово искажается коммуникативная структура английского предложения. Возьмём, например, из учебника М .Г. Рубцовой «Полный курс английского языка» фрагменты трёх предложений из текста Stalactites [2, 261]:

— *Stone icicles form on the cave roof ...*

— *… a hanging curtain of stone will form in place of a conical stalactite.*

— *… and small cones and domes of stone called stalagmites begin to rise.*

Перевод с листа слово за слово даёт нам русские предложения, имеющие коммуникативную структуру совершенно противоположную структуре английского предложения: тема русского предложения соответствует реме английского и, наоборот, рема русского предложения соответствует теме английского:

— *Каменные сосульки образуются на своде пещеры* (вместо *На своде пещеры образуются каменные сосульки*);

— *… висящий каменный занавес образуется вместо конического сталактита* (должно быть: *вместо конического сталактита образуется висящий каменный занавес*);

— *… и маленькие каменные конусы и купола, называемые сталагмитами, начинают подниматься* (вместо *начинают подниматься маленькие каменные конусы и купола, называемые сталагмитами*).

При переводе первого предложения не были приняты во внимание артикли, при переводе второго предложения не был учтён артикль перед подлежащим и не была учтена структура всего предложения, а при переводе третьего не было учтено отсутствие артикля перед подлежащим. Всё это дало нам русские предложения с коммуникативной структурой, не соответствующей коммуникативной структуре английских предложений.

Необходимо учитывать возможность возникновения такого рода ошибок при переводе с листа в условиях непонимания.

Рассмотрим пример сочетания ошибок: *In that case, the inflationary energy density would comprise an infinitesimal fraction of the total energy density after the big bang, far too small to cause the universe to inflate right away*. При переводе этого предложения группа аспирантов-физиков допустила две смысловые ошибки. Во-первых, в словосочетании *the total energy density* прилагательное *total* было ошибочно отнесено к слову *density*, а не к *energy*, хотя в аналогичном словосочетании *the inflationary energy density* прилагательное *inflationary* было отнесено как определение к *energy*. Во-вторых, часть предложения после запятой была ошибочно отнесена как определение к *the total energy density*, а не к *the inflationary energy density*. Обе эти ошибки стали возможными потому, что в предложении нет никаких формальных грамматических указаний на то, как правильно установить семантические связи, за исключением того, что *the inflationary energy density* — подлежащее, а *the total energy density* — определение к дополнению, что объясняет разницу в их коммуникативной значимости. Однако это различие ускользнуло от внимания аспирантов. Кроме того, аспирантам не хватило общего понимания всего текста и нужных для этого знаний.

В целях подтверждения высказанных в статье наблюдений был проведён эксперимент по сравнению перевода текста по программному обеспечению безопасной эксплуатации атомных реакторов, выполненного специалистом в этой области, с переводами того же текста, выполненными в условиях неполного понимания аспирантами-физиками, не являющимися специалистами в этой области. Сравнение переводов показало, что основная трудность состояла в незнании русских эквивалентов терминологических словосочетаний на английском языке. Например, *Courant-type time-step limits* переводилось специалистом как *ограничения типа Куранта на временной шаг*, в то время как неспециалисты давали переводы *временные пределы типа Куранта*» или *временные пределы Курантного типа*, а *the material Courant limit* переводилось как *вещественный лимит Куранта* или *предел Курантного материала* вместо *условия Куранта для среды*.

Незнание проблематики приводило также к неточному переводу отдельных терминов, использующихся и в других науках, но имеющих другие русские эквиваленты. Например, *the new time level* переводилось как *новый временной уровень* вместо *нового временного слоя*, *cell edges* переводилось как *края ячеек* или *кромки ячеек* вместо *границ ячеек*, *the time constant* переводилось как *временная константа*, *константа времени* или *постоянная времени* вместо *характерного масштаба времени*, использующегося специалистами в данной области.

Иногда из-за незнания проблематики возникали смысловые ошибки. Например, *mass and energy convection* было переведено как *масса и конвекция энергии* вместо правильного *конвекция массы и энергии*, а незнание общей проблематики и сокращений при переводе *LWR safety use* дало *использование LWR безопасности* вместо *безопасной эксплуатации легководных реакторов*.

Смысловые ошибки в переводах могли возникать и тогда, когда незнание проблематики накладывалось на непрочное знание грамматики английского языка. Например, *the mass and energy variables* было переведено в одном случае *как масса и энергия переменных* вместо *переменные массы и энергии*.

В целом, если отвлечься от возможных грамматических ошибок, проведённый эксперимент лишний раз показал, что перевод в условиях непонимания проблематики в большинстве случаев оказывается осуществимым, даже если текст перевода и получается несколько «шероховатым».

Подводя итоги, хотелось бы ещё раз отметить, что трудности перевода научно-технической литературы в условиях непонимания возникают из-за незнания терминологии и многозначности многих языковых форм. Преодоление всех этих трудностей на базе имеющихся знаний по специальности и прочных знаний английского языка, и особенно его грамматики, и делает возможным перевод в условиях непонимания.

Литература

1. Пумпянский А Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. Второе, дополнительное издание. М., 1981.

2. Рубцова М. Г. Полный курс английского языка. Издание третье. М., 2002.

3. Чернов Г. В. Основы синхронного перевода. М., 2015.

4. Широкова Г. А. Практическая грамматика английского языка. М., 2013.

5. Sizov M. M. Consecutive Interpretation in the Conditions of Incomprehension. ESP RUSSIA. A Newsletter for Russian Teachers of English for Specific Purposes. The British Council. Russia, 1996, Vol. 2.

6. Grammar, Punctuation, and Capitalization. A Handbook for Technical Writers and Editors. By Mary K. McCaskill et al. 1998.

И. И. Челышева (Институт языкознания РАН)

I. I. Chelysheva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Стратегии использования диалекта в итальянской художественной литературе[1]

The Dialects of Italy in Italian Fiction: Strategies of Use

Аннотация

В статье рассматривается проблема использования диалектов в творчестве современных итальянских писателей, пишущих на литературном языке, с точки зрения избранных стратегий включения диалектного материала в текст на итальянском. Особое внимание уделено исследованию диалекта в романах «Леопард» Джузеппе Томази ди Лампедуза и «Христос остановился в Эболи» Карло Леви.

The paper deals with the problem of using dialects in the works of contemporary Italian writers who write in the standard language, from the point of view of selected strategies for including dialects in Italian text. Special attention is brought to the investigation of the dialect linguistic reality in the novels *Il Gattopardo* by Giuseppe Tomasi di Lampedusa and *Cristo si è fermato a Eboli* by Carlo Levi.

Ключевые слова

Итальянский язык, диалекты Италии, стилистика, социолингвистика

The Italian language, dialects of Italy, textual and stylistic studies, sociolinguistics

Языковая реальность Италии многообразна и сложна. Диалекты Италии, представляя собой языковые образования, возникшие на основе народной латыни соответствующих ареалов с различным лингвистическим субстратом, обладают ярко выражен-

[1] Статья написана в рамках проекта «Основы итальянистики», поддержанного грантом РФФИ 17-04-50136-ОГН ОГН-АФ.

ным структурным своеобразием, собственной историей и, нередко, достаточно богатой литературной традицией. Включение диалекта в текст на итальянском языке, особенно в художественном произведении, — явление многогранное и неоднозначное. Оно создает трудности в восприятии и понимании текста не только для иностранцев, но и для самих итальянцев.

После того как в течение XVI в. в качестве общего литературного языка Италии утвердился язык на основе флорентийского наречия тосканского диалекта с возведением в ранг языкового образца «по праву шедевра» произведений Данте, Петрарки и Боккаччо, литература на диалектах стала отдельной частью литературы Италии. Речь стала идти о *dialettismo volontario* ‘сознательном использовании диалектов’ в литературном творчестве в противовес собственно итальянскому языку. Отдельные произведения на диалектах в разные эпохи вошли в золотой фонд итальянской литературы благодаря таланту их создателей, например, «Il cunto de li cunti» ‘Сказка сказок’ Дж. Базиле на неаполитанском (1634), комедии К. Гольдони на венецианском (XVIII в.), «Римские сонеты» Дж. Белли на романеско — диалекте Рима (30-ые гг. XIX в.). Диалекты оставались основным средством устного общения, а литературный язык вплоть до середины XX в. ограничивался, преимущественно, письменной сферой использования и отдельными, специфическими устными коммуникативными ситуациями.

Со второй половины XX в. диалекты стали стремительно утрачивать позиции, а итальянский язык становится основным средством не только письменного, но и устного общения. Тем не менее диалект, даже утрачивая реальную коммуникативную сферу, остается важной частью региональной идентичности, что может приводить к символическому и философскому осмыслению достаточно заурядных лингвистических явлений и к поискам в них особого смысла. В качестве примера приведем рассуждение Леонардо Шаша, одного из крупнейших итальянских писателей XX в., сицилийца по происхождению, о его родном наречии. Он напрямую связывает одну из характеристик глагольной системы сицилийского диалекта, а именно ограниченное использование будущего времени индикатива, с особенностями сицилийского характера, истории и культуры Сицилии.

В одном из интервью Шаша утверждал, говоря о сицилийцах: «Страх перед завтрашним днем и неуверенность у нас так сильны, что нам неизвестна форма будущего времени глаголов. У нас никогда не говорят: "*Domani andrò in campagna*" 'Завтра я уеду загород', но "*Dumani vaju in campagna*" 'завтра я уезжаю загород'. О будущем говорят только в настоящем времени» [Цит. по: 8, 255][2]. С точки зрения лингвиста, использование настоящего времени в значении ближайшего будущего — достаточно универсальная характеристика романских и не только романских языков. Вполне естественно эта фраза звучит в настоящем времени индикатива и в итальянском литературном языке: *Domani vado in campagna*. Более того, форма будущего времени для сицилийского известна и в письменных текстах встречается. Но справедливо и то, что на юге Италии (и не только на Сицилии) будущее время малоупотребительно. Таким образом, Шаша прав, констатируя эту особенность диалекта, но культурологическое толкование грамматических структур выглядит несколько искусственным. Добавим, что эта мысль писателя разделяется многими его земляками, и нам неоднократно приходилось встречать ее и в средствах массовой информации и в Интернете на форумах.

Цель данной статьи — описать некоторые закономерности в использовании диалекта в литературе на итальянском языке XX—XXI вв., причем ориентируясь именно на лингвистический, а не на литературно-художественный аспект этого явления. Мы не будем затрагивать полемику о диалекте в литературе, полемику, в которой в разные годы XX в. принимали участие известнейшие итальянские авторы (см. об этом в [2]).

Ограничимся лишь упоминанием еще одной важнейшей проблемы, которая также заслуживает отдельного исследования, — возможностей и путей представления диалектных включений при переводе итальянской литературы. Тут даже единичные формы требуют от переводчика определенного мастерства. Например, в рассказе Итало Кальвино «Il furto nella pasticceria» 'Ограбление в кондитерской' сицилиец получил прозвище *Uora-Uora*, что на сицилийском значит 'вот-вот, сейчас, немедленно' и соответствует итальян-

[2] Здесь и далее перевод наш — И.Ч.

скому *ora*. В русском переводе это прозвище довольно удачно передано как «Турок», что подходит к описанию внешности персонажа, но не несет отсылки к сицилийскому диалекту [1].

Для итальянского литературоведения и итальянской лингвистики тема диалекта в литературе остается актуальной уже более века и ей посвящено немало содержательных и разноплановых работ. Особенно плодотворно исследовано в этом плане творчество таких авторов, как Дж. Верга, Л. Пиранделлло, П. П. Пазолини [6]. Тем не менее нам представляется, что было бы интересно попытаться обобщить опыт использования диалектного материала в итальянской современной литературе. Мы ограничимся только литературой на итальянском языке, не затрагивая произведения тех авторов, которых в Италии именуют *dialettografi* ‘пишущие на диалектах’.

Представляется, что, с известной долей упрощения, можно выделить три основных стратегии в использовании диалекта в итальянском художественном тексте. Первая заключается в том, что диалект в виде реальных языковых структур в произведении не используется и весь текст написан на итальянском литературном языке. Однако это не значит, что диалектная реальность не находит отражения в описании действительности — присутствие или отсутствие диалекта в конкретной коммуникативной ситуации оговаривается автором. Разумеется, эти указания не повторяются на каждой странице — в этом просто нет необходимости, поскольку для итальянского читателя ясно, что, например, крестьяне вплоть до середины XX в. могли говорить только на диалекте или на диалектном койне. Примером такого подхода может служить творчество классика итальянской литературы Дж. Верга (1840—1922). В его произведениях сицилийские крестьяне говорят на итальянском. Есть определенный парадокс в том, что Джованни Верга, один из столпов литературного направления веризма, в языковом плане предпочитал отклониться от реальности, хотя определенный налет языкового «сицилианизма» в языке Верги чувствуется. Следы сицилийского находят в синтаксисе, в именах собственных, в переложении на итальянский сицилийских поговорок и пословиц. В исследованиях применительно к этим случаям нередко звучит мысль об «автопереводе», т.е. об авторском переложении на

итальянский в процессе создания произведения того, что для авторов естественно звучало на диалекте (см. о Пиранделло [5], о Верге [3]).

Вторая стратегия заключается в том, что диалект представлен в прямой речи персонажей, а в авторском изложении господствует литературный язык. Конечно, жестко разделить структурные элементы двух идиомов сложно: в речи итальянцев всегда присутствует взаимная интерференция и существуют регистры разного уровня промежуточности между языком и диалектом. К тому же, использование *dialetto stretto* ‘чистого диалекта’ может сделать текст непонятным для широкого читателя.

Так использовал романеско — римский диалект, Пьер Паоло Пазолини в своих романах «Ragazi di vita» (1955) и «Una vita violenta» (1959), которые по-русски выходили под названием «Шпана» и «Жестокая жизнь». Для Пазолини романеско не был родным; он познакомился с ним, переехав в Рим уже во взрослом возрасте. Но естественное для итальянцев многоязычие было ему не чуждо: стихи в определенный период своей жизни он писал на фриульском языке. А в кинематографе режиссер Пазолини неординарно использовал разные диалекты (неаполитанский в «Декамероне», абруццский в «Евангелии от Матфея»). Заметим, что осмысление роли диалекта в итальянском обществе было одной из важнейших частей формирования мировоззрения Пазолини в целом.

То, что отражено Пазолини в его романах, в Италии называют скорее не *romanesco*, а *romanaccio*, где *romanaccio* — форма с пейоративным суффиксом *-accio* (ср., например, в итальянском *giornata* ‘день’ — *giornataccia* ‘неудачный день’, *film* ‘фильм’— *filmaccio* ‘плохой фильм’). Это речь римских низов, жителей неблагополучных пригородов столицы, вложенная, прежде всего, в уста персонажей. См., например, следующий фрагмент, где речь идет о задержании на рынке малолетних воришек: *Disse a quelli che lo reggevano: “Lassateme, lassateme, a moretti, che nun je fo’ niente. Che me metto co li regazzini, io?” <…> “Damme er formaggio mio, e spesa”, fece già quasi conciliante il formaggiaro. “E daje ’sto formaggio”, fece un pesciarolo*. ‘Он сказал тем, кто его держал: «Пустите меня, пустите, я же ничего не делаю. Разве я вместе с ребятами?» <…> «Отдай мне мой сыр, и хватит», сказал, почти успокоившись, продавец сыра. «Отдай этот сыр», добавил торго-

вец рыбой' [PP, 113]. Здесь не только персонажи говорят на диалекте, но и автор именует участников этой сцены по-римски: продавец сыра — *formaggiaro* и торговец рыбой — *pesciarolo*. Для первого в итальянском языке есть наименование *formaggiaio*, с тосканской формой суффикса *–aio*, а не с римской *–aro*; для второго соответственно — *pescaio* и *pescivendolo*.

Речь римских низов у Пазолини изобиловала не только диалектной, но и обсценной лексикой; против автора и издателя в 1955 г. был возбужден судебный процесс с обвинением в «непристойности». Дело завершилось полным оправданием, поскольку было признано, что язык персонажей романа соответствует реальности тех слоев общества, которые описываются в романе. Этот юридический казус подтверждает: стратегия второго типа направлена на воссоздание в литературе такой языковой ситуации, которая воспринималась бы читателем как реальная.

Для лингвиста очень интересна третья стратегия, которая заключается в постоянном смешении языковых элементов разного происхождения, принадлежащих к разным языковым уровням, и в речи персонажей, и в авторской речи. Отчасти в этом случае можно говорить о разнообразном переключении кодов, отчасти о включении в достаточно свободном порядке отдельных диалектных лексем в итальянский текст. Иллюстрацией третьей тенденции в использовании диалекта может служить творчество таких авторов, как Карло Эмилио Гадда (1893—1973) и Андреа Камиллери (1925 г. рождения). Лингвистический анализ их текстов заслуживает отдельного подробного рассмотрения. В их произведениях соединены и нарочито переплетены различные стилистические уровни итальянского языка с разными диалектами таким образом, что создается уникальная и неповторимая языковая ткань. Итальянские исследователи пишут, что Гадда в языковом плане создавал текст *pasticcio* 'смесь, пастиччо, пастиш'. Вопрос в том, насколько создаваемый этими авторами текст соотносится с языковой реальностью и чем обуславливается введение в текст того или иного языкового элемента. А. Камиллери, в основном, включал в свои произведения сицилийский диалект, о котором он заметил: *«C'è chi dice*

che adopero il siciliano come l'uva passa: ne lascerei cadere qualche chicco su una struttura italiana. Non è così. La cosa è più complessa. Io utilizzo le parole che mi offre la realtà per descriverla in profondità». 'Кое-кто говорит, что я использую сицилийский как изюм: как бы посыпаю изюминками диалекта итальянский язык. Это не так. Все обстоит сложнее. Я использую слова, которые мне предоставляет реальность, чтобы достичь глубины в ее описании» [4]. Для таких авторов, как Камиллери, лингвистический анализ можно проводить пословно и построчно, настолько своеобразно в их текстах взаимодействие языка и диалекта. Приведем лишь краткий пример на уровне одного предложения из романа «Il Birraio di Preston» 'Пивовар из Престона': «*Il picciotto vedeva la luce di una sola verità: che il bianco era bianco e il nìvuro era nìvuro. Scarsi gli anni ancora per capire che quando il bianco sta vicino vicino al nìvuro fino a toccarlo si forma, tra i due colori, una linea media, una linea d'ùmmira, dove il bianco non è più bianco e il nìvuro non è più nìvuro. Il colore di quella linea si chiama grigio*». 'Мальчик видел свет лишь одной истины; белое было белым, а черное было черным. Слишком еще мало было ему лет, чтобы понять, что, когда белое находится совсем рядом с черным, почти касаясь его, образуется между двумя цветами средняя линия, линия тени, где белое уже не белое, а черное уже не черное. Цвет этой линии называется серым' [CA, 112]. В этом фрагменте только три слова можно связать с диалектом: *piciotto* 'мальчик', которое хорошо известно и за пределами Сицилии, поскольку имеет еще и значение 'подручный у мафиози', что-то вроде русского *шестерка*; *nivuro* 'черный' и *ummira* 'тень'. Получается, что сицилийский как бы выступает на «темной стороне» повествования Камиллери, однако любые обобщения в текстах такого порядка возможны лишь на уровне отдельных фрагментов.

Провести четкую границу между авторами, придерживающимися той или иной стратегии, достаточно трудно, как, впрочем, невозможно отнести безоговорочно текст того или иного автора к сторонникам или противникам определенной авторской стратегии. Один и тот же автор в разных произведениях может по-разному использовать диалектное богатство Италии. Далее мы несколько подробнее остановимся на двух текстах: это классический роман итальянской литературы «Il Gattopardo» 'Леопард' Джузеппе

Томази ди Лампедуза, написанный в 50-х гг. XX в. и опубликованный в 1958 г. после смерти автора, и хронологически достаточно близкий к нему документальный роман Карло Леви «Cristo si è fermato a Eboli» ‘Христос остановился в Эболи’, увидевший свет в 1944 г. Оба романа можно отнести с точки зрения избранной стратегии использования диалектов к первой из перечисленных выше групп: у обоих авторов диалектные языковые структуры почти отсутствуют, но это не мешает диалекту выступать как важное «действующее лицо» и в том, и в другом произведении.

Действие романов разворачивается на юге Италии: в первом случае это, в основном, Сицилия и Неаполь, во втором — Лукания (современное официальное название области — Базиликата). Личные отношения каждого автора с окружающей героев диалектной реальностью совершенно противоположны: для Томази ди Лампедуза, представителя старинного сицилийского аристократического рода, говор Агридженто на Сицилии был родным; для Карло Леви, врача и литератора, уроженца северного Турина, сосланного в 1935—1936 гг. в глухую провинцию, луканский диалект звучал как совершенно чужой.

В обоих романах диалект является важнейшим элементом не только социолингвистической, но и исторической, политической и культурной ситуации. Он наделяется особым символическим значением как эмблема государственности, уходящей, наступающей или действующей. Роман «Леопард» начинается в 1860 г., когда последние дни доживала Сицилия в составе Неаполитанского королевства, которому было суждено войти в единую Италию. Главный герой романа, глава старинного сицилийского рода князь Фабрицио Салина, а с ним и все сицилийцы, переживает тот момент в жизни, который афористично сформулирован в еще одном известнейшем итальянском произведении — «Исповедь итальянца» Ипполито Ньево. Герой Ньево пишет: «Я родился венецианцем 18 октября 1775 г., в день святого евангелиста Луки; а умру по милости Божьей итальянцем… Вот мораль моей жизни» [6, 1].

Сицилийских слов и сицилийских языковых структур в романе практически нет, но это не значит, что нет диалекта. Когда князь беседует с крестьянами, автор уточняет,

что говорит он на *«dialetto stilizzatissimo»* ‘изысканнейшем диалекте’. Крестьяне по определению могли говорить только по-сицилийски, и маркером этого в их речи выступает известное сицилийское обращение *Voscenza* ‘Ваше сиятельство’. Еще одно диалектное слово, однако в итальянской форме, используется в этой беседе для обозначения сицилийской реалии: *carnaggio* ‘выплата натурой, продуктами’ [TL, 35].

Диалект у Дж.Томази ди Лампедуза более или менее явственно звучит в речи лишь одного эпизодического персонажа, причем это не сицилийский, а неаполитанский диалект. Неаполитанскими словами щедро пересыпает свою речь король доживающего последние дни Неаполитанского королевства, куда входила и Сицилия. Король беседует с Фабрицио Салина, который говорит по-итальянски: *«Salina, tu vo’ pazziare; lo sai che a Caserta sei come a casa tua. A casa tua, sicuro <…> E le ’ppeccerelle che fanno? <…> . Io domandavo d’e ’ppeccerelle toie, d’e Principessine. Concetta, la cara figlioccia nostra, dev’essere granne ora, ‘na signorina»*. ‘Салина, ты с ума сошел; ты знаешь, что в Казерте ты, как у себя дома. У себя дома, несомненно. <…> А девочки как поживают? <…> Я спрашивал о твоих девочках, о княжнах. Кончетта, наша дорогая девочка, должно быть, теперь уже большая, синьорина’. В речи короля отражена типичная для южных диалектов ассимиляция (*granne*, итал. *grande*); неаполитанскую форму имеют артикли (*’na* вместо *una* и *’e* с удвоением последующего первого согласного имени *’e ppeccerelle* вместо *le*); диалектную форму имеет и притяжательное местоимение *toie* вместо *tue*.

Неаполитанский в устах короля из покидающей историческую сцену династии Бурбонов выступает как бы официальным языком уходящего государства и уходящей эпохи. Главный герой воспринимает смену исторических эпох в том числе и как смену диалектов, рассуждая о том, что «на смену неаполитанскому придет туринский» [TL, 17], поскольку Бурбонов сменит пьемонтская династия Савойя, а будущий король Виктор-Эммануил имеет прозвище «Пьемонтец».

Особое внимание автор обращает на итальянский, когда на нем начинают говорить те, от кого подобного языка не ожидали. Так, например, князья Салина принимают у себя дочь своего управляющего Анджелику, о речи которой говорится: «*il collegio*

fiorentino aveva cancellato lo strascichio dell'accento girgentano; di siciliano, nelle parole, rimaneva soltanto l'asprezza delle consonanti…», 'флорентийский пансион стер шлейф говора Агридженто; от сицилийского осталась только некоторая глухость согласных…' [TL, 57]. Итальянская речь девушки из семьи разбогатевших простолюдинов становится у автора признаком коренных изменений в обществе.

Дж. Томази ди Лампедуза очень тонко использует отсылки к диалекту для характеристики эпохи. Эти отсылки нередко полностью пропадают при переводе, но для носителей итальянского языка, в отличие от иностранцев, они значимы и понятны. Например, перечисляя надписи, появлявшиеся на стенах сицилийского городка, автор упоминает «*Viva Garibbaldi!*» 'Да здравствует Гарибальди!' [TL, 46]. Имя героя Италии написано в ней с ошибкой: *Garibbaldi* вместо *Garibaldi*. Удвоение буквы, отражающее произношение с геминированным согласным, показывает, что писал местный житель, сицилиец, причем не очень образованный и не различающий четко итальянский язык и диалект. Для диалектов южной группы удвоение согласного — черта довольно распространенная (ср. итал. *unico* 'единственный'— южн. *unnico*). Таким образом, добавив одну букву, автор дал понять, как относились к Гарибальди местные жители.

Несмотря на столь ограниченное использование диалектных элементов, свойственное Италии лингвистическое разнообразие в романе присутствует. Это единичные, но яркие упоминания языковых характеристик, характерных для уроженцев иных мест, которых судьба забросила на Сицилию, например, об офицере-миланце говорится, что он «ослеплял барышень своими светлыми усиками и неискоренимым грассирующим «р»» [TL, 42]. Грассирующее, «французское» произношение «р» может быть индивидуальным произносительным признаком, но, вместе с тем, оно встречается в ломбардском диалекте. В речи миланца звучит и единственное северное слово, хорошо известное всей Италии: «*…la signorina Angelica è la più bella 'tosa' che abbia mai visto…*», '… синьорина Анджелика — самая красивая девушка, какую я видел…' [TL, 112]. *Tosa* — общее для северо-востока и севера (Венето, Ломбардия) слово, обозначающее девочку, девушку, которое,

наряду с парной формой мужского рода *toso*, *tuso*, до сих пор сохраняется не только в диалектах, но и в региональном, северном варианте итальянского языка. Именно широкая известность этого слова позволяет автору воспроизвести его в речи персонажа, что делает естественной коммуникативную ситуацию, когда ломбардец и сицилиец беседуют по-итальянски, сохраняя в речи местные особенности.

Таким образом, несмотря на очень ограниченное использование собственно диалектных языковых единиц, диалект в романе «Леопард» является важным элементом воссоздания языковой ситуации и частью описания исторической реальности в целом.

Как и для Джузеппе Томази ди Лампедуза, для Карло Леви в противопоставлении языковых форм (луканский диалект, на котором говорят крестьяне, и итальянский язык представителей власти) воплощается социальная и культурная пропасть в обществе: «Для крестьян государство дальше, чем небо <…> Неважно, какие у него лозунги, какая структура, какие программы. Крестьяне их не понимают, потому что это другой язык, чужой» [LC, 76].

Очень редко Леви использует диалектные слова для того, чтобы обозначить местные реалии: *un casotto che si chiama in dialetto con la parola greca il catoico* [LC, 118] ‘постройка, которая на диалекте называется греческим словом *catoico*’. Заметим, что для греческого по происхождению слова невозможно подобрать совпадающий по этимологии итальянский аналог, так что диалектная форма здесь вполне оправдана. Однако сама форма все-таки итальянизирована — итальянский артикль *il* вместо *lu* (*u*) и конечный гласный *-o* вместо более вероятного южного *-u*.

Кроме того, диалектные формы у Леви связываются с некоторыми ключевыми понятиями, которые, по мнению автора, определяют жизнь местных крестьян. К. Леви подчеркивает, что за этими обозначениями стоит иное содержание, чем то, что обычно связывается с соответствующими словами итальянского языка. Диалектное отрицательное местоимение *ninte* ‘ничего’ для автора отличается от итальянского *niente*: *Io pensavo a quante volte, ogni giorno, usavo sentire questa continua parola, in tutti i discorsi di contadini: — Ninte, — come dicono a Gagliano. — Che cosa speri? Niente — Che cosa hai mangiato? —*

Niente. — Che cosa puoi fare? — Niente [LC, 181]. ‘Я думал, сколько раз, каждый день мне приходилось слышать это слово в речи всех крестьян: Ничего, — как говорят в Гальяно. — Что ты ел? — Ничего — Чего ты ждешь? — Ничего. — Что ты можешь сделать? — Ничего’. Диалектная форма *ninte* появляется только при первом упоминании слова, а воспроизведение речи крестьян идет на итальянском с литературной формой *niente*.

Еще одно столь же значимое слово, привлекшее внимание автора, хорошо знакомо диалектологам: речь идет о романском потомке латинского наречия *cras* ‘завтра, рано’. На большей части романского ареала оно было заменено на производные от латинского *mane* ‘утро’ (итал. *domani*, франц. *demain*, исп. *mañana*, румынск. *mâine*), но сохранилось в Сардинии и на юге Италии в форме *crai*. Для Леви *crai*, объединяющее в себе значения ‘завтра’ и ‘когда-нибудь’, в устах крестьян звучит как символ безнадежности и безысходности: *Tutto quello che deve arrivare, che deve essere fatto o mutato, è crai. Ma crai significa mai* [LC, 181]. ‘Все то, что должно случиться, что должно быть сделано или изменено, это *crai*’. Но *crai* значит никогда’. Вся жизнь крестьян проходит, по определению автора, в «*etterne nebbie del crai*» ‘вечных туманах *crai’* [LC, 204].

Карло Леви использует прием, к которому прибегал и Дж.Верга, передавая на итальянском местные пословицы и поговорки. Но там, где это возможно, Леви сохраняет оригинальную форму. Например, видя вместе брата и сестру, крестьянки восклицают, намекая на сердечную близость родственников: «*Frate e sore, core e core!*» [LC, 82]. ‘Брат и сестра, сердце и сердце!’. Диалектные включения у Леви относятся к тем, которые легко понимаемы владеющими итальянским. *Frate* и *sore* (итал. *suora*) заменены в итальянском уменьшительными *fratello* ‘брат’ и *sorella* ‘сестра’, но остались для обозначения монашествующих. *Core* ‘сердце’ без дифтонга (итал. *cuore*) постоянно использовалось в итальянской поэзии как архаическая и стилистически возвышенная форма.

Если диалект Гальяно, луканского городка, в котором живет главный герой, присутствует в изложении как бы незримо, практически без упоминаний, то иные диалекты на этом фоне оказываются отмечены автором, например, апулийский: «*il diverso dialetto, con i suoi rapidi suoni pugliesi*» [LC, 161], ‘другой диалект с его краткими апулийскими

звуками’. Определение rapido ‘быстрый, краткий’ действительно подходит для характеристики звучания апулийского, где безударные гласные сильно редуцируются, вплоть до перехода в нейтральный гласный [ə]. Таким образом, наблюдение Карло Леви подтверждает то, что у итальянских писателей, как и у итальянцев вообще, хороший слух на диалектные особенности. И Джузеппе Томази ди Лампедуза, и Карло Леви, избрав основным средством описания художественной действительности итальянский литературный язык, не лишили диалекты того огромного значения, который эти языковые формы имели и продолжают иметь в итальянском обществе, в истории Италии, в идентификации каждого итальянца в прошлом и в настоящем.

Источники

CA — Camilleri A. Il Birraio di Preston. Palermo: Sellerio, 1995.

LC — Levi C. Cristo si è fermato a Eboli. Torino: Einaudi, 1945 //http://www.psyco.com/memoriali/autori/opereitali/crisfermeboli.pdf.

PP — Pasolini P.P. Ragazzi di vita. Milano: Garzanti, 2009.

TL — Tomasi di Lampedusa G. Il Gattopardo. Milano, Feltrinelli, 2002 //http:// followers.altervista.org/Giuseppe_Tomasi_di_Lampedusa_-_Il_gattopardo.pdf.

Литература

1. Кальвино И. Ограбление в кондитерской // Кальвино И. Кот и полицейский. Пер. с итал. А. С. Короткова. М., Молодая гвардия, 1964.

2. Степанова Л. Г. «Диалектная вспышка» в языке художественной литературы современной Италии и ее наддиалектный характер // Типы наддиалектных форм языка. М., Наука, 1981.

3. Alfieri G. Verga traduttore e interprete del parlato e della parlata siciliana // Le nuove forme del dialetto / A c. di G.Marcato. Padova: Unipress, 2011.

4. Camilleri A. Intervista a cura di A. Casazza, 16 ottobre 2002 //wikiquote.org/wiki/Andrea_Camilleri.

5. Lubello S. Dal dialetto all’italiano: Pirandello autotraduttor // I luoghi della traduzione. Le interfacce / A c. di G. Massariello Merzagora. Roma: Bulzoni, 2011. Vol. I.

6. Nievo I. Le confessioni di un Italiano. Torino: Einaudi, 1964 //http: //www.letteraturaitaliana.net/pdf/Volume_8/t230.pdf.

7. Sgroi S.C. Scrivere per gli Italiani nell'Italia post-unitaria. Firenze: Cesati editore, 2013.

8. Sgroi S.C. Leonardo Sciascia 'scrittore di cose' o 'di parole'? Ovvero la sua eredità linguistica (e metalinguistica) // L'eredità di Leonardo Sciascia / A.c. di C.di Caprio e C.Vecce. Napoli: Universita di studi di Napoli, 2012.

Проблемы преподавания языка

Problems of Language Education

Н. М. Разинкина (Институт языкознания РАН)

N. M. Razinkina (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Учебный подход к понятию «экспрессивность текста» (с вопросами, заданиями и примерами на русском и английском языках)

A Teaching Approach to the Idea of Text Expressiveness (With Questions, Assignments, and Examples in Russian and English)

Аннотация

Статья посвящена вопросам, относящимся к экспрессивным (выразительным) качествам текстов fiction и nonfiction. Экспрессивность представлена в двух категориях — как ингерентная, т.е. существующая вне контекста и отраженная в толковых словарях, и как адгерентная, т.е. такая, которая может возникнуть только в определенном контексте. В статье делается попытка показать, что одним из эффективных средств создания экспрессивности является намеренное «столкновение» в тексте лексики сугубо разговорной и литературно-книжной.

The paper deals with the quality of a text (both fiction and nonfiction) to convey effectively some meaning or feeling. Words showing a particular feeling are divided into two categories: those whose individual vividness is shown in dictionaries and those whose picturesqueness might be observed in certain contexts only. A special attempt is made to identify cases of deliberate collision between lofty rhetorical, bookish words and colloquial words, which turns out to be an effective device to show a strong feeling or image.

Ключевые слова

Значение слова; эмоционально-экспрессивное значение; столкновение значений; контекстуальная синонимия; ингерентная и адгерентная экспрессивность.

Meaning of a word; emotional meaning; collision of meanings; contextual synonymy; inherent or adherent expressiveness of a word.

Экспрессивность — понятие чрезвычайно широкое. Обычно экспрессивность определяется как выразительность речи, музыкального или литературного произведения, художественного полотна. Экспрессивным может быть проявление чувств, не сопровождающееся какими-либо словами. Например, *громкий смех в зале был признаком радостного возбуждения собравшихся*. Или: *Слезы ребенка говорили о его глубокой обиде*. Английские прилагательные так определяют сущность экспрессии: *characteristic, picturesque, vivid, individual.*

Выразительными могут быть жесты, поступки, одежда, манера смотреть на собеседника/собеседницу, его или её красота, которая выразительна сама по себе. Например: *выразительное лицо*, *выразительные глаза*. Как отмечалось выше, выразительным может быть и отсутствие каких бы то ни было слов. Например: *молчание аудитории было более выразительным, нежели слова неодобрения или порицания*.

С другой стороны, выбор определенных слов, словосочетаний, синтаксических конструкций и, что существенно, интонации приводит к яркому, экспрессивному выражению мысли говорящего (или пишущего).

Если речь человека экспрессивна, она способна передать не только его мысли и чувства, но в то же время нередко может многое сказать о нем самом как о личности, имеющей определенные взгляды и отношение к окружающему миру. Повторим: экспрессивно всё то, что способно ярко и впечатляюще передать наши мысли и чувства.

Существительное *экспрессивность* употребляется и в ином случае, а именно, для описания такой речи (как письменной, так и устной), которая сама, будучи лишенной ярких и выразительных эпитетов, стилистических приемов или каких-либо слов эмоцио-

нального значения (так называемая «сухая речь»), тем не менее, способна пробудить у слушающего или читающего глубокое чувство. Так, мы иногда говорим или слышим: *у него простая, но чрезвычайно экспрессивная манера выражать свои мысли*.

Экспрессивность можно представить как существующую в двух категориях. Первая связана со словами, словосочетаниями и идиомами, которые обладают выразительностью вне контекста. Это, например, такие устойчивые разговорные выражения, как *to stick one's nose into smth.* (совать свой нос в чужие дела); *to toot one's own horn* (to praise oneself, to boast); *to take it on the chin* (to be badly beaten or hurt), *to take one's medicine* (to accept punishment without complaining), *a nose dive* (a sudden drop or sharp decline: *prices took a nose dive*). В русском языке экспрессивны такие слова, как *катастрофа*, *мучения*, *восторг*, *страдание.* Экспрессивны междометия. Например, английское *ooh* — an exclamation of surprise, pleasure, pain, etc.

Подобная экспрессивность, внутренне присущая словам и выражениям как единицам языка, носит название *ингерентной* (от *inherent* — existing as an inseparable part, relating to the essential nature of a thing). В противоположность такой экспрессии выделяется так называемая *адгерентная* экспрессия, которая может возникнуть только в определенном речевом контексте (от *adherent* — attached).

Существует много экспрессивных смысловых оттенков, способствующих выразительным и изобразительным качествам речи. Эти оттенки создаются различными языковыми средствами — лексическими, словообразовательными (*добрейший человек злейший* враг), грамматическими (например, формами повелительного наклонения), стилистическими (в частности, такими приемами, как метафора, эпитет).

Важнейший признак экспрессии состоит в том, что она всегда связана со своеобразными смыслами, которые позволяют говорящему (или пишущему) выразить свое отношение к предмету мысли. Иначе говоря, экспрессия есть прежде всего категория семантическая, так как проявление в слове экспрессии всегда сопровождается расширением и усложнением его смыслового объема.

Чаще всего мы сталкиваемся со следующими экспрессивными смыслами:

— презрительно-пренебрежительный: (*pigheaded* ‘тупоголовый’);

— неодобрительный (*barbarous*, *treacherous*, *ruthless*);

— шутливый (*alive and kicking*);

— бранный (*bloody* ‘проклятый’);

— интимно-ласковый (*дочурка*, *сыночек*, *глупышка*);

— фамильярный, вульгарный (употребление обращения *miss* без фамилии и имени);

— грубый (*mug* в значении ‘харя’, ‘морда’);

— ироничный (*bluestocking* ‘ученая женщина, синий чулок’);

— экспрессивные оттенки уменьшительности и увеличительности (*gigantic*, *tiny*).

В русском языке разговорной экспрессией обладают, например, такие глаголы, как *кляузничать*, *наяривать* (*на гармошке*), *оплошать*, *охаять* (*кого-либо*); существительные *воркотня*, *трепач*.

Учебный подход к экспрессивным качествам текста оказался связанным со следующими вопросами:

1. Поскольку экспрессивность принадлежит к числу так называемых размытых, нечетких, неопределенных (fuzzy) понятий, оценка которых в значительной степени зависит от субъективного восприятия читателя, возникла необходимость введения классификационной упорядоченности в подаче примеров. Цель примеров — показать, какие конкретные языковые средства способны сделать текст ярким, запоминающимся. Для этого были выделены следующие основные (для данной статьи) виды экспрессии:

а) выразительность, основанная на использовании исключительно разговорных (включая сленг) средств языка. При этом возникает, казалось бы, парадоксальный вопрос о возможности создания экспрессии с помощью разговорной лексики, характеризуемой смысловой опустошенностью;

б) выразительность, основанная на использовании языковых средств, которые принадлежат исключительно литературно-книжной лексике (её иногда называют пафосной лексикой);

в) выразительность, создаваемая сосуществованием разговорной и литературно-книжной лексики в рамках небольшого текстового фрагмента;

г) выразительность, создаваемая тем или иным стилистическим приемом (например, персонификацией, когда неодушевленный предмет, в широком смысле этого слова, наделяется свойствами одушевленных существ);

г) оценочная (положительная/отрицательная; хорошо / плохо) экспрессия, создаваемая широким спектром языковых средств;

д) экспрессия, связанная с разнообразными лексическими средствами, которые способны показать эмоциональное состояние человека.

2. Использование контекстуальных синонимичных средств выражения, «работающих» на создание экспрессивного качества текста. Роль слов, обладающих присущей (т.е. ингерентной, показанной в словарях) им экспрессией в создании контекстуальной синонимии.

Случаи контекстуальной синонимии демонстрируют некую инерцию в функционировании экспрессивных средств языка. Иными словами, то или иное яркое, выразительное слово «запускает механизм» отбора близких, в смысловом отношении, контекстуальных выразительных средств. Таким образом создается некий кластер родственных элементов, обладающих различной степенью смысловой близости как по отношению друг к другу, так и по отношению к слову, которое данный кластер породило.

3. В статье делается попытка показать, какой конкретный экспрессивный смысл объединяет возникшие в тексте контекстуальные синонимичные ряды.

4. Наличие в тексте контекстуальной синонимии создает противопоставление открыто заявленная экспрессия vs косвенная экспрессия, требующая, для своего выявления, определенного анализа.

5. Полезным материалом для изучения языковых признаков экспрессии оказалось сравнение фрагментов поэтического текста, переведенных разными людьми (поэтами и не-поэтами) в разное время. Критерием оценки (удачный перевод / неудачный перевод) в данном случае является степень сохранения переводчиком экспрессивных (выразительных) качеств исходного текста.

Обратимся к примерам.

Познакомьтесь со следующим отрывком, открывающим роман Emily Brontë “Wuthering Heights”:

“1801,

I have just returned from my visit to a landlord — the solitary neighbour that I shall be troubled with. This is certainly a beautiful country! In all England, I do not believe that I could have fixed on a situation so completely removed from the stir of society. A perfect misanthropist’s heaven: and Mr / Heathcliff and I are such a suitable pair to divide the desolation between us. A capital fellow! He little imagined how my heart warmed towards him when I beheld his black eyes withdraw so suspiciously under their brows, as I rode up, and when his fingers sheltered themselves, with a jealous resolution, as I announced my name”.

Задание:

Выделите слова и словосочетания, обладающие ингерентной (т.е. внутренне присущей, не зависящей от конкретного контекста) выразительностью.

Вопрос:

Выше отмечалось, что экспрессивная, выразительная речь способна не только дать яркое описание какого-либо факта или явления, но, в то же время, может сказать многое о личности говорящего, об особенностях его характера. На какие черты характера указывает в данном контексте прилагательное *beautiful*? Что повествователю кажется прекрасным? Обратите внимание на то, что это слово употреблено в восклицательном предложении.

Вопрос:

Как вы думаете, можем ли мы считать следующие слова и словосочетания, употребленные в рассматриваемом нами фрагменте, контекстуальными синонимичными средствами выражения и, если можем, то какой экспрессивный смысл их объединяет?

solitary,

completely removed from,

misanthropist's heaven,

desolation,

to withdraw suspiciously,

to shelter something.

Экспрессивность присуща не только художественным текстам (fiction). В не меньшей степени ею обладают тексты nonfiction. В качестве примера приведем статью из журнала «Популярная механика» (июнь 2008, № 6 (68), с. 52):

«Мы попробовали вообразить технические достижения, которые могли бы радикально изменить нашу жизнь. Осталось только одно — чтобы кто-нибудь их изобрел.

Звуковой душ

«С тех пор, как человек предал дикую природу, променяв ее на комфорт цивилизации, многое изменилось в нашей жизни, но еще не всё — до сих пор мы умываемся с помощью архаичной воды. Традиционный домашний душ отнимает время, расходует природные ресурсы, но не обязательно приводит к удовлетворительным результатам. Не лучше ли поучиться у врачей, которые стерилизуют хирургические инструменты с помощью таких воздействий, как автоклавирование с высокой температурой и высоким давлением, обработка газообразным оксидом этилена и, наконец, ультразвук. Нельзя сказать, чтобы все эти воздействия были очень уж приятны для живого человека, но, может быть, немного исследовательской работы — и мы, наконец, выберемся из-под нашего домашнего водопада, отказавшись, таким образом, от последней привычки, тянущейся еще с каменного века».

Задание:

Экспрессивность этой небольшой заметки может быть определена как *шутливая*. Какими языковыми средствами она создается?

Прежде всего, обратите внимание на прилагательное *архаичный* в словосочетании *архаичная вода*. Можем ли мы считать, что данное словосочетание реализует стилистический прием, называемый оксюмороном? Напомним, что оксюморон образуется соединением двух понятий, противоречащих друг другу, логически исключающих одно другое (Greek *oxumoron,* from *oxus* sharp + *moros* stupid). Например, *сладкая скорбь*, *горькая радость*, *delightful inferiority*, *refined nonsense*: *Mrs Goddard was the mistress of a School – not of a seminary… which professed in long sentences of* <u>*refined nonsense*</u>… (Jane Austen. Emma).

Придумайте несколько оксюморонов, образованных сочетанием двух слов (прилагательное + существительное), которые по своему смыслу являются логически несовместимыми и тем самым создают *шутливый* экспрессивный смысл.

Задание: Сочините небольшую шутливую заметку (по образцу приведенного выше «Звукового душа»), в которой говорилось бы о необходимости избавиться от излишней траты сил, связанной с привычкой ежедневно чистить зубы. Желательно, чтобы в вашем сочинении были использованы научные или, скорее, наукообразные (псевдонаучные) термины.

Лейтмотивом вашего небольшого сочинения могла бы стать мысль о том, что время, которое уходит у людей на то, чтобы дважды в день, утором и вечером, чистить зубы, могло бы быть использовано с «гораздо большей пользой». Напишите (как один из вариантов), что это можно сделать путем введения «новейших», «оригинальных», «удивительных по своей эффективности» технологий, цель которых — очистить зубы идеальным образом, затратив на данную процедуру не более двух-трех секунд. Цель такого сочинения — поупражняться в создании экспрессии, определяемой как «шутливая».

Приведем еще один пример из того же источника (с. 54):

Далеко не уйдет

«Когда у вас в последний раз украли телефон или камеру? Хватит терпеть — пора сделать микроскопические бирки, которые можно было бы имплантировать в неодушевленные предметы. Вот тогда мы сможем отследить их путь до любой точки — чьего-то дома, ломбарда, воровской скупки или полицейского участка. Если мы внедрим такую систему глобального слежения за вещами, иной ловкач дважды подумает, прежде чем слинять с вашим зонтиком, а авиаперевозчики всегда будут точно знать, в какой аэропорт занесло ваш багаж. Все технические моменты для внедрения такой системы уже практически готовы. Устройства считывания для радиочастотных идентификационных бирок (RFID) могут видеть эти бирки (они меньше пуговицы) на расстоянии 10 м даже сквозь стены. Разумеется, у этой медали есть и другая сторона — вопрос конфиденциальности. Стоит ли овчинка выделки, если за вашим имуществом помимо вас смогут следить различные корпорации, госслужбы и технически подкованные преступники?»

Экспрессивность этой статьи имеет совсем иной характер. Если «Звуковой душ» демонстрировал экспрессию шутливости, то «Далеко не уйдет» имеет в своей основе выразительность иного свойства. Это — ярко представленная *разговорность*: серьезная научная проблема обсуждается автором статьи с помощью целого набора разговорных лексических и синтаксических средств.

Прежде всего, это непосредственное обращение к читателю — сначала в форме вопроса — *когда у вас в последний раз украли…*, а затем в форме призыва, сформулированного в повелительном наклонении — *хватит терпеть*.

Вопрос: Как вы думаете, почему автор начинает свою статью именно с этих средств разговорного экспрессивного синтаксиса? Какую при этом он ставит перед собой задачу?

Обращается ли автор, на самом деле, только к одному человеку — конкретному читателю, который знакомится с его статьёй в данный момент, или же он имеет в виду более широкую аудиторию?

Задание: Придумайте вопрос на злобу дня (например, автомобильные пробки на наших дорогах), затем сформулируйте призыв к их устранению в форме повелительного наклонения. Желательно, чтобы как вопрос, так и призыв имели в своем составе лексические единицы разговорного характера.

Задание:

Как было отмечено выше, рассматриваемый нами текст насыщен разговорными лексическими единицами. Например, прилагательное *подкованный* (*технически подкованный преступник*) имеет своим не-разговорным синонимом слова *знающий, сведущий, хорошо осведомленный в чем-либо*.

Подберите нейтральные (в стилистическом отношении) или литературно-книжные эквиваленты к следующим словам и словосочетаниям, имеющим разговорную окрашенность:

вот тогда (*вот тогда мы сможем отследить*)

ловкач (*иной ловкач*)

дважды подумает (*иной ловкач дважды подумает прежде чем…*)

слинять с вашим зонтиком

в какой аэропорт занесло ваш багаж

разг. пословица *овчинка выделки не стоит*.

Наряду с разговорными лексическими единицами в тексте рассматриваемой статьи мы находим также специальные термины, а также книжные слова и словосочетания характерные для письменной научной речи: *имплантировать* (*в неодушевленные предметы*); *система глобального слежения*; *технические моменты*; *внедрение системы*; *устройства считывания для радиочастотных идентификационных бирок*. Интересно, что сугубо книжное существительное *конфиденциальность* (*вопрос конфиденциальности*) «соседствует» с разговорной пословицей *овчинка выделки не стоит*. В результате подобного сближения экспрессивность разговорных лексических элементов приобретает особую подчеркнутость.

Вопрос: Как вы думаете, в каких коммуникативных сферах, помимо рассматриваемой здесь научно-популярной литературы, уместно одновременное использование книжной и разговорной лексики?

Рассмотрим образец разговорной экспрессивной окраски, которая реализуется в художественном тексте (fiction). Для примера возьмем отрывок, которым начинается роман “The Catcher in the Rye” by J. D. Salinger.

Примечание: Jerome David Salinger was born in 1919. He is a US writer of novels and short stories which were especially popular with college and university students in the 1950s and 1960s. His best known novel is *The Catcher in the Rye* (1951). The story is about Holden Caulfield, a young man who runs away from school and finds the adult world to be false and unfair. The book is widely regarded as a major novel about the problems of growing up (Oxford Guide to British and American Culture. Oxford University Press, 2005).

Здесь и в дальнейшем для удобства отсылок текст разделен на пронумерованные фрагменты.

1. If you really want to hear about it, the first thing you’ll probably want to know is where I was born, and what my lousy childhood was like, and how my parents were occupied and all before they had me, and all that David Copperfield kind of crap, but I don’t feel like going into it, if you want to know the truth.

2. In the first place, that stuff bores me, and in the second place, my parents would have about two hemorrhages apiece if I told anything pretty personal about them. They’re quite touchy about anything like that, especially my father. They’re *nice* (курсив автора романа — Н.Р.) and all — I’m not saying that — but they’re also touchy as hell.

3. Besides, I’m not going to tell you my whole goddam autobiography or anything. I’ll just tell you about this madman stuff that happened to me around last Christmas before I got pretty run-down and had to come out here and take it easy. I mean that’s all I told D.B. about, and he’s my *brother* and all.

4. He's in Hollywood. That isn't too far from this crumby place, and he comes over and visits me practically every week end. He's going to drive me home when I go home next month maybe. He just got a Jaguar. One of those little English jobs that can do around two hundred miles an hour. It cost him damn near four thousand bucks.

5. He's got a lot of dough, now. He didn't *use* to. He used to be just a regular writer, when he was home. He wrote this terrific book of short stories, *The Secret Goldfish,* in case you never heard of him. The best one in it was "The Secret Goldfish". It was about this little kid that wouldn't let anybody look at his goldfish because he'd bought it with his own money. It killed me. Now he's out in Hollywood, D.B., being a prostitute. If there's one thing I hate, it's the movies. Don't even mention them to me".

Сэлинджер пишет о Холдене Колфилде, американском подростке конца сороковых — начала пятидесятых годов, который воспитывался в благополучных условиях зажиточной семьи. Книга написана от лица этого подростка. Отсюда — своеобразие стиля Сэлинджера, тонкого знатока не только детской психологии, но и свойственной детям манеры излагать свои мысли и выражать свои чувства.

Наиболее яркой чертой речевой манеры Холдена является ее разговорный характер. Какими языковыми средствами создается в данном случае специфическая экспрессия разговорности?

Задание: В первом фрагменте мы находим словосочетание *and all*: *... how my parents were occupied* <u>*and all*</u> *before they had me*. Это же словосочетание встречается во втором фрагменте — *they're nice* <u>*and all*</u>, а также в третьем фрагменте — *he's my brother* <u>*and all*</u>. Какой русский (и тоже разговорный) эквивалент вы бы предложили для этого словосочетания? Желательно, чтобы вы не только нашли соответствующий эквивалент, но также вставили его в придуманную вами небольшую ситуацию повседневного общения. Эту ситуацию можно было бы описать либо в монологической форме (от первого лица), либо в форме короткого диалога.

Во втором и третьем фрагментах находим разговорное существительное *stuff: that stuff bores me*; *I'll just tell you about this madman stuff*. Последнее имеет значение 'any general subject matter', и в этом обобщающем значении существительное *stuff* сближается с упомянутым выше словосочетанием *and all*.

Вопрос: Как вы думаете, почему одной из характерных черт разговорной речи, как в английском, так и в русском языке, является употребление слов и словосочетаний, имеющих предельно общее, неопределенное значение. Например, в русском языке одно из значений существительного *вещь* это 'нечто, что может быть отнесено к *любому* событию, факту, обстоятельству': *вчера с ним случилась странная вещь* или *он говорит какие-то странные вещи*. Аналогичное значение имеет английское существительное *thing:* an object or entity that cannot or need not be precisely named.

Задание: Предположим, что вы пишете письмо другу. В этом коротком письме вы описываете свою студенческую жизнь. Вставьте в письмо несколько предложений с существительным *вещь*(*thing*). Это задание можно выполнить либо по-английски, либо по-русски.

Еще одним средством обобщенного наименования является местоимение *anything*. Так, в третьем фрагменте находим: *I'm not going to tell you my whole goddam autobiography or anything*. Здесь данное местоимение имеет значение 'что-нибудь такое', 'что-нибудь в этом роде'. В этом значении местоимению *anything* чаще всего предшествует союз *or*. В романе "The Catcher in the Rye" можно найти следующие примеры: *you were supposed to commit suicide or anything*; *they didn't have a maid or anything; he never cleaned it or anything*; *no gloves or anything*.

Созданию разговорной экспрессии служат также местоимения *this*, *these*, *those* в значении 'этот самый', 'эти самые': *he wrote this terrific book of short stories*; *they had this headmaster; one of those guys that wear those suits*.

Задание: Приведите примеры (по-русски и или по-английски), в которых обороты типа *kind of*, *sort of*, 'что-нибудь такое', 'это самое', являются словами-паразитами, слова-

ми-пустышками, не несущими какой-либо информации, и, напротив, примеры, когда они сохраняют то или иное значение.

Экспрессия разговорного характера создается также за счет использования слов эмоционально-оценочного значения, принадлежащих различным частям речи. Так, в первом фрагменте находим оценочное прилагательное *lousy* (*childhood*) — 'поганый', 'вшивый'. В тексте романа встречаются такие словосочетания с этим прилагательным, как *lousy teeth*, *lousy manners*, *lousy movie*.

В четвертом фрагменте находим прилагательное *crumby* (*That isn't too far from this crumby place*), образованное от существительного *crumb,* одно из значений которого — 'a contemptible person' (slang).

Что касается оценочных существительных, то здесь обращает на себя внимание слово *crap: and all that David Copperfield kind of crap* (первый фрагмент) — 'всю эту ерунду в духе Давида Копперфилда'. Упоминание имени данного литературного персонажа неслучайно, поскольку в одноименном романе Диккенса главное действующее лицо, как и Холден в романе Сэлинджера, излагает свою биографию. Существительное *crap* определяется толковыми словарями как 'nonsense, rubbish' (slang).

В речи Холдена используется еще одно экспрессивное разговорное слово, также связанное с его биографией. Это — *goddamn* (*my whole goddamn autobiography*), имеющее усилительное значение, которое чаще всего переводится на русский язык с помощью слов 'чертова' или 'проклятая' (автобиография). Усилительное значение слова *damn* заметно и в четвертом фрагменте: *it* (the car) *cost him damn near four thousand bucks*.

К числу оценочных существительных, нередко используемых в разговорной речи, принадлежит также *madman: I'll just tell you about this madman stuff that happened to me around last Christmas…*' (третий фрагмент). В данном случае *madman stuff* может быть переведено как *идиотская история*. Ср. с русскими разговорными оборотами, которые употребляются для выражения резкой отрицательной оценки: *его поведение в данной си-*

туации было просто идиотским. Или: *такую реакцию на вполне разумное замечание можно назвать просто идиотской* и т. п.

Разговорное прилагательное *terrific* в значении 'very good, excellent' (*he wrote this terrific book of short stories*, см. пятый фрагмент) может употребляться для положительной оценочной характеристики неопределенно большого числа явлений, фактов, обстоятельств. Таким образом, в разговорной речи рассмотренные выше существительные *stuff* (в русском *вещь*), *madman,* словосочетания *and all*, *or anything*, прилагательное *terrific* выстраиваются в один ряд с точки зрения своей способности употребляться для описания (или характеристики) практически неограниченного числа фактов, ситуаций, обстоятельств.

Вопрос: Можно ли считать, что употребление (иногда в большом количестве) подобных слов и словосочетаний свидетельствует о небольшом словарном запасе говорящего, о его неумении пользоваться выразительными (экспрессивными) возможностями родного языка или же вы предпочли бы воздержаться от столь резкой оценки? Желательно, чтобы ваш ответ принял развернутую форму.

Аналогичному процессу смыслового опустошения подверглось и существительное *job* (см. четвертый фрагмент): *one of those little English jobs…* — такая английская штучка (имеется в виду легковая машина). См., например, что Холден говорит о бифштексах: *they were these little hard, dry jobs that you could hardly even cut*, или о металлических бигуди: *iron curler jobs.*

Вопрос: Уважаемый читатель! Приходилось ли вам прислушиваться к разговорной речи наших школьников? Употребляют ли они (подобно американскому школьнику в романе "The Catcher in the Rye") слова и словосочетания обобщенного значения? Переходит ли эта обобщенность в использование ничего не значащих, семантически пустых слов? Какие разговорные усилительные повторы ими используются (как, например, *pretty* у Холдена: *pretty personal*, *pretty run-down* или *as hell, it killed me*)?

Существительное *dough* имеет значение 'a thick mixture of flour or meal and water or milk, used for making bread, pastry, etc., any similar pasty mass. A slang word for *money*' (в

пятом фрагменте — *he's got a lot of dough*). Какие слова (не-литературного характера) используют наши школьники вместо существительного *деньги*? Можно ли проследить происхождение этих слов?

Экспрессивность разговорности создается не только употреблением слов, о которых речь шла выше, но также многократным повтором словосочетаний, вводящих ряды перечисления. В этом случае мысль рассуждающего человека развивается свободно, он переходит от одного объекта своего наблюдения к другому объекту, вводя и тот, и другой одними и теми же словами.

Примером такой непринужденной, ничем не стесненной разговорной манеры рассуждения может послужить приводимый ниже фрагмент, заимствованный из того же романа "The Catcher in the Rye". Отметим, что свободная, непосредственная манера Холдена говорить о своих наблюдениях не мешает последним быть острыми и проницательными.

1. I was way early when I got there (to the Biltmore where Holden had made a date with a girl — H. P.), so I just sat down on one of those leather couches right near the clock in the lobby and watched the girls. A lot of schools were home for vacation already, and there were about a million girls sitting and standing around waiting for their dates to show up. **Girls with their legs crossed, girls with their legs not crossed, girls with terrific legs, girls with lousy legs, girls that looked like swell girls, girls that looked like they'd be bitche**s if you knew them. It was really nice sightseeing, if you know what I mean. In a way, it was sort of depressing, too, because you kept wondering what the hell would *happen* to all of them. When they got out of school and college, I mean.

2. You figured most of them would probably marry dopey guys. **Guys that** always talk about how many miles they get to a gallon in their goddam cars. **Guys that** get sore and childish as hell if you beat them at golf, or even just some stupid game like ping-pong. **Guys that** are very mean. **Guys that** never read books. **Guys that** are very boring.

Задание: Прочтите приведенный отрывок, опуская повторы *girls with… guys that.* Вы получите *girls with their legs crossed, not crossed, with terrific legs, lousy legs* и т. д. Что изменилось в результате возникновения перечисления, лишенного повторов? И если что-то изменилось, то по какой причине? Желательно, чтобы вы сформулировали свои соображения в письменном виде.

Ниже приводится еще один отрывок из романа “The Catcher in the Rye”.

Задание: Прочтите отрывок внимательно и выпишите слова и словосочетания, которые, на ваш взгляд, отвечают разговорной манере изложения. Иными словами, создают экспрессию разговорного характера.

1**.** I still had to get those damn theater tickets, so I bought a paper and looked up to see what shows were playing. On account of it was Sunday, there were only about three shows playing. So what I did was, I went over and bought two orchestra seats for *I Know my Love.* It was a benefit performance or something.

2**.** I didn’t much want to see it, but I knew old Sally, the queen of phonies (*informal for* ‘pretentious persons’ H. P.), would start drooling all over the place when I told her I had tickets for that, because the Lunts (the Lunts – Ланты; Альфред Лант и его жена Линн, известные американские драматические актеры) were in it and all. She liked shows that are supposed to be very sophisticated and dry and all”.

3. I don’t. I don’t like any shows very much, if you want to know the truth. They’re not as bad as movies, but they’re certainly nothing to rave about (по ним тоже особенно сходить с ума не приходится; этот перевод предложен Э. М. Медниковой, указ соч., с. 238). In the first place, I hate actors. They never act like people. They just think they do. Some of the good ones do, in a very slight way that’s fun to watch. And if any actor’s really good, you can always tell he *knows* he’s good, and that spoils it.

4. You take Sir Laurence Olivier, for example. I saw him in *Hamlet.* D.B. (Holden’s elder brother) took Phoebe (Holden’s sister) and I to see it last year. He treated us to lunch first, and then he took us. He’d already seen it, and the way he talked about it at lunch, I was anxious as hell to see it, too. But I didn’t enjoy it much.

5. I just don't see what's so marvelous about Sir Laurence Olivier, that's all. He has a terrific voice, and he's a helluva handsome guy, and he's very nice to watch when he's walking or dueling or something, but he wasn't at all the way D.B. said Hamlet was. He was too much like a goddam general, instead of a sad, screwed-up type guy (ненормальный чудак).

В данном отрывке разговорная экспрессия создается не только специфическими лексическими средствами, но также, в значительной степени, намеренным отклонением от грамматической нормы. Например, *on account of it was Sunday* (1-ый фрагмент) вместо *on account of it being Sunday*; неправильное употребление личных местоимений в косвенном падеже: *D.B. took Phoebe and I...* (4-ый фрагмент) вместо *...and me*.

Приведенные выше отрывки из романа "The Catcher in the Rye" показывают, что речь Холдена (напомним, что весь роман написан от лица этого подростка) характеризуется постоянным употреблением так называемых паразитических (или мусорных) слов и словосочетаний, различными разговорными повторами, грамматическими неправильностями, вульгаризмами типа *goddam*. Читатель, который возьмет на себя труд прочесть этот замечательный роман целиком, сможет прибавить к этому списку и грубо-просторечные слова, и сленг, а также разговорные слова-усилители и употребление грамматически неправильных форм глагола.

Вопрос: Как вы думаете, почему эти особенности речи Холдена не мешают читателю увидеть глубину его мыслей, не столь часто встречающуюся среди подростков? Почему Холден убедителен? Почему читатель (особенно, если, повторим, он прочтет роман целиком) понимает, как обнажены нервы этого, на самом деле, еще ребенка, который способен остро реагировать на малейшую фальшь окружающей его жизни.

Обратимся к разговорной экспрессии, создаваемой иными языковыми средствами, нежели те, о которых речь шла выше в связи с романом Сэлинджера.

«Внизу, на лужайке между гостиницей и озером, был устроен сад скульптуры – джазовые музыканты в бронзе *дудели в свои дудки* и *наяривали на гитарах,* оскорбляя бронзовые уши сидящего в бронзовом кресле господина Набокова в костюме-тройке, *изваянного рукодельником из России.* Набоков... улыбается сейчас остроумной шутке про-

видения, заставившего его сидеть в одном *вольере* с джазом, который вызывал у него при жизни скуку, непонимание и раздражение» (Л. Улицкая).

Данный пример демонстрирует примечательную особенность разговорной экспрессии, а именно, ее способность функционировать в контексте, построенном на лексических средствах литературно-книжного характера.

Так, разговорное *наяривать* и *дудеть в дудки* использованы для создания стилистического приема иронии. Этой же цели служит существительное *рукодельник* и причастие *изваянный*. Первое имеет значение (согласно толковым словарям) 'прилежный, усердный работник, усердный *ремесленник*' но, добавим, не 'серьезный профессиональный скульптор, музыкант, художник' и проч. Ирония подчеркнута книжным глаголом *ваять*, который, как правило, относят к скульптурным работам профессионалов, обладающих известностью и заслуженной высокой репутацией.

Наконец, существительное *вольер* завершает ироническое описание сада, в котором бок-о-бок стоят скульптуры джазовых музыкантов, *дудящих в свои дудки*, и писатель Набоков, у которого джаз *вызывал непонимание, скуку и раздражение*.

Приведем еще один пример, в котором разговорный глагол *наяривать* использован (в рамках одного предложения) наряду с оборотом литературно-книжного характера *испускать продолжительную руладу*. Возникающая при этом экспрессия обозначается как шутливо-ироническая:

«Сосед на противоположной верхней полке испустил носом продолжительную руладу (так бы мог храпеть носорог) и принялся *наяривать*, даже как-то подсвистывая». (И. Грекова). Пример заимствован из Национального корпуса русского языка (НКР).

Подобное «сосуществование» разговорного и литературно-книжного прослеживается и в другом примере, где книжное *приводить в трепет* использовано наряду с разговорными *шерстить* (*перешерстить*) и оборотом *страх до чего*…. Возникающую при этом экспрессию можно, как и в предыдущем примере, отнести к шутливо-иронической. Как правило, она используется для характеристики персонажа литературного произведения:

«А лет тридцать тому объявился у нас в городе полицмейстер… *Страх до чего непреклонный был.* Всю полицию *перешерстил:* кого повыгонял, кого под суд отдал, прочих в трепет привел» (Борис Акунин).

Задание: Придумайте ситуацию, для описания которой вам понадобятся как разговорные глаголы (например, упоминавшиеся выше *наяривать* и шерстить), так и слова (а также словосочетания), принадлежащие литературно-книжной лексике.

Толковые словари определяют глагол *наяривать* как разговорный, просторечный, шутливый, преимущественно об энергичной, долгой и усердной игре на музыкальном инструменте.

Что касается глагола *шерстить*, то словари отмечают его происхождение из воровского жаргона и формулируют значение этого слова следующим образом: ʻизучать (просматривать) внимательно все элементы (какими бы они не были) в списке один за другим;. Пример: *Ты тщательно прошерстил весь список кандидатов в поисках подходящих?*

Обратите также внимание на следующие два примера из Национального корпуса русского языка. Возможно, они подскажут вам тему для вашего собственного сочинения:

«…мы отправились «шерстить» музейный фонд, чтобы добыть для выставки еще пару-тройку шедевров» (И. Павская).

«Я слышал вы приехали вейсманистов-морганистов шерстить?» (В. Дудинцев).

Остановимся несколько подробнее на особенностях экспрессивности, которая создается лексикой литературного, книжного характера и, в стилистическом отношении, является полным антиподом лексики разговорной.

Познакомьтесь с отрывком, которым начинается роман-эссе Льва Гинзбурга «Разбилось лишь сердце мое…» (Москва. Изд-во «Советский писатель», 1983, с. 5—6)[1].

1. «Любая человеческая личность, как бы ни была она угнетена заботами повседневности, вмещает в себя весь мир, исторический опыт поколений, причастна к высо-

[1] Лев Гинзбург (1921—1980) — поэт, автор публицистических книг, переводчик средневековой немецкой поэзии.

чайшим понятиям. Земное и духовное начала переплетены в жизни и в каждом из нас, ежесекундно проникают друг в друга. Дух, вырываясь из-под ярма бытия, устремляется ввысь, и он же, силой земного притяжения, возвращается к нам на землю. Именно этой причудливой диалектикой объясняется жизненность и одухотворенность искусства.

2. Жизнь переводчика тысячелетней поэзии показалась мне наиболее удобным объектом для наблюдения этих диковинных переплетений и взаимосвязей. В силу одного своего призвания он обязан вобрать в себя культуру, мысль, опыт столетий и он же должен себя самого — маленькое свое, частное, сформированное временем человеческое «я» — как бы отдать «вечности», непрерывному потоку истории.

3. …говоря о себе самом, предаваясь тем или иным, подчас рвущим сердце личным воспоминаниям, я стремился выявить пугавшую меня самого таинственную связь времен, сходство множества судеб, единую зависимость людей от обстоятельств и прихотей Времени, единую нашу ответственность перед ними…

4. «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда, как желтый одуванчик у забора, как лопухи и лебеда», — сказано в известном стихотворении Ахматовой. А переводы? Из чего произрастают они?

5. О, конечно, мы знаем: из высокой потребности высказаться посредством перевода, устами другого автора, пропустив себя через него (а не только его через себя!), из желания поведать своему читателю то, что в подлиннике потрясло вас самого, из необходимости или жажды открывать неоткрытое, неведомое… Но все это — общие положения, это известно.

6. На самом деле переводы, как и стихи, непременно рождаются из сора повседневности, из сора жизни, из сора неприбранного человеческого бытия. При этом побудительные причины для начала работы могут быть совершенно разные: увлеченность темой, вдохновение, издательский заказ…».

Задание: Прочтите еще раз первый фрагмент и выпишите из него слова и словосочетания, которые, на ваш взгляд, принадлежат книжному слою лексики. К каким из

этих слов можно подобрать разговорный синоним (или близкий по значению эквивалент), а какие такового, как вам кажется, не имеют вовсе? Например, синонимом слова *причудливый* (*причудливая диалектика*) является прилагательное *затейливый*. Может ли оно сочетаться с существительным *диалектика*? И если может, то какой при этом возникает иной оценочный момент, иная экспрессия?

Приведите несколько примеров сочетаемости прилагательных *причудливый* и *затейливый* с различными существительными. Какие из этих прилагательных тяготеют к абстрактным существительным, а какие — к конкретным?

Выразительность (экспрессивность) первого фрагмента создается за счет резких контрастных противопоставлений, использующих лексические единицы книжного характера. Это:

земное vs *духовное*;

ярмо бытия vs *дух*;

высь vs *сила земного притяжения*;

устремляться ввысь vs *возвращаться на землю*.

Вопрос:

Как вы думаете, могут ли элементы данных контрастных пар иметь какие-либо разговорные эквиваленты? И если не могут, то почему?

На стилистической фигуре контраста построена экспрессия «Баллады поэтического состязания в Блуа» французского поэта Ф. Вийона. Ниже приводится начало этой баллады (заимствовано из: А. Квятковский. Поэтический словарь. Изд-во «Советская энциклопедия», 1966, с. 40).

От жажды умираю над ручьем.

Смеюсь сквозь слезы и тружусь играя.

Куда бы ни пошел, везде мой дом,

Чужбина мне – страна моя родная.

Я знаю все, я ничего не знаю.

Мне из людей всего понятней тот,

Кто лебедицу вороном зовет,

Я сомневаюсь в явном, верю чуду.

Нагой, как червь, пышней я всех господ.

Я всеми принят, изгнан отовсюду…

(Перевод И. Эренбурга)

Задание:

Экспрессивность этого стихотворения создается, в основном, за счет использования книжной лексики. Постарайтесь вспомнить нейтральные или разговорные синонимы приведенных ниже слов. Помимо синонимов как таковых вы можете привести также более или менее близкие эквиваленты, а также целые словосочетания, объясняющие смысл того или иного слова:

явное (*я сомневаюсь в явном*) —

пышный (*пышней я всех господ*) —

изгнание (*изгнан отовсюду*) —

Контраст, в основе которого лежит экспрессия разговорной лексики, находим в следующем стихотворении:

У людей-то в дому — чистота, лепота,

А у нас-то в дому — теснота, духота.

У людей-то для щей — с солониною чан,

А у нас-то во щах — таракан, таракан!

У людей кумовья — ребятишек дарят,

А у нас кумовья — наш же хлеб приедят!

У людей на уме — погуторить с кумой,

А у нас на уме — не пойти бы с сумой? (Н. Некрасов)

(Приводится по: А. Квятковский. Указ. соч., с. 41)

Задание: Постарайтесь вспомнить нейтральные или литературно-книжные синонимы следующих слов и словосочетаний:

гуторить —

пойти с сумой —

у людей на уме —

наш же хлеб приедят —

Вопрос: Обратите внимание на частицу *-то* (*у нас-то в дому*; *у людей-то*), которая употребляется для выделения, подчеркивания мысли говорящего. Можно ли считать, что эта частица характерна *только* для разговорной речи в условиях повседневного общения? Оправдано ли ее использование, скажем, в устном официально-деловом общении, в беседе на научную тему или же в лекции, которую преподаватель читает студентам? И если не оправдано, то почему?

Вернемся к отрывку из книги Льва Гинзбурга «Разбилось лишь сердце мое…» и к рассмотрению экспрессивности, создаваемой с помощью книжной лексики. Последняя принадлежит различным частям речи: прилагательным, глаголам, существительным, наречиям, предлогам:

диковинный (*диковинные переплетения и взаимосвязи*) — 2-ой фрагмент;

вобрать в себя (*культуру*) — 2-ой фрагмент;

в силу (*одного своего призвания*) — 2-ой фрагмент;

предаваться (*рвущим сердце личным воспоминаниям*) — 3-ий фрагмент;

выявить (*таинственную связь времен*) — 3-ий фрагмент;

произрастать (сказано о стихах) — 4-ый фрагмент;

посредством (*перевода*) — 5-ый фрагмент;

устами (*другого автора*) — 5-ый фрагмент;

поведать (*читателю*) — 5-ый фрагмент;

непременно (*рождаются из сора жизни*) — 6-ой фрагмент.

Примечательно, что лексические единицы книжного характера «притягивают» к себе такую же книжную лексику. В результате имеет место процесс, который можно обо-

значить как возникновение стилистической предсказуемости. Эта последняя приводит к образованию стилистического стереотипа или, по-другому, стилистического единообразия.

В то же самое время нарушение данного единообразия создает яркий экспрессивный эффект. Это имеет место, в частности, в случае использования такого «прозаического» слова, как *заказ* в одном ряду с книжными существительными *увлеченность* и *вдохновение,* которые несут в себе значение высокой положительной оценки: «… побудительные причины для начала работы могут быть совершенно разные: увлеченность темой, вдохновение, заказ (6-ой фрагмент).

Рассмотрим иной вид выразительности текста, а именно, экспрессию, связанную с выражением авторской оценки — положительной либо отрицательной. Она может создаваться как лексикой разговорной (так называемый сниженный стилистический регистр), так и лексическими средствами литературно-книжного (высокий стилистический регистр) характера, а также нейтральной, в стилистическом отношении, лексикой.

В качестве примера обратимся к тексту nonfiction, а именно, к работе В. О. Ключевского «Русская история. Полный курс лекций», точнее, к отрывку из лекции XLII, посвященному царю Борису Годунову.

1. Когда бояре увидали, что их надежды обмануты, что новый царь расположен править так же самовластно, как правил Иван Грозный, они решили тайно действовать против него.

2. Русские современники прямо объясняют несчастья Бориса негодованием чиноначальников всей Русской земли, от которых много напастных зол на него восстало. Чуя глухой ропот бояр, Борис принял меры, чтобы оградить себя от их козней: была сплетена сложная сеть тайного полицейского надзора, в котором главную роль играли боярские холопы, доносившие на своих господ, и выпущенные из тюрем воры, которые, шныряя по московским улицам, подслушивали, что говорили о царе, и хватали каждого, сказавшего неосторожное слово.

3. Донос и клевета быстро стали страшными общественными язвами: доносили друг на друга люди всех классов, даже духовные; члены семейств боялись говорить друг с другом; страшно было произнести имя царя — сыщик хватал и доставлял в застенок.

4. Доносы сопровождались опалами, пытками, казнями и разорением домов. «Ни при одном государе таких бед не бывало», по замечанию современников. С особенным озлоблением накинулся Борис на значительный боярский кружок с Романовыми во главе… Пятерых Никитичей, их родных и приятелей с женами, детьми, сестрами, племянниками разбросали по отдаленным углам государства, а старшего Никитича, будущего патриарха Филарета, при этом еще и постригли, как и жену его.

5. Наконец, Борис совсем обезумел, хотел знать домашние помыслы, читать в сердцах и хозяйничать в чужой совести. Он разослал всюду особую молитву, которую во всех домах за трапезой должны были произносить при заздравной чаше за царя и его семейства. Читая эту лицемерную и хвастливую молитву, проникаешься сожалением, до чего может потеряться человек, хотя бы и царь.

6. Всеми этими мерами Борис создал себе ненавистное положение. Боярская знать с вековыми преданиями скрылась по подворьям, усадьбам и дальним тюрьмам. На ее место повылезли из щелей неведомые Годуновы с товарищи и завистливой шайкой окружили престол, наполнили двор.

7. На место династии стала родня, главой которой явился земский избранник, превратившийся в мелкодушного полицейского труса. Он спрятался во дворце, редко выходил к народу и не принимал сам челобитных, как это делали прежние цари. Всех подозревая, мучась воспоминаниями и страхами, он показал, что всех боится, как вор, ежеминутно опасающийся быть пойманным, по удачному выражению одного жившего тогда в Москве иностранца» (В. О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга вторая. Москва, «Мысль», 1993, с. 149 - 150).

В данном случае оценка необходима историку для того, чтобы показать, во что или, вернее, в кого превратился царь, который «мог стать основателем новой династии как по своим личным качествам, так и по своим политическим заслугам» (там же, с.148).

Выразительные возможности языка, использованные историком в данной лекции, можно четко разделить на два вида: это лексические средства (они лежат на поверхности, поэтому читатель обращает на них внимание в первую очередь) и синтаксические, в первую очередь, словосочетания, которые, на первый взгляд, менее заметны, но оттого не менее значимы.

Примечательно, что упомянутые лексические средства служат автору как для создания оценочного психологического портрета царя в определенный период его правления, так и для того, чтобы нарисовать этот портрет в динамике, т.е. в процессе постепенного углубления эмоционального кризиса незаурядной личности.

Ниже мы сделаем попытку показать, что оценочная экспрессивность повествования, пронизывающая каждую строку приведенного выше фрагмента, ни в коей мере не вступает в противоречие с научно-познавательным тезисом автора.

Ключевыми словами анализируемого отрывка являются, с одной стороны, *тайно действовать против* (решение бояр, 1-ый фрагмент) и, с другой стороны, существительное *несчастья* (царя Бориса — 2-ой фрагмент). Далее, в последующих фрагментах, следует логическое развитие двух противоборствующих линий — царь с его желанием править самовластно и противящееся этому боярство.

Что касается последнего, то здесь следует выделить, прежде всего, слова и словосочетания, имеющие оценочное эмоционально-экспрессивное значение. Это *их надежды обмануты*, а также существительное *негодование* (негодование чиноначальников всей Русской земли, т. е. тех же бояр — 2-ой фрагмент).

Особое внимание следует обратить на существительные *ропот* (*глухой ропот бояр*), *зло* (*напастное зло*) и *козни* (2-ой фрагмент). Все три слова сами по себе, т. е. по своей смысловой природе, экспрессивны. Их выразительность усилена прилагательными *глухой* и *напастный. Глухой* имеет в данном случае значение ‘затаенный’, ‘скрытый’, ср. с наречием *тайно* в *тайно действовать против*; *напастный* производно от существительного *напасть*, имеющего значение ‘беда’. Наконец, *козни* (*оградить от козней*), означа-

ющее ‘злые коварные умыслы’, синонимично в данном контексте упомянутому выше оценочному *напастному злу*.

Таким образом, нетрудно увидеть, что сравнительно небольшое число слов предваряет и в то же время объясняет, почему реакция Годунова была столь мучительна как для него самого, так и для боярства в целом. Затаенное, скрытое и злобное противодействие бояр вынуждает Годунова идти на отчаянное сопротивление. Так в тексте создается тематическая оппозиция: протест боярства vs ответные меры Бориса.

Помимо той лексики, о которой мы говорили выше и которую можно назвать открыто заявленными (эксплицитными) оценочными экспрессивными языковыми средствами, имеется также косвенное указание на силу боярского сопротивления. Речь идет об упоминании кружка с Романовыми во главе (4-ый фрагмент). В данном случае Ключевский не прибегает к сколько-нибудь подробному описанию деятельности этого кружка. Однако, по той отчаянной реакции, которую эта деятельность вызвала у Годунова, мы можем судить о значимости данной организации.

Это — прием косвенной экспрессивной характеристики, когда оценка одного явления, факта, обстоятельства дается не непосредственно, а через оценку этого же явления глазами другого человека (или группы людей).

Вопрос: Как вы думаете, какая экспрессивность оказывается в тексте (любом) более впечатляющей: та, которая заявлена непосредственно, с помощью соответствующих эмоционально-оценочных лексических средств, или же та, которая имеет опосредованный характер, т. е. формулируется косвенно, через реакцию других людей?

Например, красоту женщины можно описать, используя такие прилагательные и причастия, как *притягательная*, *приковывающая*, *прельщающая* и т.п. Но можно сказать и по-другому. Например: *все сидевшие в зале как-то разом прекратили разговор и повернулись в сторону вошедшей*.

Возможно, вы сочтете, что это (прямая и косвенная) — разные виды экспрессивности и для них не подходит оценка ‘более выразительно / менее выразительно’? Напишите о своей точке зрения несколько слов.

Далее историк развивает линию «царь Борис и его сопротивление боярским козням». Способы сопротивления названы в тексте мерами, и первой такой мерой для Бориса стала сложная сеть тайного полицейского надзора (2-ой фрагмент).

Обратим внимание на прилагательное *тайный*, которое в форме наречия *тайно* использовано также для описания сопротивления самих бояр (1-ый фрагмент). Таким образом, скрытность и секретность становятся ключевыми словами для понимания того, в каких условиях и каким образом проходила борьба царя с боярством или, вернее, боярства с царем.

С помощью каких языковых средств автор конкретизирует *тайный* характер этой борьбы? Прежде всего, следует выделить оценочные глаголы — *доносить* (боярские холопы доносили на своих господ), *шнырять* и *подслушивать.* Кроме того, существительное *вор* (*воры, шныряя по московским улицам, подслушивали, что говорили о царе*) также становится контекстуальным синонимом этих глаголов, поскольку воровство всегда совершается тайно, украдкой.

В тексте слова *тайный, тайно* и их более или менее близкие синонимы создают единство цепи описываемых событий. Иными словами, они сводят воедино *все* действия, предпринимаемые как царем, так и боярами: ни та, ни другая сторона не делала что-либо в открытой, честной борьбе, т.е не-тайно.

Добавим, что к упомянутым выше словам, связанным по своему смыслу с прилагательным *тайный,* следует отнести (и далеко не в последнюю очередь) существительное *сыщик* (*сыщик хватал и доставлял в застенок* —3-ий фрагмент).

Оценочная экспрессивность анализируемого текста усиливается в дальнейших его фрагментах благодаря прилагательному *страшный.* Последнее использовано историком в связи с такими явлениями, как донос (*донос* — еще одно слово в «копилку» контексту-

альных синонимов прилагательного *тайный*) и клевета (она тоже осуществлялась тайным образом).

Примечательно, что такие два в высшей степени выразительных, эмоционально-оценочных слова, как *страшный* и *язвы,* использованы Ключевским для обозначения событий, имевших серьезные *общественные* последствия (*донос и клевета быстро стали страшными общественными язвами* — 3-ий фрагмент).

Задание: Прочтите еще раз приведенный выше отрывок из лекции В.О. Ключевского. Постарайтесь выстроить ряд — от большей экспрессивности к меньшей — из тех существительных (с относящимися к ним словами), которые, на ваш взгляд, полностью оправдывают смысл словосочетания *страшные язвы.* Интересно, какое существительное возглавит ваш список. *Донос*? *Страх*? *Застенок*? Или же какое-то другое слово? Изложите свои соображения в письменном виде.

В 3-ем фрагменте прилагательное *страшный* повторено дважды. Второй раз в форме наречия *страшно*: *страшно было произнести имя царя*. Этим словам предшествует перечисление *двух* обстоятельств, вызывавших страх. Первое обстоятельство: доносили друг на друга люди всех классов, даже духовные, и второе: члены семейств боялись говорить друг с другом.

Вопрос: Какое из этих двух действительно страшных явлений обладает, на ваш взгляд, большей экспрессивной силой? Случаен ли тот факт, что историк сначала говорит о людях всех классов и затем об отношениях внутри семьи? Можно ли считать, что данные два явления расположены историком в порядке возрастания их значимости? Имеем ли мы здесь дело с приемом нарастания экспрессивности? Желательно, чтобы вы ответили на эти вопросы в письменной форме.

В 4-ом фрагменте Ключевский говорит о том, что доносы сопровождались опалами, пытками, казнями и разорением домов. Последнее существительное — *дом* — использовано в значении ‘семья, люди, живущие вместе’. Ниже (в этом же фрагменте), в качестве примера подобного разорения, историк перечисляет всех тех, кто входил в

‘дом’. Это сами подозреваемые (бояре Никитичи), их родные и приятели, их жены, дети, сестры и даже племянники.

Вопрос: Можем ли мы считать, что ряд существительных *опала*, *пытки*, *казни*, *разорение домов* расположены в порядке возрастания их оценочной экспрессивной значимости? Иными словами, правомерно ли сказать, что разорение дома было более страшным явлением, нежели пытки и казни? Или же, по вашему мнению, все существительные данного ряда обладают одинаковой экспрессивной значимостью?

Задание:

Расположите в порядке возрастания экспрессивной значимости следующие синонимичные глаголы: *опозорить*, *обесчестить*, *обесславить*, *опорочить*, *осрамить*, *запятнать*, *замарать*. Можем ли мы считать эти глаголы экспрессивно градуированными синонимами или, на ваш взгляд, все они обладают приблизительно одинаковой выразительностью?

Поступки самого Бориса Ключевский описывает следующим образом. Сначала «Борис принял меры, чтобы оградить себя от их (бояр) козней» — 2-ой фрагмент. Затем «с особенным озлоблением накинулся Борис на значительный боярский кружок…» — 4-ый фрагмент. Далее читаем: «Наконец, Борис совсем обезумел, хотел знать домашние помыслы, читать в сердцах и хозяйничать в чужой совести» — 5-ый фрагмент.

Представляется, что принцип нарастания, о котором мы говорили выше, предстает здесь со всей очевидностью. Сначала автор использует эмоционально-нейтральное *принять меры*. Затем употребляет такие яркие оценочные слова, как *особенное озлобление* и глагол *накинулся*. Далее следует вершина экспрессивного нарастания: *совсем обезумел*.

Вопрос:

Как вы думаете, почему желание вникать в домашние дела людей, знать, что они думают в глубине своих сердец, и, наконец, стремление хозяйничать в чужой совести, историк называет полным безумством? Не пытки и доносы, не казни, а именно стремле-

ние быть хозяином чужой совести, по Ключевскому, есть явный признак того, что человек «хотя бы и царь» (5-ый фрагмент) полностью потерял контроль над собой. Прежде, чем ответить на этот вопрос, подумайте, в каком значении здесь использовано существительное *совесть*. Обратитесь к данным толковых словарей.

Для характеристики людей, которые в корыстных целях воспользовались слабостью Бориса, В.О.Ключевский использует отрицательно-оценочную лексику. Однако на сей раз это экспрессия, создаваемая не средствами книжного литературного языка, но ресурсами языка разговорного. Отсюда — использование таких слов, как глагол *повылезли* (*повылезли из щелей неведомые Годуновы с товарищи*) и существительное *шайка* (*завистливой шайкой окружили престол*). Содержательный контраст при этом принимает следующую форму:

а) боярская знать с вековыми преданиями vs неведомые Годуновы с товарищи (шайка);

б) династия vs родня;

в) земский избранник vs мелкодушный полицейский трус (6-ой и 7-ой фрагменты).

Вопрос:

Как вы думаете, почему для описания злой и слепой воли Бориса (в его противостоянии боярству) историк использует *книжную* экспрессивную лексику, а для характеристики тех, кто пытался в своих собственных корыстных интересах воспользоваться слабостью царя завистливой шайкой — лексику явно *разговорного* характера (упомянутые выше *повылезли*, *шайка*)? Какую дополнительную экспрессию вносит этот яркий языковой контраст?

Немалый вклад в создание экспрессии текста nonfiction вносят разнообразные стилистические приемы и, в первую очередь, метафора. В качестве примера приведем начало лекции В. О. Ключевского, озаглавленной «Лжедимитрий 1»:

«В гнезде наиболее гонимого Борисом боярства, по всей вероятности, и была высижена мысль о самозванце. Винили поляков, что они его подстроили; но он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве. Недаром Борис, как только услыхал о появлении Лжедимитрия, прямо сказал боярам, что это их дело, что они подставили самозванца» (там же, с.151).

Этот пример интересен тем, что в нем одновременно реализуются две метафоры: ‘гнездо, в котором высиживается мысль о…’ и ‘московская закваска — польская печка’.

Вопрос:

Как вы думаете, какой смысловой экспрессивный оттенок был бы утерян, если бы вместо упомянутых двух метафор историк сформулировал свою мысль следующим образом: *мысль о самозванце созрела в среде гонимого Борисом боярства* и *мысль о самозванце возникла не в Польше, а в Москве*?

Обратимся к тексту nonfiction на английском языке. На сей раз это тоже научное историческое исследование, но жанр иной, а именно, монография: William L. Shirer. The Rise and Fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany. A Touchstone Book. Published by Simon and Schuster. New York, 1981, 1245 pp. Приводимый ниже отрывок представляет собой начало раздела, озаглавленного “Life in the Third Reich: 1933—37”.

1. It was at this time, in the late summer of 1934, that I came to live and work in the Third Reich. There was much that impressed, puzzled and troubled a foreign observer about the new Germany.

2. The overwhelming majority of Germans did not seem to mind that their personal freedom had been taken away, that so much of their culture had been destroyed and replaced with a mindless barbarism, or that their life and work had become regimented to a degree never before experienced by a people accustomed for generations to a great deal of regimentation.

3. In the background, to be sure, there lurked the terror of the Gestapo and the fear of the concentration camp for those who got out of line or who had been Communists or Socialists or too liberal or too pacifist, or who were Jews.

4. The Blood Purge of June 30, 1934, was a warning of how ruthless the new leaders could be. Yet the Nazi terror in the early tears affected the lives of relatively few Germans and a newly arrived observer was somewhat surprised to see that the people of this country did not seem to feel that they were being cowed and held down by an unscrupulous and brutal dictatorship.

5. On the contrary, they supported it with genuine enthusiasm. Somehow it imbued them with a new hope and a new confidence and an astonishing faith in the future of their country.

Выразительность (экспрессивность) этого отрывка достигается несколькими способами. Во-первых, использованием приема интимизации повествования, связанного, в первую очередь, с открытым введением в научный текст местоимения *I* 'я': *I came to live and work*... (1-ый фрагмент).

Данный прием способен придать изложению научного материала черты живой беседы ученого с читателем. Сближение «плана читателя» и «плана писателя» широко используется в современных английских монографиях и научных статьях гуманитарного (нередко и естественнонаучного) профиля. Тем самым вносится определенная доля живой беседы в «сухое» научное изложение.

Экспрессивность приведенного выше фрагмента создается также путем использования целого ряда оценочных лексических средств — глаголов, существительных и прилагательных:

глаголы *to destroy* (*culture*), *to cow* (*people*), *to hold down* (*people*) — 2-ой и 4-ый фрагменты;

существительные *barbarism*, *terror*, *fear*, *a* (*blood*) *purge*, *a concentration camp* — 2-ой, 3-ий, 4-ый фрагменты;

прилагательные *mindless* (*barbarism*), *unscrupulous and brutal* (*dictatorship*), *ruthless* (*leaders*) — 4-фрагмент.

Вопрос:

Перечисленные слова принадлежат разным частям речи. Тем не менее, нетрудно заметить, что имеется единая оценочная экспрессия, которая их объединяет. Каким образом можно определить её смысл?

Интересный материал для иллюстрации экспрессивных оценочных возможностей текста nonfiction дают искусствоведческие работы. Необходимость описать и проанализировать картину (скульптуру) или, шире, творчество художника в целом, не может не повлечь за собой использование тех или иных выразительных оценочных средств языка. Этого требует сам объект искусствоведческих изысканий.

Рассмотрим отрывок из работы, посвященной анализу творчества Исаака Левитана:

1. И. И. Левитан (1861—1900) принадлежит к молодому поколению передвижников. Его творчество синтезирует достижения русской пейзажной живописи второй половины 19 века и открывает ее новый этап. В большинстве его картин часто звучит мотив тоски и одиночества.

2. Но этим не исчерпывается их содержание: в них неповторимая красота, радость и печаль, как в музыке Чайковского, в рассказах и пьесах Чехова. Необыкновенная для пейзажистов, предшественников Левитана, непосредственность ощущения природы сказалась уже в его ранней картине «Осенний день. Сокольники».

3. Картины «Вечер. Золотой плёс» и «После дождя. Плёс» открывают период зрелого творчества художника. В них чувствуется живое дыхание природы, ее внутренняя динамика, своеобразное повествование о русской жизни.

4. Тончайшими нюансами цвета, гармонией общей колористической гаммы передано быстро меняющееся освещение, серебристость влажного воздуха, золотисто-желтый солнечный свет, движение облаков, рябь воды, в которой колеблются и дрожат отражения барж.

5. Благоухающая свежесть отличает «Березовую рощу», написанную свободным, динамичным мазком с необычайной звучностью и богатством оттенков зеленого цвета. Полна настороженной тишины и таинственности картина «У омута». Глубокие философ-

ские раздумья о смысле жизни, обреченности человека и величии природы выражены в картине «Над вечным покоем». Пейзажными средствами передана гражданская скорбь во «Владимирке».

6. Создание цикла радостных сверкающих полотен «Март», «Свежий ветер. Волга», «Золотая осень» знаменует новый этап в творчестве художника. При кажущейся этюдности, ослепительной солнечности, трепете, пульсации жизни «Март» воспринимается как обобщенный образ весенней природы». (Л. С. Алешина, М. М. Ракова, Т. Н. Горина. Русское искусство Х1Х – начала ХХ века. Памятники мирового искусства.. Москва, «Искусство», 1972, с. 72).

С помощью каких языковых средств авторы пытаются передать как настроение самого художника, так и особенности его пейзажных полотен? Это, в первую очередь, существительные *тоска*, *одиночество* (1-ый фрагмент), *печаль* (2-ой фрагмент). Экспрессивность этих слов усилена сравнением с музыкой Чайковского и прозой Чехова.

Слова *печаль*, *одиночество*, *тоска*, *обреченность* (отрицательная оценка) противопоставлены существительным *красота*, *радость*, *величие* (положительная оценка).

Для анализа пейзажных полотен используется целый ряд прилагательных: *живое дыхание природы*, *тончайшие нюансы цвета*, *влажный воздух*, *золотисто-желтый солнечный свет*, *благоухающая свежесть*, *свободный, динамичный мазок*, *настороженная тишина и таинственность*, *радостные, сверкающие полотна*, *ослепительная солнечность*.

Задание:

Представьте, что перед вами букет только что сорванной сирени. С помощью каких прилагательных вы смогли бы описать его прелесть (трех-четырех слов было бы достаточно)?

Не меньшую роль в описании творчества художника играют существительные: *непосредственность* (*ощущения природы*), *гармония* (*колористической гаммы*), *серебристость* (*влажного воздуха*), *звучность и богатство* (*оттенков*), *обреченность* (*человека*), *величие* (*природы*), *трепет, пульсация* (*жизни*).

Вопрос:

Как вы думаете, словосочетание *влажный воздух* (4-ый фрагмент) это метафора или прямая констатация факта (естественное состояние атмосферы)? Желательно, чтобы ваш ответ был сформулирован в письменном виде.

Небезынтересный материал для анализа способов реализации оценки (хорошо / плохо) и ее экспрессивных возможностей даёт детская литература, в особенности, в ее поэтической форме. Для подтверждения этого тезиса обратимся к стихотворению В. В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо».

1. Крошка сын

к отцу пришел,

и спросила кроха:

— Что такое

хорошо

и что такое

плохо? —

У меня

секретов нет, —

Слушайте, детишки, —

Папы этого

ответ

Помещаю

в книжке.

2. Если ветер

крыши рвет,

если

град загрохал, —

Каждый знает —

это вот

для прогулок

плохо.

Дождь покапал

и прошел,

Солнце

в целом свете,

Это —

очень хорошо

и большим,

и детям.

3. Если

сын

чернее ночи,

грязь лежит

на рожице, —

ясно,

это

плохо очень

для ребячьей кожицы.

Если

мальчик

любит мыло

и зубной порошок,

этот мальчик

очень милый,

поступает хорошо.

4. Если бьет

дрянной драчун

слабого мальчишку,

я такого

не хочу

даже

вставить в книжку.

5. Этот вот кричит:

— Не трожь

тех,

кто меньше ростом! —

Этот мальчик

так хорош,

загляденье просто!

6. Если ты

порвал подряд

книжицу

и мячик,

октябрята говорят:

плоховатый мальчик.

7. Если мальчик

любит труд,

тычет

в книжку

пальчик,

про такого

пишут тут:

он

хороший мальчик.

8. От вороны

карапуз

убежал, заохав.

мальчик этот

просто трус.

Это

очень плохо.

9. Этот,

хоть и сам с вершок,

спорит

с грозной птицей.

Храбрый мальчик,

хорошо,

в жизни

пригодится.

Этот

в грязь полез

и рад,

что грязна рубаха.

Про такого

говорят:

он плохой,

неряха.

10. Этот

чистит валенки,

моет

сам

галоши.

Он

хотя и маленький,

но вполне хороший.

Помни

это

каждый сын,

Знай

любой ребенок:

вырастет

из сына

свин,

если сын —

свиненок.

11. Мальчик

радостный пошел,

и решила кроха:

«Буду

делать хорошо,

и не буду —

плохо».

Это стихотворение, как кажется, представляет интерес с двух точек зрения: возможностью *одновременной* реализации оценок ʻхорошо’ / ʻплохо’ в узких рамках очень небольшого смыслового фрагмента и использованием определенных лексических и синтаксических средств для создания антитезы оценочного экспрессивного характера.

Обратим внимание на первый и последний фрагменты стихотворения (1-ый и 11-ый). Первый фрагмент фактически повторяет название стихотворения:

что такое хорошо

что такое плохо

Здесь антитеза построена на повторе — лексическом и синтаксическом — и носит предельно лаконичный характер. Точно такой же рисунок имеет антитеза в последнем фрагменте:

буду делать хорошо

не буду (делать) плохо.

Эти две «жесткие» (т.е. строящиеся на минимальном количестве языковых средств) антитезы создают своеобразную «рамку», в пространстве которой мы находим ряд антитез иного плана. Так, 2-ой фрагмент, посвященный явлениям природы, использует глагольную антитезу

ветер крыши *рвет*

град *загрохал*

vs

дождь *покапал* и *прошел*

Глагольная антитеза дополнена номинативным предложением *Солнце в целом свете*. Синтаксический контраст полносоставного (наличие подлежащего и сказуемого) предложения и номинативного (назывного) предложения вносит свой синтаксический «вклад» в общую идею контраста, на котором строится стихотворение в целом.

Аналогичное объединение назывного и полносоставных глагольных предложений находим и в 3-ем фрагменте:

сын чернее ночи

грязь *лежит* на рожице

vs

мальчик *любит* мыло и зубной порошок

Вопрос:

Известно, что аффиксы обладают своей собственной выразительной (экспрессивной) потенцией. Какова в этом случае роль суффикса *–иц* в существительном ‘рожица’?

В 6-ом фрагменте читаем: октябрята говорят: *плоховатый мальчик*. Толковые словари определяют значение суффикса *–оватый* (*голубоватый*, *сладковатый*) как ‘ослабление качества’. Не кажется ли вам, что в анализируемом нами тексте реализуется иной экспрессивный смысл. Какой именно?

Вопрос:

Какова экспрессивная смысловая роль аллитерационного ряда ***м**альчик* – ***м**ыло* – ***м**илый*?

По-видимому, в этот ряд можно внести также глагол ***л**юбит*, поскольку звук [л], как и звук [м], является сонорным.

Этот вопрос относится также к следующим аллитерационным рядам:

***т**руд* — ***т**ычет* (*в книжку пальчик*) — ***т**акой* — ***т**ут* (7-ой фрагмент);

***х**рабрый* — ***х**орошо* (9-ый фрагмент);

***с**ын* — ***с**вин* — ***с**винёнок* (10-ый фрагмент).

4-ый фрагмент демонстрирует дальнейшее расширение синтаксических средств, используемых для создания антитезы ‘хорошо’ / ‘плохо’. Здесь мы находим введение уступительного придаточного предложения, вводимого союзом *если* (*если бьет дрянной драчун слабого мальчишку*), употребление слов резкой отрицательной оценочной характеристики (*дрянной*, *драчун*) и, наконец, открытое введение авторского ‘я’ для создания второго члена антитезы:

бьет дрянной драчун…

vs

я такого не хочу даже вставить в книжку

Вопрос (аналогичный предыдущему):

Какова смысловая роль аллитерации в ***д**рянной* ***д**рачун*?

5-ый фрагмент, продолжающий антитезу ‘драчун’ vs ‘защитник маленьких и слабых’, примечателен введением прямой речи с разговорными элементами *вот* (*этот вот кричит / не трожь!*) и *просто* (*загляденье просто*).

Согласно толковым словарям, в данном случае *вот* и *просто* являются частицей, роль которой определяется следующим образом:

вот употребляется для выделения, подчеркивания того, что оценивается;

просто (аналогичным образом) служит в разговорной речи для эмоционального усиления, подчеркивания мысли говорящего.

Вопрос:

Как вы думаете, почему ошибочная форма повелительного наклонения *не трожь* представляется в данном контексте вполне оправданной? Сравните с аналогичным *положь на место!*

Возвращаясь к антитезе, на которой строится стихотворение в целом, отметим случаи контраста, который реализуется с помощью открыто заявленной негативной оценочной лексики. Например, такими словами, как *трус*, *неряха*, *грязь* (8-ой, 9-ый фрагменты).

При этом второй (положительный своему смыслу) член антитезы создает развернутую контекстуальную антонимию глагольного характера: *трус* vs *спорит с грозной птицей*; *неряха* vs *чистит валенки, моет сам галоши*.

Задание:

Попробуйте сами сочинить несколько подобных глагольных антитез к словам отрицательной оценочной квалификации. Например:

льстец vs …

лизоблюд vs …

обманщик vs …

негодяй vs …

обольститель vs …

мизантроп vs …

Весьма полезный материал для анализа различных видов экспрессивности можно обнаружить при сопоставительном рассмотрении двух переводов одного и того же текста, сделанных разными переводчиками в разное время. В нашем случае поиск такого материала привел к переводам трагедий Шекспира на русский язык.

Ниже приводится отрывок из трагедии Шекспира «Макбет» (“The Tragedy of Macbeth”, Act I, Scene V. Цитируется по: Собрание сочинений У. Шекспира в двух томах. Том II. Издательство «РООССА», с. 371). Далее читатель сможет ознакомиться с двумя переводами этого отрывка.

Lady Macbeth

The raven himself is hoarse

That croaks the fatal entrance of Duncan

Under my battlements. Come, you spirits

That tend on mortal thoughts, unsex me here

And fill me from the crown to the toe top-full

Of direst cruelty! Make thick my blood,

Stop up the access and passage of remorse,

That no compunctious visitings of nature

Shake my purpose nor keep peace between

The effect and it! Come to my woman’s breasts,

And take my milk for gall, murdering ministers,

Wherever in your sightless substances

You wait on nature’s mischief! Come, thick night,

And pall thee in the dunnest smoke of hell

That my keen knife see not the wound it makes

Nor heaven peep through the blanket of the dark

To cry, “Hold, hold!”

Леди Макбет

И ворон охрип, закаркав на приезд Дункана.

Сюда, сюда, о демоны убийства.

И в женский дух мой влейте лютость зверя,

Сгустите кровь мою и преградите путь сожалению к моей груди!

И будет тверд мой замысел: природа не пошатнет его,

И духи мира моей руки не отклонят.

Сюда, убийства ангелы, где б ни витали

Вы в этот час на гибель естеству,

К грудям моим и желчью замените их молоко!

Скорей, глухая ночь, спустись на мир и в мрачном дыме ада

Укрой мой нож! Пусть он не видит раны,

И Небо не пронзит покрова тьмы словами: «Стой! Остановись!»

(Перевод А. Кронеберга, ibid).

Леди Макбет

С зубцов стены

О роковом прибытии Дункана

Охрипший ворон громко возвестил.

Сюда, ко мне, злодейские наитья,

В меня вселитесь, бесы, духи тьмы!

Пусть женщина умрет во мне. Пусть буду

Я лютою жестокостью полна.

Сгустите кровь мою и преградите

Путь жалости, чтоб жизни голоса

Не колебали страшного решенья

И твердости его. Сюда, ко мне,

Невидимые гении убийства,

И вместо молока мне желчью грудь

Наполните. Оденься дымом ада,

Глухая ночь, чтоб нож не видел ран,

Которые он нанесет, и небо

Напомнить не могло: «Остановись!»

(Перевод Б. Пастернака. Цит. по: Вильям Шекспир. Трагедии. Сонеты. Издательство «Художественная литература», Москва, 1968, с. 493)

Обратим внимание на начало монолога:

The raven himself is hoarse / That croaks the fatal entrance of Duncan under my battlements.

Сравните:

Перевод А. Кронеберга:	Перевод Б. Пастернака:
И ворон охрип, закаркав на приезд Дункана.	С зубцов стены О роковом прибытии Дункана Охрипший ворон громко возвестил

Читатель, вероятно, согласится с тем, что эта часть монолога, произнесенного леди Макбет, переведена Б. Пастернаком с большей экспрессией.

Вопрос:

Как вы думаете, какую роль в создании этой большей экспрессии играет глагол *возвестил*? В чем состоит смысловое различие между глаголом *возвестил*, с одной стороны, и его синонимами, такими, как *объявил*, *огласил*?

Продолжим сравнение:

В оригинале: Come, you spirits / That tend on mortal thoughts, Unsex me here / And fill me from the crown to the toe top-full / Of direst cruelty!

Перевод А. Кронеберга	Перевод Б. Пастернака
Сюда, сюда, о демоны убийства. И в женский дух мой влейте лютость	Сюда, ко мне, злодейские наитья, В меня вселитесь, бесы, духи тьмы!

зверя Пусть женщина умрет во мне. Пусть буду

Я лютою жестокостью полна.

В данной части монолога перевод Б. Пастернака обнаруживает большую детализацию по сравнению с переводом А. Кронеберга. Там, где у последнего использовано словосочетание *демоны убийства*, Пастернак предпочитает синонимичное перечисление экспрессивных существительных — *наитья*, *бесы*, *духи тьмы*, а также использует оценочное прилагательное *злодейские* (*наитья*) и глагол *веселитесь* (*духи тьмы*).

Особый интерес (с точки зрения сохранения экспрессивности слова) представляет перевод глагола в повелительной форме — *unsex me here*.

В переводе А. Кронеберга смысл глагола *to unsex* передан в косвенной форме: «и в женский дух мой влейте лютость зверя», т.е. женщина исчезает, на ее месте появляется зверь.

У Пастернака, напротив, находим конкретизацию глагола *to unsex*: «пусть женщина умрет во мне», и только после этого в женщину входит «лютая жестокость».

Вопрос:

Считаете ли вы, уважаемый читатель, интерпретацию глагола *to unsex* в переводе Б. Пастернака удачной или вы могли бы предложить свой, более экспрессивный вариант?

Сравните два перевода следующих строк из того же монолога леди Макбет.

Перевод А. Кронеберга	Перевод Б. Пастернака
Сгустите кровь мою и преградите путь	Сгустите кровь мою и преградите
сожалению к моей груди!	Путь жалости, чтоб жизни голоса
И будет тверд мой замысел: природа:	Не колебали страшного решенья
не пошатнет его,	И твердости его.
И духи мира моей руки не отклонят.	

Вопрос:

В данных двух фрагментах поэтического перевода находим следующие существительные: *сожаление* (у Кронеберга: «преградите путь сожалению к моей груди») и

жалость (у Пастернака: «преградите путь жалости»). Какое из этих двух слов вам представляется более удачным в данном контексте, более экспрессивным? В чем состоит разница в их значении? Запишите свое собственное толкование этих двух существительных, затем сравните свои определения с данными толкового словаря.

Сравните следующие два перевода:

Сюда, убийства ангелы, где б ни витали	Сюда, ко мне,
Вы в этот час на гибель естеству,	Невидимые гении убийства,
К грудям моим и желчью замените	И вместо молока мне желчью грудь
Их молоко!	Наполните.
(Перевод А. Кронеберга)	(Перевод Б. Пастернака)

Вопрос:

У Шекспира читаем: “Come to my woman’s breast, / And take my milk for gall…”. Какой вариант перевода вам представляется более выразительным, более экспрессивным: «желчью *замените* их» (Кронеберг) или «вместо молока мне желчью грудь *наполните*» (Пастернак)? Какой глагол — *замените* или *заполните*, в данном контексте, вам кажется более выразительным и почему? Воспользуйтесь сведениями толковых словарей.

Выше мы рассмотрели несколько видов экспрессивности: шутливую, разговорную, эмоционально-оценочную (положительную и отрицательную), экспрессию, создаваемую книжной (ее иногда называют высокой) лексикой.

Рассмотрим экспрессию, связанную со стилистическим приемом. В художественной литературе наиболее частыми из них являются метафора и эпитет. Мы же обратим внимание на иной стилистический прием, не столь частый, но оттого не менее выразительный, а именно, на персонификацию:

«Главное действующее лицо в этой истории — Река, величайшая и славнейшая не только в России, но и во всей Европе. Губернская столица выстроена на левом берегу, над крутым яром. Здесь течение вод стеснено с обеих сторон утесами, и оттого знаменитый своей величавостью поток на время утрачивает благодушие, переходит с рассеянной

неспешности на рысистый бег, пенится барашками, крутится темными водоворотами и ведет многовековую осаду Заволжского отвеса, подсекая высокий обрыв коварными апрошами. Ниже, верст через пять, левобережная круча постепенно выравнивается, сменяется песчаными отмелями, так что Реке становится привольней, и она, отдуваясь после вынужденной пробежки, растекается вширь чуть не на версту. Но передышка эта временная — как раз там, где расположена Дроздовка, упрямый берег снова резко дыбится кверху <…> открывающийся оттуда вид по праву считается красивейшим во всей округе» (Борис Акунин).

В данном фрагменте персонификация осуществляется несколькими способами. Первый и основной — это непосредственное «очеловечение» Реки (по-видимому, здесь речь идет о Волге), т.е. её изображение с помощью таких языковых средств, которые обычно используются для характеристики того или иного человека или нескольких людей и никоим образом не связываются с явлениями природы, особенностями ландшафта, водными потоками и проч.

К таким языковым средствам, создающим в нашем случае явление персонификации (или олицетворения), относятся следующие существительные, прилагательные и глаголы (ниже они выделены курсивом):

— автор называет Реку главным действующим *лицом* своей истории;

— характер течения массы воды в Реке определяется им с помощью таких слов, как *благодушие* (*поток на время утрачивает своё благодушие*) и *рассеянная неспешность* (*с рассеянной неспешностью переходит на рысистый бег*);

— *осада* (*ведет многовековую осаду отвеса*);

— *подсекает обрыв коварными апрошами* (существительное *апрош* использовано здесь в значении ‘глубокий, извилистый узкий ров для скрытого и безопасного подступа к осажденной крепости, укреплению неприятеля’);

— *река отдувается после вынужденной пробежки*;

— *передышка* (в течении реки).

«Очеловечение» Реки (неслучайно эта последняя пишется автором с заглавной буквы, подобно имени собственному) создается одновременно приемами олицетворения и метафоризации. Причем метафора черпается автором из различных областей — военной (*осада отвеса*, *коварные апроши*), конной (*рысистый бег*), особенностей поведения человека (*рассеянная неспешность*), его действий (*пробежка*, *передышка*), особенностей его характера (*благодушие*, т.е. добродушие, незлобивость).

Подобная разноплановая метафоризация, используемая в рамках стилистического приема персонификации, как представляется, создаёт экспрессию особого, комплексного и концентрированного, характера.

Другая группа языковых средств представлена глаголами и существительными, традиционно используемыми для описания движущегося потока воды (реки):

течение воды стеснено (утесами);

пенится барашками;

крутится водоворотами;

река растекается вширь.

Известно, что объединение традиционных (например, *река пенится барашками*) и нетрадиционных (например, *река отдувается после пробежки*) образных средств способствует усилению выразительности (экспрессивности) как тех, так и других. Это происходит вследствие того, что подобное объединение неизбежно создает «выгодный фон» для свежей, оригинальной метафоры. При этом и сама традиционная метафора попадает под влияние яркой экспрессивности оригинальной метафоры и уже не воспринимается читателем как «тусклое», т.е. стандартное языковое явление.

Вопрос:

В анализируемом фрагменте находим словосочетание *рассеянная неспешность* (в течении Реки). Каким образом в данном случае можно определить метафорическое значение прилагательного *рассеянный*? Иными словами, какие свойства такое течение подразумевает?

Вопрос:

Познакомьтесь со следующими примерами, заимствованными из Национального корпуса русского языка. Определите метафорическое значение прилагательного *рассеянный*, использованного в этих примерах. Что подразумевается под рассеянным почерком, рассеянным бегом, рассеянной угрозой:

«*Почерк рассеянный*, сделанный кем-то чужим, посторонним, растяпой, ленивцем, давно и привычно скучающим на службе…» (В.Д. Алейников).

«Знакомые мысли пробегали перед глазами… Вдруг *рассеянный бег мой* прервался. На широких полях я увидел сделанное пером примечание» (Роман Шмараков).

«В сфере борьбы с терроризмом нет видимого противника или линии фронта, *угроза носит рассеянный характер…*» (Махмут Гареев).

Обратимся к экспрессивности, связанной с описанием эмоциональных переживаний человека в той или иной форме их проявления. Начнем с примера, заимствованного из романа Ч. Диккенса «Давид Копперфилд».

"…my aunt and Agnes rose, and parted from the emigrants. It was *a sorrowful farewell. They were all crying;* the children hung about Agnes to the last; and we left *poor* Mrs. Micawber in *a very distressed condition, sobbing and weeping* by a dim candle, that must have made the room look, from the river, like *a miserable light-house.* I went down again next morning to see that they were away… It was a wonderful instance to me of the gap such partings make, that although my association of them (the Micawber family — H.P.) with the *tumble-down public-house* and the wooden stairs dated only from the last night, *both seemed dreary and deserted, now that they were gone".*

Эмоциональное переживание, представленное в данном фрагменте, можно обозначить как <u>грусть и печаль</u>, вызванные расставанием (по-видимому, навсегда) с друзьями, с которыми у героя романа был связан длительный период его жизни.

Лексические средства, способные реализовать упомянутое эмоциональное переживание, можно разделить на две группы. В первую входят прилагательные и глаголы, которые непосредственно, по своему словарному значению, могут передать охватившее человека чувство подавленности и грусти.

Это, прежде всего, прилагательное *sorrowful* (*it was a sorrowful farewell*), которое толковые словари определяют как 'very sad, feeling sad and unhappy'. В качестве примера словари приводят словосочетание *a sorrowful good-bye*. Отметим, что в нашем примере использованы синонимы существительного *good-bye*, а именно, *farewell* (*a sorrowful farewell*) и *parting* (*the gap such partings make*).

Словосочетание *a sorrowful farewell*, использованное в самом начале анализируемого фрагмента, является своего рода камертоном, который определяет общее эмоциональное настроение описываемой сцены прощания. И если цель камертона — определить эталонную высоту звука, которой (высотой) пользуются как основным тоном при настраивании музыкальных инструментов, то цель прилагательного *sorrowful* (в данном случае) — настроить читателя на внутреннее душевное состояние действующих лиц как печальное (*sad*).

Обратимся к другому прилагательному, а именно, *distressed* (*very distressed condition*). Оно, как и *sorrowful*, вносит вклад в создание общей выразительности (экспрессивности) текста благодаря своему словарному значению, которое фиксируется следующим образом: 'suffering from extreme sorrow', напр.: *She felt emotionally and physically distressed*; *She was deeply distressed by the news of his death*.

Примечательно, что в художественном тексте слово, имеющее эмоционально-экспрессивное значение (в нашем случае это *distressed*), как правило, влечет за собой использование других лексических единиц, значение которых тоже связано с тем или иным субъективным эмоциональным переживанием человека. В приводимых ниже примерах (они заимствованы из // http://www.yourdictionary.com.) — это существительные despair, foreboding; глагол to plead; наречие painfully:

He rose, distressed by the familiar despair;

She seemed distressed and softly pleaded,"Please?"

Both Mr.Keth and I *were distressed and full of forebodings*;

He was evidently distressed, and breathed painfully...

В результате создается некий комплекс лексических средств, способных подробно передать как чувство, переживание, настроение человека, так и его взволнованное, субъективно-оценочное отношение к той или иной ситуации. Этот комплекс одновременно углубляет и варьирует экспрессивное качество художественного текста, поскольку вносит в него новые смыслы.

Данное обстоятельство заметно даже на материале коротких предложений, приведенных выше. Действительно, быть d*istressed* и при этом испытывать отчаяние (*despair*) это один вид of extreme sorrow. Испытывать физическую боль (*he breathed painfully*) — совсем иной смысл, наконец, иметь нехорошие предчувствия — третий и т.п.

Что касается глаголов, *непосредственно* участвующих в описании эмоциональных переживаний действующих лиц, то это *to cry*, *to weep* и *to sob*. Данные слова являются близкими синонимами. Тем не менее, в контексте рассматриваемого нами фрагмента каждое демонстрирует свои специфические особенности.

Так, глагол *to cry* (*they were all crying*), согласно толковым словарям, имеет значение, формулируемое как 'to shed tears often as a sign of pain or distress'). Напомним читателю, что *distress* (в форме рассмотренного выше прилагательного *distressed*) употреблено автором романа в словосочетании *distressed condition*. В результате значение глагола *to cry*, связанное со словом distress, выходит на передний план, отодвигая на второй план значение, связанное с существительным *pain*.

Аналогичное явление наблюдается и в случае использования глагола *to weep* (*we left poor Mrs. Micawber sobbing and weeping*). Словарное значение глагола *to weep* определяется как 'to cry because you are very sad or are feeling some other strong emotion, to express deep sorrow for, to express a feeling by shedding tears'. В этом определении мы находим неоднократно упоминавшиеся выше прилагательное *sad* и существительное *sorrow*. При этом, как уже отмечалось выше, повтор не носит простой механический характер, поскольку каждый раз повторяемое слово несколько видоизменяет свое значение благодаря «соседству» с различными лексическими единицами эмоционально-экспрессивного зна-

чения. Покажем это на дополнительных примерах, заимствованных из ряда английских толковых словарей и справочников:

a) *When one's head is gone one doesn't weep for one' hair.*

b) We bury love. Forgetfulness grows over it like grass. *That is a thing to weep for,* not the dead (Alexander Smith).

c) *Try to weep, nothing gives such relief as tears.*

d) *Weep not that the world changes. Did it keep a stable, changeless state, it were cause indeed to weep* (W.C. Bryant).

e) *He has two neighbours, one who lives still farther north; one is King Winter, a cross and churlish old monarch, who is hard and cruel, and delights in making the poor suffer and weep, but the other neighbour is Santa Claus, a fine good-natured, jolly old soul, who loves to do good, and who brings presents to the poor, and to nice little children at Christmas.*

f) *All at once, in this serenity, great Nature spoke to me; and soothed me to lay down my weary head upon the grass, and weep as I had not wept yet, since Dora* (the author's wife — H.P.) died" (Ch. Dickens).

g) "When my mother died I was very young,

And my father sold me while yet my tongue

Could scarcely cry "*weep! weep! weep! weep!"*

So your chimneys I sweep and in soot I sleep"

(William Blake. The Chimney Sweeper)

Если рассмотреть эти примеры с точки зрения интенсивности эмоционально-экспрессивного переживания, которое способен передать глагол *to weep*, то можно увидеть определенную градационную шкалу, основание которой условно назовем нулем. «Ступени» этого градационного ряда (их можно обозначить как стилистический прием нарастания) выстраиваются следующим образом:

Основание ряда, т.е. минимальная интенсивность эмоционального переживания, представлено примерами — **(a), (b) и (d).** Первый пример (a) — это поговорка, которая в русском варианте звучит как «снявши голову, по волосам не плачут». Пословица всегда

экспрессивна, поскольку она представляет собой меткое, образное (в нашем случае — метафорическое) изречение. Экспрессивность пословицы обусловлена также тем, что она всегда имеет обобщающий характер, который типизирует различные стороны жизни человека. Исследователи неизменно подчеркивают назидательный характер пословицы, приближающий ее к афористическому изречению. Подчеркнем: поучительность, назидательность, афористичность, обращенность ко всем и к каждому, упоминание в виде постоянного примера — все эти качества делают пословицу в высшей степени выразительной (экспрессивной), отодвигая на задний план ее эмоциональное качество.

В этом отношении к пословице в какой-то степени приближаются примеры (b), (c) и (d). Каждый из них представляет собой сентенцию. Подобно пословице, сентенция имеет тот же экспрессивный характер, который можно обозначить как нравоучительно-назидательный. Тем не менее, эти примеры, как представляется, можно считать второй ступенью градационного ряда, поскольку они попадают в контекст, насыщенный эмоциональными лексическими средствами. Это существительные *love*, *relief*, *tears*, глагол *to bury*, а также стилистический прием сравнения (*forgetfulness grows like grass*) и непосредственное обращение к читателю (*weep not*, *try to weep*).

Следующую (третью) ступень эмоционально-усилительного градационного ряда образуют примеры (e), (f) и (g). Первый (e) представляет собой отрывок из сказки, построенной на антитезе 'King Winter' vs 'Santa Claus'. Антитеза строится с помощью прилагательных и глаголов, принадлежащих слою оценочной лексики. Её иногда называют «откровенно заявленной» (или словарной) эмоционально-оценочной лексикой.

Что касается прилагательных, то это — *cross*, *churlish*, *hard*, *cruel*. В рассматриваемом фрагменте все они функционируют как близкие синонимы, которые в дальнейшем, по ходу развития сюжета сказки, раскрывают негативное оценочное отношение автора к злу воплощенному в образе Короля Зимы. Позитивное отношение передается с помощью антонимичных оценочных прилагательных. Это — *fine* и *good-natured*, а также с помощью глаголов *to love*, *to do good*, *to bring presents* и разговорного оценочного *jolly old soul*.

В примерах (e), (f) и (g) глагол *to weep* заслуживает, по-видимому, особого внимания. В первом *weep* образует словосочетание с эмоционально напряженным глаголом *to suffer* (*who delights in making the poor suffer and weep*). В этом словосочетании объединены как субъективное *внутреннее статичное* переживание (*to suffer*), так и его *внешнее динамичное* проявление (*to weep*).

Пример **(f)** примечателен тем, что он являет собой иллюстрацию сентенции *nothing gives such relief as tears* (см. пример (c)). При этом, в смысловом отношении, существительные *relief* и *tears* оказываются весьма близкими контекстуальными синонимами.

Что касается последнего примера (g), то это - особый случай, поскольку глагол *to weep* попадает здесь в поэтический текст, экспрессивные ресурсы которого, как известно, безграничны. Глагол *to weep* повторяется поэтом четыре раза. Если бы капающие слезы издавали какой-либо отчетливый звук, то можно было бы сказать, что *to weep* в данном случае является звукоподражательным глаголом, который соответствует русскому *кап, кап, кап*…. В переводе на русский язык читаем:

«Был я крошкой, когда умерла моя мать,

И отец меня продал, едва *лепетать*

Стал мой детский язык. Я невзгоды терплю,

Ваши трубы я чищу, и в саже я сплю»

(Перевод С.Я. Маршака)

«Мать оставила рано меня сиротой,

А отец, удрученный своей нищетой,

Крошку сыны, который едва *лепетал,*

К трубочистам чумазым в ученье послал»

(Перевод В.Л. Топорова)

Вопрос:

Считаете ли вы удачным использование глагола *лепетать* для перевода строки “Could scarcely cry “weep! weep! weep! weep!”? Желательно дать развернутый ответ.

Задание:

Обратите внимание на двойную аллитерацию. Глаголы *to weep* и *to sleep* оба односложные, оба имеют долгий звук [i:]. Кроме того, глаголы *to sweep*, *to sleep* и существительное *soot* аллитерированы по первому звуку. Какова смысловая роль этой аллитерации, т.е. звукового повтора [s]?

Задание:

Приведенное выше четверостишие (пример (g)) является первым в известном стихотворении Блейка “The Chimney Sweeper”. Найдите это стихотворение в Интернете, прочтите его целиком и выпишите те случаи аллитерации, которые представляются вам значимыми для углубленного понимания смысла поэтических строк.

Вернемся к примеру из романа Диккенса, в котором описывается сцена прощания с друзьями. Мы находим здесь лексические средства (прилагательные и глаголы), *непосредственно* создающие экспрессию переживания. Последнее было обозначено как грусть, печаль. В этом фрагменте имеются также *косвенные* лексические средства, использованные с той же целью — создать экспрессию, связанную с обозначением печали (скорби, уныния). В данном случае речь идет не о прямом назывании чувства (эмоции), а об описаниb того места, в котором происходит описываемая романистом сцена прощания с друзьями. Здесь мы находим прилагательные *miserable* (*like a miserable light-house*), *tumble-down, dreary, deserted* (*public-house*):

Задание:

Сравните значения следующих прилагательных:

miserable — ‘being in a pitiable state’;

tumble-down (of a building) — ‘failing or falling into ruin, dilapidated’;

dreary — ‘having nothing likely to provide comfort, causing sadness or gloom’;

deserted — ‘abandoned, forsaken by owner or inhabitants’.

В рассматриваемом нами фрагменте данные слова становятся весьма близкими контекстуальными синонимами. Какое значение ставит их в один ряд? Какова при этом роль аллитерации в словах ***d**reary* и ***d**eserted*?

Что касается глаголов, создающих экспрессию, которая связана с обозначением эмоционального состояния человека, отметим, что *to cry*, *to weep*, *to sob* образуют четкий градационный ряд, вершиной которого является глагол *to sob* (*we left poor Mrs. Micawber sobbing by a dim candle*). Помимо тех значений, которые присущи также глаголам *to cry* и *to weep*, в значение *to sob* входит еще один элемент, который обозначается в толковых словарях прилагательными *spasmodic*, *convulsive* и *uncontrollable*. Например: 'to catch the breath audibly in a spasmodic contraction of the throat; to cry or weep with convulsive catching of the breath. *He began to sob uncontrollably*'.

Именно это обстоятельство позволяет сказать, что в ряду глаголов *to cry*, to weep и *to sob* последний обладает не только новым смыслом, но также и новой, более сильной эмоциональной экспрессией.

Задание:

Просмотрите приводимые ниже примеры (они заимствованы из // http://www.yourdictionary.com.). Все они включают существительное *sob* в сочетании с различными глаголами. Какое контекстуальное значение, по вашему мнению, могло бы объединить эти глаголы?

She choked on a half sob, half laugh.

She choked back a sob and wrapped her arms around Darian.

A sob threatened to choke off her voice.

His tone was kind, even understanding, yet it tore a sob from deep in her lungs.

A strangled sob erupted from her lungs.

She daubed her eyes with a tissue and *swallowed a sob.*

Carmen… gulped a sob as she tried to divert the flow of tears so that she could see.

Подводя итог речевым средствам выражения экспрессивности, можно сказать, что они чрезвычайно разнообразны и не всегда четко различимы, точно так же, как разнообразна, многолика и не всегда уловима сама выразительность. Ощущая ее присутствие в художественном тексте, иногда мы не в состоянии со всей определенностью соотнести экспрессивность с теми языковыми средствами, которые ее создают. Тем интереснее и

увлекательнее *контекстуальные* поиски языковой природы данного явления, которое (по определению) присуще художнику слова, но которое также отчетливо наблюдается в текстах non-fiction.

Г. А. Широкова (Институт Языкознания РАН)

G. A. Shirokova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Из опыта обучения аспирантов грамматике английского языка

On Teaching Grammar to Post-Graduate Students

Аннотация

В статье приводится описание опыта работы с аспирантами по подготовке к кандидатскому экзамену по английскому языку. Представлены учебные материалы, отвечающие целям и задачам данного курса. Дается учебный план и методы обучения для формирования навыков чтения, понимания и перевода литературы по специальности.

The paper deals with teaching English grammar to post-graduate students. Appropriate teaching materials designed for the specific goals of the course are described. A syllabus and methods undertaken to form reading, comprehension and translation skills are presented.

Ключевые слова

Методы обучения грамматике, навыки чтения и перевода текста, грамматические аспекты перевода

Grammar teaching techniques, reading and translation skills, grammatical aspects of translation

Практическая целенаправленность обучения аспирантов и научных сотрудников иностранным языкам в системе Российской академии наук требует использования в их подготовке всех четырех видов речевой деятельности — чтения, аудирования, говорения и письма. Однако главная цель курса — научить будущего ученого свободно пользоваться оригинальной иноязычной литературой по научной тематике: читать и понимать статьи и монографии по специальности. Традиционно основной формой проверки точности извлечения информации, содержащейся в тексте, является его перевод. Так, в соответствии с требованиями к кандидатскому экзамену по иностранному языку сдающим необ-

ходимо выполнить письменный перевод оригинального текста по специальности объемом 3000 знаков, причем речь идет, в первую очередь, о передаче его грамматической структуры. Этим объясняется тот факт, что в процессе подготовки аспирантов к сдаче кандидатского экзамена по английскому языку большое внимание уделяется углублению знаний по грамматике английского языка и изучению грамматических вопросов перевода текста с английского языка на русский. Как показывает опыт, важнейшей предпосылкой успешной сдачи аспирантами экзамена является сформированность у них навыка понимания грамматической структуры английского языка, а также знание способов ее передачи средствами родного языка.

Обучение аспирантов и научных сотрудников институтов Российской академии наук иностранным языкам имеет свою специфику. Это, как правило, неоднородный состав групп (часто в группу входят представители различных научных дисциплин, работающие с текстами, различающимися по тематике, содержанию, использованию специфической терминологии), а также неоднородный уровень языковой подготовки.

В этой связи возникает необходимость использовать такую методику обучения, которая обеспечила бы эффективное и результативное прохождение аспирантами курса грамматики английского языка в рамках подготовки к кандидатскому экзамену.

Выполнению этой задачи в значительной степени призваны способствовать дидактические средства обучения, среди которых важнейшими остаются учебники, учебные пособия и словари. При этом особое внимание в таких дидактических материалах должно быть уделено тем особенностям грамматики, которые представляют наибольшие трудности для понимания и перевода научного текста.

За истекшее десятилетие на кафедре иностранных языков Института языкознания РАН создано немало учебных материалов [1—10]. К сожалению, в большинстве из них используется узкоспециальная лексика, что создает трудности обучения групп аспирантов, в состав которых входят представители различных специальностей. В этой связи вполне оправдана необходимость привлечения к учебному процессу таких учебных мате-

риалов, которые могут быть использованы для подготовки аспирантов любых специальностей.

Настоящая статья посвящена описанию опыта обучения аспирантов грамматике английского языка с использованием учебных пособий, специально предназначенных для этой цели. Систематическая работа над грамматическим материалом с использованием грамматического справочника, выполнение упражнений на его закрепление, а также изучение лексики с привлечением словаря, — все это способствует формированию навыков чтения и перевода оригинальной литературы по специальности.

Группам предлагается следующий комплект учебных материалов, полностью отвечающих целям и задачам грамматического курса обучения чтению, пониманию и переводу английского текста.

1. «Практическая грамматика английского языка. *Учебное пособие по переводу*» [9].

2. «Практическая грамматика английского языка. *Сборник упражнений*» [10].

3. «Англо-русский учебный словарь с синонимами и антонимами. Общенаучная лексика» [2].

Первый из приведенных учебников «Практическая грамматика английского языка. *Учебное пособие по переводу*» содержит полное и систематизированное описание всех основных грамматических явлений, которые рассматриваются в аспекте перевода с английского языка на русский.

Расположение и изложение материала в нем определяется тем, что исходной единицей связного текста при чтении является предложение.

В первой части учебного пособия даются сведения о составе, структуре и видах простого и сложного предложения, о порядке следования его членов и способах перевода на русский язык различных видов предложений.

Во второй части приводятся все необходимые сведения о частях речи, их образовании, значении, особенностях правописания и способах перевода на русский язык.

Каждый раздел, посвященный конкретной грамматической теме, имеет определенную структуру: сначала даются формальные признаки данного грамматического явления, его основное значение, употребление, а затем возможные способы перевода на русский язык с указанием, в каких случаях следует использовать тот или иной способ.

Кроме того, в пособии имеются перекрестные ссылки (при возникновении необходимости в дополнительной информации в квадратных скобках даются отсылки к соответствующим разделам и подразделам). Так, чтобы восполнить пробелы в той или иной области грамматики английского языка (например, повторить видо-временные формы глаголов, правила образования степеней сравнения прилагательных и наречий, множественного числа существительных и т.д.), можно обратиться к указанному в квадратных скобках разделу учебника. Например, в разделе 13.1 на стр. 175, посвященном образованию формы пассивного залога в английском языке, говорится, что она «образуется с помощью вспомогательного глагола *to be* и причастия II [19]». Цифра в квадратных скобках указывает на номер раздела, в котором представлен материал о причастии II. Такие перекрестные отсылки даны по всему учебнику. Преподавателю, работающему с группой, нет необходимости уделять время на занятии восполнению пробелов в знаниях обучаемых, ему нужно указать на конкретный раздел и подраздел учебника для самостоятельного повторения темы.

Книгой можно пользоваться не только как учебным пособием, но и как предметным справочником: расположение материала не обязывает к определенной последовательности его прохождения. Каждый раздел можно использовать для ознакомления или повторения независимо от других. Преподаватель по своему усмотрению (в зависимости от уровня языковой подготовки группы и ее состава) может выбирать для работы тот грамматический материал, который представляется в конкретной ситуации важным и необходимым.

Для удобства пользования в конце книги дается развернутый тематический указатель, в котором по алфавиту перечислены грамматические явления, представленные в пособии, и указаны соответствующие разделы и подразделы учебника.

Второе учебное пособие «Практическая грамматика английского языка. *Сборник упражнений*» применяется для последующего закрепления и отработки пройденного материала.

В его первой части содержатся упражнения по основным разделам грамматики, которые представлены в том же порядке, что и в учебнике по грамматике [9]: предложение, его структура, порядок следования членов предложения, части речи и грамматические функции, выполняемые ими в предложении. Каждое упражнение состоит из предложений, предназначенных для перевода с английского языка на русский. Используемая лексика характерна для научного текста. Предложения, включенные в упражнения, как правило, расположены по степени усложнения материала, что дает возможность преподавателю выбирать их в соответствии с уровнем подготовленности учеников. Все упражнения снабжены ссылками (они даются в скобках) на конкретные разделы и подразделы рекомендованного учебного пособия по грамматике [9]. При возникновении трудностей понимания и перевода какого-либо предложения обучаемые могут еще раз обратиться к учебнику и повторить тему.

Упражнения можно выполнять выборочно по отдельным грамматическим темам без учета порядка их расположения в сборнике. Использование данного пособия аспирантами предполагает параллельную работу над текстами по специальности. В этом случае завершающим упражнением в каждом разделе может быть упражнение на отыскание соответствующего грамматического явления в текстах для домашнего чтения.

В конце первой части даются три варианта итоговой контрольной работы с целью проверки усвоения полученных знаний по грамматике английского языка.

Во второй части книги представлены тестовые задания по грамматике, цель которых — выявить пробелы в усвоении пройденного материала. Они могут быть использованы как для повторения курса грамматики, так и для проверки знания основных правил грамматики. Все тестовые задания снабжены ключами и пояснениями. При сопоставлении ответов с правильными можно проверить, усвоен ли изучаемый материал, и при возникающих затруднениях использовать пояснения к ключам.

Третьим важным элементом обучения аспирантов иностранному языку является работа со словарем. Изучению и закреплению лексического материала на занятиях и при подготовке домашнего задания в значительной степени способствует использование словаря, специально составленного для работы с аспирантами, это — «Англо-русский учебный словарь с синонимами и антонимами. Общенаучная лексика» [2]. Каждая словарная единица сопровождается списком словосочетаний, а также синонимами и антонимами. В качестве самостоятельных вокабул в словаре даны продуктивные аффиксы английского языка, компоненты сложных слов, латинские слова и выражения. Кроме того, в приложении к словарю на стр. 602 приводится список основных словообразовательных суффиксов, представленных по алфавиту, а на стр. 604 — список «ложных друзей переводчика». Опыт показывает, что данный словарь значительно облегчает работу по поиску характерных для научной прозы значений слов и словосочетаний.

Обучение на кандидатском семестре предполагает аудиторные групповые занятия под руководством преподавателя и самостоятельную работу аспиранта по выполнению домашнего задания.

Курс грамматики на кандидатском семестре направлен на: 1) коррекцию и углубление знаний по грамматике английского языка для работы с иноязычными текстами по научной тематике; 2) совершенствование навыков синтаксического анализа; 3) развитие навыков устного и письменного перевода текста по специальности с английского языка на русский.

На первом занятии с группой проводится стартовое тестирование с целью выявления исходного уровня знаний по грамматике английского языка. Характер теста непосредственно связан с целью обучения: аспирантам предлагается выбрать один из трех вариантов перевода предложений, содержащих различные грамматические трудности, например:

The agreement is likely to affect trade between these countries.

a) Говорят, что соглашение повлияло на торговлю между этими странами.

b) Похоже, что соглашение влияет на торговлю между этими странами.

c) Вероятно, это соглашение повлияет на торговлю между этими странами.

Проведение такого рода предваряющего контроля и анализ его результатов позволяет преподавателю успешно планировать учебный процесс с учетом подготовки всех членов группы.

Для иллюстрации того, в какой последовательности вводится и отрабатывается грамматический материал на кандидатском семестре, приводим учебно-тематический план с перечнем основных грамматических тем и распределением учебных часов. В скобках даны ссылки на соответствующий раздел из учебника грамматики [9].

1. Виды предложений в английском языке. Члены предложения (раздел 1, с.19—35). Виды простых предложений. Порядок слов простого предложения (раздел 2, с.36—45) — 3 ЧАСА.

2. Сложное предложение. Виды придаточных предложений и способы их перевода (раздел 3, с.45—60) — 6 ЧАСОВ.

3. Выделение смыслового центра предложения. Перевод эмфатических конструкций и эмфатической инверсии (раздел 4, с.61— 66) — 6 ЧАСОВ.

4. Перевод глагола-сказуемого в страдательном залоге (раздел 13, с. 174—187) — 6 ЧАСОВ.

5. Инфинитив, его формы и функции в предложении. Способы перевода инфинитива (раздел 16, с.220—234) — 6 ЧАСОВ.

6. Инфинитивные конструкции и их перевод (раздел 18, с.234—248) — 9 ЧАСОВ.

7. Причастие I и причастие II, их формы и функции в предложении. Способы перевода причастий (раздел 19, с. 248—266) — 6 ЧАСОВ.

8. Причастные конструкции и их перевод (раздел 20, с. 266-273) — 6 ЧАСОВ.

9. Герундий, его формы и функции в предложении. Герундиальные конструкции. Способы перевода герундия и герундиальных конструкций (раздел 21, с.274—288) — 6 ЧАСОВ.

10. Сослагательное наклонение и способы перевода глагола в сослагательном наклонении (раздел 16, с.204—220) — 6 ЧАСОВ.

Работа, направленная на формирование грамматического навыка у обучаемых, состоит из следующих этапов.

Введение нового материала. С самых первых занятий на кандидатском семестре необходимо использовать принцип обучения, который кратко можно охарактеризовать «от общего к частному». Под ним подразумевается обучение комплексному пониманию грамматического строя английского языка с последующим изучением конкретных грамматических тем.

В соответствии с Программой обучения аспирантов английскому языку на кандидатском семестре, темой первого занятия является «Английское предложение»: состав и структура простого предложения, порядок следования его членов и способы перевода на русский язык. Это объясняется тем, что знание структуры английского предложения и рассмотрение грамматических явлений в контексте предложения, которое является исходной единицей текста при чтении, часто является единственным ключом к его правильному пониманию. Умение провести синтаксический анализ предложения является решающим фактором для понимания и точного перевода английского текста. Важно объяснить обучаемым следующее: 1) синтаксические взаимоотношения слов в структуре английского предложения определяются не на основе их форм (как, например, в русском языке), а на основе расположения его составляющих; 2) для английского языка характерно фиксированное расположение членов предложения вследствие твердо установленного правила; 3) за определенным членом предложения закрепляется своя позиция.

Необходимо акцентировать внимание обучаемых на том, что позиция подлежащего в английском предложении всегда должна быть заполнена, что в русском языке необязательно. В этой связи на первом же занятии вводится понятие «формальное подлежащее», описанию которого посвящен раздел 1.1.2 на стр. 22. Начинать перевод предложения вида *It is expected that winter will be cold* словами *Это ожидается…* является грубой ошибкой, так как местоимение *it* в этом предложении выполняет функцию формального подлежащего и не переводится. Кроме того, говоря о подлежащем, важно обратить внимание обучаемых также на то, что, если оно выражено местоимениями *we*, *you*, *they*, *one* в

обобщенном значении, оно переводится словами *мы*, *люди*, *человек* или безличными предложениями. Так, предложение *One should think before saying something* переводится *Следует подумать, прежде чем что-либо сказать*. В рекомендованном учебнике грамматики [9] этот материал изложен в разделе 1 и 2.

Разберем для примера еще одну тему — тему «Инфинитив». Эта тема представлена в учебнике в разделе 17 на стр. 220—234. В отличие от русского языка, в английском инфинитив обладает большим количеством форм, которые приведены в учебнике в таблице на стр. 223. Далее каждая из форм рассматривается отдельно: приводится ее признак, объясняется значение, даются варианты перевода на русский язык. Важно обратить внимание обучаемых, что только форма *Infinitive Simple Active* переводится неопределенной формой глагола, а все остальные — придаточными предложениями.

Необходимо также обратить внимание обучаемых на то, как переводится сочетание перфектного инфинитива с модальным глаголом. Подробная информация приведена в разделе учебника 15.20 на стр. 204.

Далее рассматриваются функции инфинитива в предложении. Особая роль отводится функции определения и передаче сложных форм инфинитива в этой функции на русский язык. Полезно подчеркнуть, что только простая форма инфинитива переводится неопределенной формой глагола. Объясняя способы перевода инфинитива в функции обстоятельства следствия, необходимо уделить внимание возможному способу перевода инфинитива после слов *sufficiently*, *too*, *enough*, когда инфинитив может приобретать модальное значение возможности. Например, предложение *The rate of reaction is too slow to be measured* переводится *Скорость реакции слишком мала, чтобы ее можно было измерить*.

При введении нового грамматического материала полезно разбирать примеры, приведенные в учебнике. Опыт показывает, что вводить грамматические явления желательно с использованием несложного лексического материала. Это позволяет обучаемым сконцентрироваться на разбираемом грамматическом явлении и не тратить время на отыскание эквивалентов незнакомых слов, а также способствует повышению мотивации

изучения грамматики и результативности занятий. Именно с этой целью все примеры в учебнике даны на простом лексическом материале и снабжены переводом на русский язык.

Первичное закрепление материала. Данный вид работы проводится с использованием сборника упражнений [10]. Как правило, выполняются начальные предложения каждого упражнения по данной теме.

В качестве домашнего задания предлагается:

1. Проработать новый грамматический материал в учебнике и внимательно ознакомиться с приведенными примерами и их переводом на русский язык.

2. Выполнить такое упражнение: закрыть перевод примера из учебника и самостоятельно перевести его в письменной форме, а затем сравнить свой вариант с предложенным в учебнике и проанализировать допущенные ошибки. Выполнение этого задания позволяет обучаемым не только успешно формировать грамматический навык, но и способствует выработке умения строить высказывания на английском языке.

3. Сделать упражнения на соответствующую тему из сборника упражнений. Упражнения необходимо выполнять в письменной форме.

Закрепление учебного материала осуществляется за счет проверки домашнего задания на следующем занятии.

Лексика на занятиях вводится при объяснении грамматической темы. Так, например, при проработке темы «Passive voice» аспирантам дается задание выучить наиболее часто встречающиеся английские переходные и непереходные глаголы, употребление которых в пассивном залоге вызывает трудность для понимания и перевода. Списки таких глаголов приводятся в учебнике в разделе 13 на стр. 183—187.

Для обогащения словарного запаса аспиранты составляют словарик, в котором они записывают незнакомые слова и выражения. На занятиях и при выполнении домашнего задания рекомендуется пользоваться словарем [1; 2]. Практика показывает, что не все обучаемые умеют правильно выписывать незнакомые слова. Типичной ошибкой является выписывание всех значений подряд. Обучаемым необходимо объяснять, что

прежде чем приступить к выписыванию слов, важно прочитать предложение до конца и провести его анализ с целью выявления главных членов, а именно: подлежащего и сказуемого, и, в первую очередь, искать в словаре их эквиваленты. Рекомендуется также записывать перевод слов строго в том значении, в котором они употреблены в данном контексте, определив предварительно, какой частью речи это слово является. С целью экономии времени при переводе текста нужно развивать у обучаемых «языковую догадку» с опорой на узкий (в пределах предложения) или широкий (несколько предложений) контекст: выделять слова с «интернациональными» корнями, знакомить их с «ложными друзьями» переводчика.

Важную роль в обучении грамматике иностранного языка играет *контроль*. Начав занятия с группой со стартового тестирования, преподаватель регулярно проводит промежуточный контроль в виде выполнения тестов, тестовых заданий, перевода небольших текстов. Известно, что контроль выполняет стимулирующую функцию в учебном процессе, способствует повышению его мотивации. Кроме того, промежуточный контроль подготавливает обучаемых к итоговому контролю в виде контрольной работы, состоящей из заданий по переводу с английского языка на русский отдельных предложений, насыщенных грамматическими и лексическими трудностями [10, 55—57]. Три варианта итоговой контрольной работы унифицированы по грамматическим явлениям, включенным в предложения. Так, в предложениях 1 и 2 использованы формы пассивного залога, в предложениях 3 и 4 — герундий, в предложении 5 — причастие I и т.д. Информация об этом приводится в пояснительной записке, где даются также ссылки на соответствующие разделы и подразделы учебника [9]. Такая форма подачи материала в контрольной работе дает возможность проводить проверку и анализ результатов наиболее эффективно. Представленные три варианта контрольной работы предлагается выполнять в любой последовательности.

В заключение стоит отметить, что описанная методика обучения аспирантов грамматике английского языка с использованием представленных учебных материалов успешно применяется автором на протяжении нескольких лет. Она также была апробиро-

вана на общедоступных лекционно-семинарских занятиях, которые проводились автором на кафедре иностранных языков Института языкознания РАН в 2014 и 2015 гг.

Приобретаемые в процессе занятий знания помогают обучаемым справляться с трудностями, возникающими при восприятии, чтении и переводе английского текста по специальности. В результате у аспирантов формируются стойкие грамматические навыки, что способствует пониманию научного текста во всех его смысловых оттенках и нюансах, и, как следствие, успешной сдаче кандидатского экзамена по английскому языку.

Литература

1. Сиполс О. В., Широкова Г. А. Англо-русский словарь начинающего переводчика. М.: Флинта: Наука, 2008.

2. Сиполс О. В., Широкова Г. А. Англо-русский учебный словарь с синонимами и антонимами. Общенаучная лексика. М.: Флинта: Наука, 2011.

3. Абакарова Н. М. Fine Arts. Английский язык. Научный текст с упражнениями. М.: Советский писатель, 2011.

4. Ащихмина Г. В., Баграмова Л. С., Зелинский Н. Н. Сборник текстов на английском языке. История. М.: Советский писатель, 2008.

5. Голова И. Л. Пассивные конструкции. Лексические и грамматические особенности английской научной литературы. Частотные словосочетания. М., 2017.

6. Зилова Н. М. Ethnography. Английский язык. Научный текст с комментариями и упражнениями. М.: Советский писатель, 2010.

7. Рубцова М. Г. Полный курс английского языка. Учебник-самоучитель. М.: Астрель-АСТ, 2008.

8. Широкова Г. А. Archaeology. Английский язык. Научный текст с комментариями и упражнениями. М.: Советский писатель, 2010.

9. Широкова Г. А. Практическая грамматика английского языка. Учебное пособие по переводу. М. М.: Флинта: Наука, 2017.

10. Широкова Г. А. Практическая грамматика английского языка. Сборник упражнений. М.: Флинта: Наука, 2018.

Обзоры. Рецензии

Book Reviews and Common References

П. С. Дронов (Институт языкознания РАН)

Рецензия на книгу Л. Л. Федорова. История и теория письма. Учебное пособие. М.: Наука, 2015. 560 с.; илл.

Информация о теории письма и истории развития письменных систем традиционно была важна для общего языкознания, истории, культурологии и семиотики. За прошедшие десятилетия на русском языке вышли самые разные академические и научно-популярные работы, например: монография В. А. Истрина «Развитие письма» [7], обобщающие монографии наподобие [2], переводы зарубежных монографий [10; 13], научно-популярные работы (например, [8]). Наконец, в 2013 г. вышла обобщающая работа Вяч. Вс. Иванова «От буквы и слога к иероглифу» [6]. Несмотря на объем изданной литературы по предмету, давно ощущалась необходимость создания учебника, в котором были бы отражено состояние грамматологии на данный момент. Именно поэтому выход в свет книги Людмилы Львовны Федоровой «История и теория письма» оказался весьма своевременным.

Следует оговориться: хотя в подзаголовке книга названа учебным пособием, это не вполне соответствует истине, поскольку пособия, как правило, дополняют или частично заменяют учебники. В данном случае, скорее, можно говорить о полноценном учебнике; впрочем, в предисловии автор использует оба эти термина (стр. 4—5).

Учебник Л. Л. Федоровой состоит из 22 глав-лекций, охватывающих самые разные аспекты письма: возникновение, история развития, типология письменных систем, влияние поверхности и инструмента на начертание знаков. В первых главах рассказыва-

ется об эволюции письменных знаков от протописьменности наподобие предметного письма к пиктограммам, даются основные понятия и термины; ко многим из них (например, противопоставлению линейного и рисуночного письма или роли поверхности и способа начертания: камень vs. ткань или бумага, резец vs. кисть или перо), — автор неоднократно возвращается в дальнейшем, описывая особенности конкретных письменных систем.

На первый взгляд, порядок следования некоторых глав может показаться странным: так, глава «Создание национального письма на основе греческого алфавита» помещена в начало книги (лекция 2), тогда как лекции «Алфавит» и «Славянское письмо» — в конец (лекции 18 и 20, соответственно). Впрочем, при подробном рассмотрении такой порядок сведения лекций становится понятен: глава 2-я («Создание национального письма…») следует за главой о появлении письма как такового, поскольку описывает самый распространенный способ обретения письма — его заимствование и последующую адаптацию. Уделяется внимание и культурным коннотациям — почитанию мифических (например, Кадма) или реальных (Кирилла и Мефодия, Месропа Маштоца и др.) создателей письма. В третьей главе автор рассказывает о создании систем письменности в Новое и Новейшее время, особенно подробно останавливаясь на истории изобретения корейского алфавита «хангыль» (XV в.) и научной разработке алфавитов для бесписьменных языков в XX в. — в частности, новых алфавитов для языков СССР (как правило, на латинской, а с 30—40-х гг. XX в. — на кириллической основе), — и на математической формуле Н. Ф. Яковлева для построения алфавита с учетом общего числа фонем и парных противопоставлений. Кроме того, автор касается проблемы пазиграфии, т.е. универсальной письменности, создание которой непосредственно связано с интерлингвистикой и конструированием языков (см., например, нашу рецензию [5] на работу А. Ч. Пиперски «Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского» [12]).

Следующие лекции (с 4-й по 21-ю) посвящены подробному рассмотрению развития письма по принципу *case study*, т.е. истории и анализа многочисленных примеров в порядке хронологии и эволюции (от пиктографии к идеографии, от идеографии к фоно-

графии). Основным историческим и современным системам Старого (древнеегипетской, китайской, шумерской клинописи, индийским, финикийской и пр.) и Нового Света (письменные системы Месоамерики — прежде всего, ацтеков и майя), а также их потомкам, посвящены отдельные главы и разделы; в силу особенностей развития и типологических отличий Л. Л. Федорова рассматривает некоторые географически близкие или родственные системы (например, ацтекскую и майяскую; североиндийские и южноиндийские абугиды и их потомков; греческий, этрусский и латинский алфавиты, германские руны и ирландский огам) в отдельных главах. Перечисляются типы словесно-слоговых и слоговых систем. Подробно рассматриваются гипотезы происхождения алфавита. Двадцатая глава посвящена славянским алфавитам — глаголице и кириллице. В двадцать первой рассмотрены влияние на письмо книгопечатания и сопутствующая эволюция пунктуационных и диакритических знаков. Любопытно, что автор разграничивает собственно диакритические знаки, указывающие на регулярные изменения, и квазидиакритики, функция которых сводится к образованию новых знаков для специфических фонем (стр. 468); впрочем, в дальнейшем эти знаки продолжают называться диакритиками.

Наконец, в двадцать второй главе дается обобщение материала и типология систем письма. При этом, суммируя изложенное, автор указывает на разные подходы к классификации письма, различные спорные моменты — например, положение западносемитских консонантных систем среди слоговых или алфавитных (как известно, они несут признаки и тех, и других), а также разграничение понятий «абджад» и «консонантный алфавит» (при появлении для обозначения огласовок). Классифицируются специальные системы и способы начертания (хотя, разумеется, каллиграфия и стенография рассматриваются и в более ранних лекциях). Кроме того, рассматривается развитие письменных знаков в эпоху цифровых технологий — вопрос, не теряющий актуальности (ср. работы Д. Кристала [14] и М. А. Кронгауза [9]).

Следует отметить несомненную терминологическую удачу автора при рассмотрении абугид в 22-й и 13-й лекциях: соответствующий раздел тринадцатой лекции озаглавлен «Типы слоговых систем: кана, абджад, абугида, пахау» (стр. 252). Говоря о гипотети-

ческой (и пока не обнаруженной) обратной абугиде — иначе говоря, о таком слоговом алфавите, который опирался бы не на согласный, а на гласный, — Л. Л. Федорова, фактически, предлагает в качестве наименования таких слоговых алфавитов термин «пахау» — название одной из систем письма для языка хмонг (семья мяо-яо, Юго-Восточная Азия). Очевидно, что это письмо, созданное неграмотным крестьянином (впоследствии духовным вождем и просветителем) Шон Лы Я, в силу порядка следования элементов знака (написание инициалей после финалей, т.е. чтение знаков справа налево при общем направлении письма слева направо) ближе всего стоит к гипотетическим обратным абугидам.

В работе содержатся сведения, полезные не только будущим грамматологам или палеографам: в частности, автор дает краткий грамматический очерк языка науатль (стр. 130—133), проливающий свет на особенности эмблематического словесно-слогового письма ацтеков. Любопытно, что Л. Л. Федорова для обозначения ацтекских идиом и композитов, состоящих из двух компонентов, таких как *topca petlacalco* ‘тайна’ (букв. «в корзине, в сундуке»), *in mitl in chimalli* ‘война’ («эти стрелы, этот щит»), *altepetl* ‘поселение’ («холм-вода»), использует термин «бином», преимущественно встречающийся в работах китаистов (ср. [2; 4]). На наш взгляд, для описания лексики и фразеологии науатля этот термин подходит точно так же, как и для китайской: и перечисленные словосочетания на науатле, и китайские двусложные слова (двуслоги, биномы) типа *дасяо* ‘размер’ («большой-малый»; пример из [1, 41]) очевидно идиоматичны; кроме того, эмблематический характер ацтекского письма и его ограничения — фактически, его можно использовать только для записи имен, — равно как и инкорпорирующий строй языка позволяют нам использовать и в отношении композитов, и в отношении фразеологизмов науатля один и тот же термин[43]. Автор также касается социолингвистического аспекта смены графики (например, в лекции 7).

---

[43] Ср. также определение фразеологизации по И. А. Мельчуку (курсив оигинала): «Мы имеем дело с фразеологизацией всякий раз тогда, когда в языке ***L*** некоторый комплекс **Z** знаков **X** и **Y** обладает некоторыми свойствами — семантическими, фонетическими или сочетаемостными, — не вытекающими по стандартным правилам языка ***L*** из соответствующих свойств знаков-

Учебник содержит большое количество лингвистических задач, направленных на расшифровку и освоение существующих типов и систем письма, а также специальных разновидностей наподобие шифров и стенографии. Бóльшая часть задач использовалась в олимпиадах по лингвистике, так что некоторые из них можно увидеть и в научно-популярных изданиях — например, в уже упоминавшейся книге А. Ч. Пиперски [12].

К сожалению, в книге не обошлось без неточностей: говоря о проникновении арабского письма в Европу (стр. 321), автор упоминает только Пиренейский полуостров, но не указывает на арабское присутствие на Сицилии и Сардинии, а также вторичное тюркское влияние на Балканах и в Великом Княжестве Литовском (ср. появление «китабов» на западнорусском, или старобелорусском, языке). Некоторые нарекания вызывает синхроническая терминология при описании истории внедрения тех или иных письменных знаков: на наш взгляд, в контексте проникновения вышеупомянутого арабского письма в Юго-Восточную Азию термины *малайский язык* и, в особенности, *индонезийский язык* представляются анахронизмами. Вопросы вызывает использование термина *дифтонг* при объяснении использования диерезиса во французском *Noël* (стр. 469), поскольку граница слогоделения здесь проходит именно по соответствующим гласным звукам, т.е. дифтонгом это сочетание не является. Кроме того, на той же странице, говоря об акуте в венгерском языке, автор утверждает, что он «может обозначать и другое качество звука: переднее [á] в отличие от заднего [ɑː]», что не совсем верно: если в диалектах такое и может быть, то в литературном венгерском ситуация обратная: *a* без акута обозначает краткий лабиализованный гласный заднего ряда нижнего подъема [ɒ], тогда как *á* обозначает долгий нелабиализованный гласный переднего ряда нижнего подъема [aː].

Встречаются и технические погрешности наподобие изолированного начертания арабских харфов вместо слитного начального, срединного и конечного (к сожалению, этот недочет не так уж и редок в современных изданиях) и опечаток, ср. *гин* вместо *гим*

компонентов <…> В таком случае выражение **Z** называется ***фразеологизированным комплексом знаков***. (Иногда вместо фразеологизованным говорят также лексикализованным — в том случае когда **Z** представляет собой лексическую единицу.)» [11, 447].

(название третьей буквы армянского алфавита, стр. 38), *альямьядо* вместо *альхамьядо* (испанское название арабского письма на Пиренейском полуострове, в особенности — при ее использовании для записи средневековых иберо-романских идиомов, стр. 325).

В целом, данная книга, как уже было сказано, является не учебным пособием, а полноценным учебником грамматологии, семиотики, лексикологии и фразеологии. Данная работа написана очень простым, легким и доступным языком и, не выходя за пределы научно-академического стиля, читается как научно-популярная работа. Книгу Л. Л. Федоровой «История и теория письма» можно смело рекомендовать максимально широкому кругу читателей.

Литература

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
2. Воропаев Н. Н. Закономерности формирования лексических единиц в потоке китайской речи // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 9, 2017 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/5.pdf. С. 115—169.
3. Гельб И. Е. Опыт изучения письма. М.: Радуга, 1982.
4. Драгунов А. А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л., 1962.
5. Дронов П. С. Рецензия на книгу А. Пиперски. Конструирование языков. От эсперанто до дотракийского. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. — 224 с.; илл. // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический сборник). Выпуск 9, 2017 // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2017_09/18.pdf.
6. Иванов Вяч. Вс. От буквы и слога к иероглифу: системы письма в пространстве и времени. М.: Языки славянской культуры, 2013.
7. Истрин В. А. Развитие письма. М.: Издательство АН СССР, 1961.

8. Кондратов А. М., Шеворошкин В. В. Когда молчат письмена: загадки древней Эгеиды. М.: Наука, 1970.

9. Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. М.: Corpus, 2013.

10. Лоукотка Ч. Развитие письма. Пер. с чеш. М.: Издательство иностранной литературы, 1950.

11. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. IV / Пер. с фр. Е. Н. Саввиной под общ. ред. Н. В. Перцова. М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2001.

12. Пиперски А. Ч. Конструирование языков. От эсперанто до дотракийского. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.

13. Фридрих И. История письма. М., 1974.

14. Crystal, D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Содержание

Проблемы описания языка

Ануфриев А. А. (Институт языкознания РАН)
Проблема семантических переходов в системе романских глаголов внутреннего состояния…….……..…… 3
Барулин А. Н. (Институт языкознания РАН)
«Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка и дальнейшие пути развития его идей. Часть 1……..……..…..……. 19
Бахнян К. В. (Институт языкознания РАН)
Измерение динамики языковой ситуации в Карпатском конвергентном лингвистическом ареале…..……. 77
Васильева Н. В. (Институт языкознания РАН)
Эрика: ономастический этюд……..…… 91
Воропаев Н. Н. (Институт языкознания РАН)
О функционировании прецедентных имен (на материале китайского языка)……..... 105
Дьячков В. В. (Институт языкознания РАН)
О некоторых проблемах терминологии, принятой в базе данных «Языки мира»…… 117
Зотова А. К. (Институт языкознания РАН)
Некоторые особенности современной лингвистической терминологии (на материале базы данных «Языки мира» Института языкознания РАН)……. 128
Иоанесян Е. Р. (Институт языкознания РАН)
Вера, знание, бесстрашие — неверие, незнание, страх…….…….. 140
Калашников А. В. (НИУ ВШЭ)
Фамилия Shakespeare в англоязычном мире……. 168
Рябцева Н. К. (Институт языкознания РАН)
Метакогнитивная рефлексия и коммуникация…….. 179
Сизов М. М. (Институт языкознания РАН)
Устный перевод с листа на русский язык научно-технического текста на английском языке в условиях непонимания...…. 202
Челышева И. И. (Институт языкознания РАН)
Стратегии использования диалекта в итальянской художественной литературе.. 215

Проблемы преподавания языка

Разинкина Н. М. (Институт языкознания РАН)
Учебный подход к понятию «экспрессивность текста» (с вопросами, заданиями и примерами на русском и английском языках)....… 229
Широкова Г. А. (Институт языкознания РАН)
Из опыта обучения аспирантов грамматике английского языка……. 289

Обзоры. Рецензии

Дронов П.С. (Институт языкознания РАН)
Рецензия на книгу Л. Л. Федорова. История и теория письма. Учебное пособие. М.: Наука, 2015. 560 с.; илл……... 301

Об авторах

Ануфриев Александр Александрович, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН; e-mail: colombaaa@list.ru.

Барулин Александр Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора компаративистики Института языкознания РАН; e-mail: barulin@iling-ran.ru.

Бахнян Константин Васильевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН.

Васильева Наталия Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: vasileva-natalia@yandex.ru.

Воропаев Николай Николаевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН; e-mail: voropaev@vokitai.ru.

Дронов Павел Сергеевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник научно-образовательного центра теории и практики коммуникации им. Ю.С. Степанова (НОЦ ТиПК), Институт языкознания РАН; e-mail: nord.dronov@gmail.com.

Дьячков Вадим Викторович, младший научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: hyppocentaurus@mail.ru.

Зотова Анастасия Кирилловна, научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: assiia@inbox.ru.

Иоанесян Евгения Рафаэлевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: ioanevg@mail.ru.

Калашников Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных дисциплин департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; e-mail: remkas@mail.ru.

Разинкина Нина Марковна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Института языкознания РАН; e-mail: n.razinkina@list.ru.

Рябцева Надежда Константиновна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: nadia_riabceva@mail.ru.

Сизов Михаил Михайлович, Сизов Михаил Михайлович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: mmsizov@mail.ru.

Челышева Ирина Игоревна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, и.о. зав. отделом индоевропейских языков; e-mail: chelirin@gmail.com.

Широкова Галина Алексеевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Института языкознания РАН; e-mail: Shirokov_Vladimir_A@cat.com.